

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.П. АСТАФЬЕВА»

На правах рукописи

Коняшкин Александр Алексеевич

**РАЗГОВОРНЫЙ СИНТАКСИС
В ИДИОСТИЛЕ РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Васильева Светлана Петровна

Красноярск – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ И ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ	19
1.1. Разговорная речь и разговорный стиль: критерии дифференциации и функции в языке художественной литературы	19
1.2. Идиостиль как система языковых средств и отражение авторской концептуальной картины мира	24
1.3. Стилистические ресурсы идиостиля рассказов В.М. Шукшина	32
1.4. Структурно-семантический и функционально-коммуникативный подходы к изучению разговорного синтаксиса: обзор и дискуссии.....	48
Выводы по первой главе	51
ГЛАВА 2. КОНСТРУКЦИИ РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА В ИДИОСТИЛЕ РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА.....	54
2.1. Диалогическая речь в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.....	54
2.2. Функциональные разновидности предложений по цели высказывания и эмоциональной окраске	56
2.2.1. Функции восклицательных предложений в рассказах В.М. Шукшина	57
2.2.2. Функции повествовательных предложений в рассказах В.М. Шукшина	60
2.2.3. Функционирование вопросительных предложений в рассказах В.М. Шукшина	62
2.2.4. Коннотативные значения частиц в разговорном синтаксисе рассказов В.М. Шукшина.....	68
2.3. Неполные предложения в идиостиле рассказов В.М. Шукшина	70
2.3.1. Эллиптические предложения как отдельный вид экспрессивного средства в рассказах В.М. Шукшина	72
2.4. Нечленимые предложения в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.....	75
2.4.1. Функционирование междометных конструкций в рассказах В.М. Шукшина	78
2.4.2. Функционирование нечленимых слов-предложений ДА, НЕТ, АГА в рассказах В.М. Шукшина	81
2.5. Аналитические конструкции.....	84

2.5.1. Функционирование нечлененых конструкций с количественным значением в рассказах В.М. Шукшина	84
2.5.2. Функционирование нечлененых аналитических конструкций составного сказуемого в рассказах В.М. Шукшина	86
2.5.3. Функционирование аналитических конструкций расчленённых глаголов с совмещённым значением действий в рассказах В.М. Шукшина	89
2.5.4. Функционирование побудительных аналитических конструкций в рассказах В.М. Шукшина.....	91
2.5.5. Функционирование аналитических конструкций с частицами в рассказах В.М. Шукшина.....	93
2.6. Сравнительные конструкции в системе разговорного синтаксиса В.М. Шукшина	95
2.6.1. Функционирование сравнений с союзами в идиостиле рассказов В.М. Шукшина	96
2.6.2. Функционирование сравнений на -ьи, -ски, -цки в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.....	97
2.6.3. Функционирование сравнений как средство иронии, насмешки в идиостиле рассказов В.М. Шукшина	98
2.7. Вводные компоненты в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.....	102
2.8. Вставные конструкции в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.....	104
2.9. Лексические повторы в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.....	107
2.10. Особенности функционирования пословиц и афоризмов в идиостиле рассказов В.М. Шукшина	110
2.10.1. Функционирование пословиц в идиостиле рассказов В.М. Шукшина	111
2.10.2. Функционирование афористических выражений в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.....	114
2.11. Сложные предложения в разговорном синтаксисе В.М. Шукшина	116
2.13. Функционально несвободные сложноподчинённые предложения в идиостиле рассказов В.М. Шукшина	122
2.13.1. Сложноподчинённые предложения с условным значением и формой повелительного наклонения в придаточной части	123
2.13.2. Сложноподчинённые предложения с уступительно-сравнительными и коррелятивными конструкциями в идиостиле В.М. Шукшина	126
Выводы по второй главе	132

Глава 3. СЕГМЕНТИРОВАННЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА	136
3.1. Сегментированные синтаксические конструкции в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.....	136
3.1.1. Функции именительного темы в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.....	139
3.1.2. Функции инфинитивно-подлежащих предложений в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.....	145
3.1.3. Функции биноминативных и биинфинитивных предложений в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.....	147
3.1.4. Парцелляция в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.....	150
3.2. Особенности текстообразования в рассказах В.М. Шукшина	152
3.2.1. Особенности композиции рассказов В.М. Шукшина.....	155
3.2.2. Особенности вербализации ключевых концептов в рассказах В.М. Шукшина	161
Выводы по третьей главе.....	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	174

ВВЕДЕНИЕ

Изучение идиостиля писателя как отражения его языковой личности и художественного мировоззрения остаётся одной из приоритетных задач современной лингвостилистики. Особое внимание при этом уделяется анализу разговорного стиля, который, будучи наиболее приближённым к устной форме национального языка, представляет собой богатый источник для исследования динамики стилистических средств, речевых стратегий и коммуникативных установок автора. В данном контексте особенно значимым является идиостиль В.М. Шукшина — писателя, сумевшего органично включить разговорную речь в ткань литературного текста, сделав её основным выразительным средством художественной репрезентации деревенской культуры, национального характера и психологии маленького человека.

Актуальность исследования обусловлена как лингвистическими, так и литературоведческими основаниями. Во-первых, произведения В.М. Шукшина — это яркий пример взаимодействия литературного и разговорного стилей, что позволяет исследовать границы стилистической нормы, особенности функционального варьирования языковых средств, а также закономерности их употребления в художественном дискурсе. Разговорный стиль в его рассказах — не просто отражение бытовой речи, а целенаправленно организованный компонент идиостиля, выполняющий важные функции в раскрытии характеров, построении конфликта и передаче авторского отношения к описываемой действительности.

Во-вторых, несмотря на наличие ряда работ, посвящённых творчеству Шукшина, комплексный лингвостилистический анализ разговорного стиля как доминантной составляющей его идиостиля остаётся недостаточно проработанным. Проблема исследования заключается в необходимости системного описания разговорных элементов в прозе Шукшина, определения их функций, семантики и прагматического потенциала в контексте построения художественной картины мира. Требуется дальнейшего изучения вопрос о соотношении элементов устной и письменной речи в авторском стиле, а также о том, как разговорная речь

трансформируется при переходе в художественный текст и какие механизмы речевой адаптации при этом задействуются.

В-третьих, в условиях современных социокультурных и языковых изменений исследование разговорного стиля в литературе XX века позволяет проследить эволюцию стилистических норм, зафиксировать исчезающие или трансформирующиеся речевые модели, а также сохранить языковое наследие ушедшей эпохи. Шукшинская проза — это не только художественный текст, но и лингвистический артефакт, сохраняющий особенности народной речи, эмоционально-оценочные конструкции, идиоматические выражения, характерные для русской деревни второй половины XX века.

Таким образом, тема исследования «Разговорный синтаксис в идиостиле рассказов В.М. Шукшина» обладает высокой степенью актуальности. Её значимость определяется потребностью в научной систематизации разговорных языковых элементов в художественном тексте, а также необходимостью осмысления их роли в формировании художественной выразительности и индивидуального стиля писателя. Исследование направлено на выявление структурно-семантических и коммуникативно-прагматических особенностей разговорного синтаксиса в прозе В.М. Шукшина, что позволит расширить теоретические представления о функционировании разговорной речи в литературном дискурсе и углубить понимание механизмов идиостиля как лингвистической категории.

Активное творческое использование потенциала русского языка, речетворческие инновации в различных сферах коммуникации, гениальная стилизация неформального общения – всё это объясняет повышенное внимание лингвистов к творчеству В.М. Шукшина. В этой связи в первую очередь следует назвать диссертационные работы, рассматривающие различные особенности идиостиля писателя. Наряду с названными работами, в отечественном языкознании представлено большое количество исследований творчества В.М. Шукшина. Профессор А.А. Чувакин отмечает, что в нашем случае акцент делается на понимании творчества Шукшина [Чувакин, 2015, с. 31].

Понятие функционирования обычно связывают с понятием функции, которое может быть углублено на основе понятия жизнедеятельность творчества. Это позволяет сопрячь в представлении самоё деятельность и тексты деятельности. Здесь обращает на себя внимание следующее: жизнедеятельность связывается, прежде всего с сохранением результатов творчества... [Ширяев, 2009, с. 468].

Основы функционально-коммуникативного направления в отечественном языкознании заложили работы Н.Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» (1960); В.В. Виноградова «Грамматическое учения о слове» (1986), С.Е. Крючкова, Л.Ю. Максимова «Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения» (1977); А.В. Бондарко «О функционально-коммуникативном анализе языковых единиц» (2002); Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидоровой «Коммуникативная грамматика русского языка» (2002); структурно-семантического направления — П.А. Леканта «Семантика членов предложения» (2002).

Художественные тексты В.М. Шукшина — это взаимодействие всех функционально-стилистических типов речи, в симбиозе которых доминирует разговорная речь. Разговорный синтаксис определяется в диссертации как синтаксический уровень разговорной речи. Каждый тип речи соотносится с системно-уровневой организацией языка (фонетическая стилистика, лексическая, синтаксическая стилистика). Поскольку синтаксис поглощает в себе другие системные уровни разговорной речи, он рассматривается в диссертации как уровень речеобразования.

Несмотря на функциональные и стилистические различия, устная и письменная речь представляют собой формы реализации одной и той же языковой системы. В обоих случаях говорящий или пишущий использует одинаковые языковые единицы — слова, грамматические формы, синтаксические конструкции — извлекая их из собственного лексико-грамматического запаса. Отличия заключаются не в системе языка, а в способах её актуализации: устная речь обращена к слушателю и контексту, письменная — к тексту и читателю. Из этого следует, что разграничение форм речи в определённой мере относительно. Они

диалектически взаимосвязаны: то, что есть в устной речи, есть и в письменной. РР в тексте художественного произведения — это как бы (условно говоря) разговорно-письменная речь. Но сказанное не означает, что между формами нет структурных, экстралингвистических, функциональных различий — они есть и традиционно являются предметом исследований — лингвистических, литературоведческих, текстологических, философских, исторических, социальных и т. д. Особенности структуры и функционирования разговорной речи всегда привлекали внимание лингвистов. Различия между разговорной и письменной речью существенны, что затрудняет создание единой грамматики, полностью охватывающей все аспекты языка. Однако это не делает задачу невозможной, так как общие принципы языка остаются базой для обеих форм, несмотря на их специфику.

Устная речь представляет собой любую произносимую форму речевой деятельности, реализуемую в процессе непосредственного речевого общения. Письменная речь, напротив, фиксируется при помощи графических знаков и противопоставляется устной как вторичная, производная форма речевого высказывания [Ширяев, 2009, с. 468].

Следует подчеркнуть, что в лингвистике существует понятие устной речи в письменной форме, под которым принято понимать графически оформленную речь, сохраняющую признаки разговорности на уровне лексики, синтаксиса и прагматики. Такое явление характерно, в частности, для художественных текстов, где реплики персонажей передаются в письменном виде, но сохраняют структурные и стилистические особенности устной, разговорной речи.

Таким образом, художественная литература — особенно проза — нередко становится пространством взаимодействия устной и письменной форм речи. В этом контексте заслуживает внимания позиция Н.Ю. Шведовой, подчёркивающей, что «письменная речь в определённой степени свободнее в выборе языковых средств, нежели говоримая: Письменная речь свободнее в выборе языковых средств, чем речь говоримая» [Шведова, 1960, с. 6].

Развивая эту мысль, Шведова ссылается на высказывание А.Н. Боголюбова, который отмечал: «При говорении всегда существует наивная иллюзия, что мы

саму действительность вовлекаем в сферу речи... Иное дело язык письменный... Здесь возникает уже другая иллюзия — иллюзия свободы в выборе слов и выражений... в ущерб чувству обязательности такого-то говоренья при таких-то обстоятельствах» [там же]. Таким образом, письменная речь, хотя и предоставляет возможности для более продуманного, отрефлексированного речевого высказывания, вместе с тем теряет непосредственность, характерную для устной формы.

Теоретическая значимость подобного противопоставления обусловлена тем, что как устная, так и письменная речь являются психолингвистическими процессами, опосредованными когнитивными и социальными механизмами. Эти механизмы определяют специфику структурной и функциональной организации высказываний, лежащую в основе их дифференциации.

Объектом исследования является разговорный синтаксис как система и основополагающее средство идиостиля рассказов В.М. Шукшина.

Предмет исследования — единицы разговорного синтаксиса рассказов В.М. Шукшина и их функциональные роли в структурной, содержательной, коммуникативной, стилевой организации текста, передаче народной картины мира.

В материалах исследования зафиксировано 320 конструкций разговорного синтаксиса (в частности, парцелляция, сегментированные конструкции (именительный темы), неполные предложения и присоединительные конструкции), что свидетельствует о высокой частотности использования разговорных синтаксических явлений в рассматриваемых произведениях. Анализ проводился на основе корпуса из 236 контекстов, отобранных из 25 рассказов В.М. Шукшина, вошедших в сборники: «Сельские жители» (1963), «Там, вдали» (1968), «Характеры» (1973) и «Беседы при ясной луне» (1974). В корпус включались как реплики персонажей, так и авторские повествовательные фрагменты, содержащие указанные конструкции, которые играют ключевую роль в раскрытии характеров персонажей и развитии сюжетных линий.

Цель работы — анализ функционально-стилистических особенностей разговорного синтаксиса в идиостиле рассказов В.М. Шукшина в соответствии с коммуникативными интенциями говорящих.

Задачи определяются целью исследования:

1. Рассмотреть понятия идиостиль и разговорный синтаксис.
2. Уточнить и дифференцировать понятия разговорная речь и разговорный стиль.
3. Исследовать взаимосвязь структурно-грамматического, семантического и функционального аспектов разговорных конструкций идиостиля рассказов В.М. Шукшина, обеспечивающую реализацию авторских интенций и художественной концепции текста через механизмы речевого воздействия.
4. Определить системный характер стилистических ресурсов разговорной речи в рассказах В.М. Шукшина.
5. Систематизировать синтаксические конструкции разговорной речи в рассказах В.М. Шукшина, разработать классификационную модель на основе критериев частотности, стилистической маркированности и структурно-семантических параметров.
6. Описать функции экспрессивных синтаксических средств.
7. Обосновать употребление сегментированных синтаксических конструкций как проявление наиболее яркой особенности разговорного экспрессивного синтаксиса рассказов В.М. Шукшина
8. Определить основные особенности текстообразования в рассказах В.М. Шукшина.

Теоретической и методологической базой исследования стали научные труды В.В. Виноградова [1959, 1971, 1986], Н.Ю. Шведовой [1960, 1961], О.А. Лаптевой [1976], Г.А. Золотовой [1973], П.А. Леканта [1988, 2002], А. П. Сковородникова [2003], И.Б. Голуб [2007], А.А. Чувакин [2002, 2004, 2015] и др. (полный перечень представлен в списке литературы).

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в нём впервые осуществляется целостное описание разговорного синтаксиса как

системообразующего элемента идиостиля В.М. Шукшина. В отличие от существующих работ, таких как исследования О.А. Лаптевой и Е.А. Земской, где разговорный синтаксис рассматривался в контексте более общих характеристик разговорной речи или стилистических особенностей, данное исследование фокусируется на роли разговорных конструкций как ключевого компонента авторской стратегии речевого оформления.

О.А. Лаптева в своих работах (например, в «Разговорная речь и нормы литературного языка») акцентирует внимание на функциональном аспекте разговорной речи, систематизируя синтаксические конструкции, характерные для живой речи. Е.А. Земская в своих исследованиях также затрагивает вопросы динамики разговорной речи в условиях социокультурных изменений, акцентируя внимание на адаптивных аспектах языка. Однако в отличие от этих работ, наше исследование сосредоточено на более глубоком анализе именно синтаксической структуры, рассматривая её как основополагающую для формирования идиостиля писателя.

Данное исследование предлагает более детальное сопоставление с предыдущими работами в контексте выявления системных характеристик разговорного синтаксиса в произведениях Шукшина, что позволяет уточнить и расширить представления о его идиостиле, а также способствует лучшему пониманию взаимодействия языка и авторской концептуальной картины мира.

В отличие от предшествующих работ (А.А. Чувакин, О.А. Лаптева, Н.Ю. Шведова, И.Б. Голуб), где разговорная речь рассматривалась преимущественно как средство художественной достоверности и приём речевой характеристики персонажей, в данной работе она трактуется как функционально организованная языковая система с собственными структурными и семантическими параметрами. Исследование уточняет особенности разговорных конструкций в идиостиле Шукшина, включая синтаксическую упрощённость, парцелляцию, использование вводных и междометных элементов, а также диалогичность и фрагментарность речи, приближающих письменный текст к устной форме. Разговорный синтаксис в прозе писателя анализируется как средство

формирования повествовательной динамики, экспрессивности и коммуникативной напряжённости, обеспечивающее аутентичность художественного высказывания. Новизна работы заключается не только в классификации разговорных конструкций и определении их функций, но и в разработке теоретического подхода к их интерпретации как механизма построения авторской модели повествования. Полученные результаты уточняют понятие идиостиля, раскрывают структурно-функциональные возможности разговорной речи в художественном тексте и вносят вклад в развитие лингвостилистики современного русского языка.

Положения, выносимые на защиту:

1. Идиостиль В.М. Шукшина представляет собой интегративную систему языковых, когнитивных и стилистических средств, в которой центральное место занимает разговорный синтаксис как форма художественной репрезентации народной картины мира. Разговорный синтаксис является универсальным текстообразующим механизмом, связывающим языковую форму, художественную идею и философское содержание произведения, что позволяет рассматривать его идиостиль как уникальную модель взаимодействия народного и литературного начал в языке художественной прозы.

2. Разговорный синтаксис в прозе В.М. Шукшина является не вспомогательным элементом стиля, а системообразующим фактором текстовой организации, обеспечивающим динамику повествования, экспрессивность и композиционную цельность малой прозаической формы.

3. Односоставные, инфинитивно-подлежащие, биноминативные и аналитические конструкции формируют ядро разговорного синтаксиса в рассказах Шукшина. Эти модели обладают высокой степенью прагматической и экспрессивной насыщенности, выполняют текстообразующую и характерологическую функции.

4. Сегментированные и парцеллированные синтаксические структуры являются одним из ведущих приёмов шукшинской повествовательной стратегии: они служат средством актуализации подтекста, передачи внутреннего напряжения, драматизма и психологической фрагментарности сознания персонажей.

5. В идиостиле писателя разговорные конструкции выполняют концептуальную функцию — через них вербализуются ключевые ценности народного мировидения: *душа, правда, совесть, понимание, свобода*. Разговорные формы становятся инструментом выражения народной философии, что отражает духовно-нравственную основу творчества В.М. Шукшина.

6. Дихотомия *понимание / непонимание* является концептуальным ядром повествовательного мира В.М. Шукшина, реализуется на лексико-семантическом, синтаксическом и композиционном уровнях и определяет характер конфликтов, мотивацию героев и структуру художественного времени.

7. Разговорный синтаксис в прозе В.М. Шукшина выступает механизмом речевой характеристики персонажей, создавая типологически точные и психологически достоверные речевые портреты, через которые автор раскрывает ментальность русского народа второй половины XX века.

Методологическая основа исследования определяется спецификой объекта и предмета анализа — разговорного синтаксиса в художественных произведениях В.М. Шукшина, отражающего особенности устной речи в письменной форме. Выбор методов обусловлен необходимостью комплексного подхода к изучению синтаксических конструкций, их структуры, функций, семантики и роли в организации идиостиля писателя.

В рамках работы применяются следующие методы лингвистического анализа:

1. Структурно-семантический метод. Применяется для выявления и описания разговорных синтаксических конструкций, характерных для текстов Шукшина. Позволяет классифицировать устойчивые и нестандартные синтаксические структуры, определить особенности их формальной организации и смысловой нагрузки. Синтаксический анализ. Используется для детального описания структурных особенностей разговорных предложений (эллиптических, неполных, инвертированных, нечленимых и др.), их сочетаемости и позиции в диалоге.

2. **Функциональный анализ.** Направлен на изучение коммуникативных функций синтаксических единиц в контексте художественного текста. Позволяет определить, каким образом разговорные конструкции способствуют созданию экспрессии, диалогичности и ситуативности повествования.
3. **Филологический анализ.** Обеспечивает комплексное понимание текста с учётом его художественной природы, культурных и языковых реалий. Применяется для интерпретации синтаксических структур в контексте образной системы произведения и авторского мировоззрения.
4. **Трансформационный метод.** Позволяет проследить потенциальные преобразования разговорных конструкций в более нейтральные или книжные формы. Данный метод выявляет системные отличия разговорного синтаксиса от других функциональных разновидностей синтаксической организации речи.
5. **Компонентный анализ.** Применяется для выделения минимальных семантических компонентов в составе синтаксических конструкций. Помогает установить смысловые различия между близкими по форме выражениями и выявить скрытые смысловые импликации.
6. **Стилистический анализ.** Направлен на изучение стилистической окраски синтаксических конструкций, их роли в создании экспрессивного, эмоционального и интонационно насыщенного текста. Особенно важен при исследовании идиостиля В.М. Шукшина.
7. **Контекстуальный анализ.** Используется для выявления зависимости функционирования синтаксических единиц от конкретного контекста — речевого, жанрового, коммуникативного. Обеспечивает точную интерпретацию высказываний в рамках художественного текста.
8. **Количественный анализ.** Позволяет более точно определить степень доминантности отдельных типов разговорных конструкций (односоставных, нечленимых, аналитических, инфинитивно-подлежащих, сегментированных, парцелированных и др.) в общей системе идиостиля

писателя, а также выявить их распределение по различным речевым зонам художественного текста — в речи персонажей и в повествовательной речи. Предоставляет возможность уточнить функциональную иерархию разговорных средств и степень их участия в формировании образа автора как текстообразующей категории.

Комплексное применение указанных методов позволяет всесторонне охарактеризовать разговорный синтаксис как средство художественной выразительности и компонент индивидуального авторского стиля В.М. Шукшина. Методологическая база обеспечивает опору для интерпретации синтаксических явлений не только на уровне формы, но и в аспекте смысловой, прагматической и культурной нагрузки.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в систематизации и углублении современных представлений о теории идиостиля, а также в разработке комплексного подхода к анализу разговорной речи в художественных текстах. Теоретическая значимость работы проявляется в уточнении критериев идентификации разговорного синтаксиса как системного маркера индивидуального авторского стиля, что вносит вклад в развитие лингвостилистики и синтаксической стилистики.

В исследовании обоснована взаимосвязь между когнитивными механизмами речепорождения (включающими автоматизацию речевых паттернов, реализацию речевых интенций, стереотипизацию выражений) и структурой идиостиля писателя. На примере прозы В.М. Шукшина показано, как особенности когнитивной организации речевого материала определяют синтаксические выборы автора, формируя устойчивую модель индивидуального речевого поведения.

Теоретическая значимость работы также проявляется в расширении методологической базы анализа художественного текста. Предложенный интегративный подход сочетает:

– структурно-семантический анализ, позволяющий выявить устойчивые синтаксические конструкции и их формальную организацию;

– функционально-коммуникативный подход, ориентированный на изучение прагматических и стилистических функций синтаксических единиц в контексте речевого взаимодействия;

– когнитивный аспект, позволяющий интерпретировать синтаксические особенности через призму речевого сознания, интенциональности и категорий языкового мышления.

В совокупности это позволяет рассматривать разговорный синтаксис не только как средство художественной выразительности, но и как отражение глубинных структур языковой личности автора.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности применения его результатов в нескольких направлениях:

– в теоретико-прикладной лингвистике — для дальнейшего изучения механизмов взаимодействия функциональных стилей, в частности, разговорной и книжной письменной речи;

– в преподавании дисциплин филологического профиля — таких как Стилистика русского языка, Современный русский язык. Синтаксис, Лингвистический анализ текста, где выявленные типы разговорных синтаксических конструкций могут быть использованы как иллюстративный материал;

– в практике текстового анализа и редактирования – при интерпретации авторской речи и выявлении стилевых особенностей художественных произведений;

– в этнолингвистических исследованиях, направленных на изучение менталитета, речевой культуры и языкового сознания русскоязычного социума XX века.

Материалы работы могут быть полезны при создании лингвистических комментариев к художественным текстам, в том числе в школьной и вузовской практике, а также при разработке учебных пособий по анализу идиостиля писателя.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования изложены в публикациях и представлены в докладах на конференциях международного уровня:

– «Несвободные по строению сложные предложения в рассказах В.М. Шукшина» (г. Красноярск, 25 мая 2022 г.);

– «Особенности идиостиля рассказов В.М. Шукшина» (г. Бийск, 28 апреля 2023 г.);

– «Разговорный синтаксис как средство создания концептуальной картины мира в рассказах В.М. Шукшина» (г. Красноярск, 24 мая 2023 г.);

– «Вводные компоненты и пояснительные конструкции в рассказах В.М. Шукшина» (г. Красноярск, 23 мая 2024 г.);

Всего по теме диссертации опубликовано 14 научных работ, в том числе:

– 4 статьи в журналах, включенных в перечень Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации.

Структура диссертационного исследования обусловлена целью и задачами работы и включает введение, три главы, заключение и список использованной литературы.

В первой главе раскрываются научно-теоретические основы исследования: рассматриваются понятия разговорной речи, разговорного стиля, идиостиля, а также особенности стилистических средств разговорной речи в прозе В. М. Шукшина.

Вторая глава посвящена анализу конструкций разговорного синтаксиса в идиостиле писателя. Рассматриваются различные типы предложений и синтаксических конструкций, включая неполные, нечленимые, диалогические, вставные, афористические и другие, выполняющие важные функции в структуре художественного текста.

В третьей главе исследуются сегментированные синтаксические конструкции и особенности текстообразования в рассказах В.М. Шукшина, что позволяет выявить специфику структурной организации текста и его прагматико-коммуникативную направленность.

В завершение представлены выводы, обобщающие результаты исследования, и список использованной литературы.

Общий объем текста — 193 страницы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ И ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ

1.1. Разговорная речь и разговорный стиль: критерии дифференциации и функции в языке художественной литературы

Содержание данной части исследования — определение соотносительных связей между понятиями разговорная речь и разговорный стиль. Данная проблема является одной из проблем современной лингвистики. В научной литературе вопросы типологии функциональных стилей (ФС) начали активно обсуждаться вновь в 90-е гг. XX в.

Разграничение понятий разговорная речь и разговорный стиль является одним из важных теоретико-методологических вопросов функциональной стилистики и лингвистики текста. Несмотря на внешнюю близость данных терминов, они обозначают различные уровни языкового проявления: разговорная речь принадлежит к сфере живой устной коммуникации, тогда как разговорный стиль — к системно организованным функциональным стилям современного русского литературного языка. В связи с этим особую научную значимость приобретает выявление их дифференциальных признаков, а также определение их роли и функций в художественном дискурсе [Шведова, 1961; Кожина, 1993].

Разговорная речь представляет собой естественную форму устного неофициального общения, возникающего в условиях непосредственного межличностного взаимодействия. Она характеризуется ситуативностью, спонтанностью, эмоциональной насыщенностью, широким использованием невербальных средств, а также специфическими структурно-грамматическими признаками, такими как эллиптические и неполные конструкции, парцелляция, анафора, широкое использование местоимений и деиктических единиц. В разговорной речи преобладает диалогическая форма, нередки случаи нарушения синтаксической нормативности, обилие междометий, звукоподражаний, вставных

конструкций, межфразовой координации. На лексическом уровне разговорная речь включает просторечные, диалектные, фамильярные и сниженные слова и выражения. Эмоциональность, экспрессивность, лаконичность и интонационная выразительность являются её функциональными доминантами.

Разговорный стиль, в свою очередь, представляет собой функциональный стиль литературного языка, ориентированный на реализацию в условиях непринуждённого устного общения. Однако, в отличие от разговорной речи как формы, разговорный стиль допускает включение элементов разговорной речи в тексты, выполненные в письменной форме, прежде всего — в художественных произведениях, публицистике, мемуарной и эпистолярной прозе. Таким образом, разговорный стиль можно рассматривать как результат стилистической переработки и адаптации живой разговорной речи к требованиям литературной нормы. В рамках художественного дискурса разговорный стиль выполняет несколько значимых функций: миметическую, характерологическую, композиционно-структурную, психологическую и социально-маркирующую [Шведова, 1961; Кожина, 1993].

Миметическая функция предполагает создание иллюзии живого речевого общения, реалистичное воспроизведение языковой среды, что позволяет читателю почувствовать достоверность изображаемых событий и характеров. В этом контексте разговорный стиль становится инструментом художественной типизации, формирующей образ живого человека через его речь. Характерологическая функция заключается в том, что речевые особенности персонажа (его лексика, синтаксис, темп, эмоциональная окрашенность) служат средствами раскрытия его характера, социального положения, уровня образования и психологического состояния. Особенно ярко эта функция проявляется в произведениях, ориентированных на народную тематику и отражающих быт простого человека, как, например, в прозе В.М. Шукшина.

Композиционно-структурная функция разговорного стиля выражается в его способности оживлять повествование, вносить элементы динамики, создавать ритмические акценты, нарушать монотонность авторского нарратива. При этом

разговорные элементы могут выполнять роль смысловых узлов текста, концентрирующих ключевые интенции автора. Психологическая функция проявляется в возможности передавать внутреннее состояние персонажа, его чувства, сомнения, колебания, интуиции без прямого описания, исключительно через языковое поведение. Наконец, социально-маркирующая функция состоит в том, что разговорные конструкции указывают на принадлежность персонажа к определённой социальной, профессиональной или возрастной группе, становясь маркерами речевой и социальной идентичности.

Следует подчеркнуть, что разговорный стиль в художественной литературе не является простым отражением разговорной речи. Он представляет собой её отобранную, стилистически ограниченную и художественно мотивированную репрезентацию, подчинённую законам художественной целесообразности. Таким образом, разговорный стиль в тексте художественной прозы выступает не как реплика бытовой речи, а как эстетически оформленная языковая структура, обладающая значительным экспрессивным потенциалом.

Изучение разговорной речи и разговорного стиля как явлений литературного языка активно развивалось в отечественном языкознании начиная с 1960-х годов. Именно на этот период приходится формирование научных подходов к функциональной типологии стилей, в рамках которых разговорная речь рассматривалась как важнейшая разновидность устной коммуникации, а разговорный стиль — как особая подсистема литературного языка, обслуживающая сферу неофициального бытового общения [Гвоздев, 2018; Ширяев, 2009].

Функциональный стиль в отечественной традиции трактуется как исторически сложившаяся система языковых средств, обслуживающая определённую сферу человеческой деятельности. Согласно общепринятой классификации, к основным функциональным стилям относятся: научный, официально-деловой, публицистический, разговорный и, с оговорками, художественный. При этом термин художественный стиль в настоящем исследовании не используется в качестве самостоятельной функциональной

единицы, поскольку, как отмечают многие исследователи, он представляет собой синтетическое образование, включающее элементы всех остальных стилей. Более мотивированным в научном плане представляется термин язык художественной литературы, отражающий его интегративную природу.

Разговорная речь в системе функциональных стилей занимает особое положение. Она представляет собой разновидность устной литературной речи, предназначенной для обиходно-бытового общения, и характеризуется спонтанностью, непринуждённостью, ситуативной обусловленностью, эмоциональностью и экспрессивностью [Лаптева, 1976; Сиротинина, 1985; Земская, 1996]. Основная функция разговорной речи — коммуникативная, она наиболее полно реализуется в диалогах, репликах, кратких высказываниях, где важную роль играет внеязыковой контекст.

Вопрос о соотношении понятий разговорная речь и разговорный стиль остаётся дискуссионным. В отечественной лингвистике разговорный стиль обычно трактуется как функциональная разновидность литературного языка, а разговорная речь — как устная форма этого стиля. Однако в ряде случаев оба термина используются синонимически. Так, по наблюдениям Л.И. Головиной и М.Н. Кожинной, термин разговорная речь нередко обозначает не только устную реализацию, но и всю совокупность языковых особенностей, присущих данной подсистеме, включая фонетику, лексику и синтаксис [Кожина, 1993; Голуб, 2007]. В то же время, как подчёркивает О.А. Лаптева, «разговорный стиль формируется на основе разговорной речи путём её стилизации и олитературивания, особенно в художественных текстах» [Лаптева, 1976].

Именно с 1960-х годов наблюдается рост интереса к разговорной речи как к объекту научного анализа. В этот период были заложены основы теории разговорного стиля как подсистемы языка, обладающей своими структурными и функциональными признаками. В числе первых лингвистов, внесших вклад в разработку данной проблематики, следует назвать В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведову, Е.А. Земскую, О.А. Лаптеву, О.Б. Сиротинину. В их трудах рассматриваются такие ключевые признаки разговорной речи, как спонтанность,

диалогичность, эллиптичность, использование стереотипных синтаксических конструкций, эмоционально окрашенная лексика, фразеологизированные обороты, а также интонационно-информативные средства, обеспечивающие восприятие устной речи в контексте живого общения.

Существенным вкладом в осмысление природы разговорной речи стало признание её грамматической специфики. Исследователи подчеркивают, что в разговорной речи формальные ограничения ослаблены, что приводит к активному использованию неполных, эллиптических и нечленимых конструкций, а также к выраженному преобладанию сочинения над подчинением [Шведова, 1961; Кожина, 1993]. При этом, вопреки распространённому мнению о свободе разговорной речи, ряд работ указывает на наличие жёстко фиксированных языковых формул, или шаблонных выражений, являющихся обязательными в определённых коммуникативных ситуациях. Именно эта шаблонность определяет устойчивость синтаксических схем и придаёт разговорной речи стилистическую узнаваемость [Гвоздев, 2018; Ширяев, 2009].

В художественной литературе разговорная речь, как правило, подвергается стилизации, то есть творческому переосмыслению автором с целью создания выразительных речевых характеристик персонажей, передачи их социального и психологического портрета. По мнению М.Н. Кожиной, «разговорная речь, включаемая в художественный текст, не переносится в него целиком: в процессе олитературирования отбираются лишь те языковые элементы, которые наиболее ярко выражают экспрессивность, интонационную гибкость и коммуникативную насыщенность» [Кожина, 1993, с. 215].

«Современное языкознание отмечает тенденцию к сближению устной и письменной форм речи, что особенно ярко проявляется в жанрах электронной коммуникации. Понятие письменной разговорной речи стало обозначать тексты, обладающие признаками разговорной интонации, диалогичности, синтаксической простоты при наличии письменной графической фиксации» [Валиахметова, 2001, с. 45]. Это ещё раз подчёркивает необходимость разграничения терминов разговорный стиль и разговорная речь с учётом формы

существования текста (устной или письменной) и его коммуникативной направленности.

Таким образом, с точки зрения функциональной стилистики, разговорная речь — это форма реализации разговорного стиля, а сам стиль представляет собой системную организацию языковых средств, обслуживающих сферу бытового, неофициального общения. В художественной литературе разговорный стиль приобретает особый статус — он становится частью идиостиля писателя, средством художественной типизации, отражающим как речевое, так и ментальное пространство героев.

1.2. Идиостиль как система языковых средств и отражение авторской концептуальной картины мира

Понятие идиостиля впервые употребляется в монографии В.П. Григорьева «Грамматика идиостиля. В. Хлебников» (1983). Становление же теории индивидуально-авторского стиля берёт начало в трудах В.В. Виноградова. В современной русистике представлено много работ и много подходов к исследованию идиостиля писателей, но однозначного, общепринятого толкования данного понятия пока нет. Все определения базируются на общем положении: идиостиль — это система индивидуальных особенностей использования, языковых средств, способ отражения в тексте особенностей авторского мировосприятия. Многоаспектность феномена текста предопределяет многоаспектность его исследований. Лингвистический аспект, в частности, стимулируется развитием функциональной стилистики. Эта закономерность наглядно проявляется в теории идиостиля.

«Идиостиль — это комплекс формальных и содержательных языковых характеристик, присущих произведениям того или иного автора, оригинально воплощенный в данных произведениях. Иначе говоря, это способ использования всей системы языковых выразительных средств в процессе работы над текстом» [Григорьев, 1983, с. 5].

Если внешней стороной идиостиля является стилистическая ресурсная база субъекта речи, то внутренняя сторона идиостиля — это прежде всего способы репрезентации, то есть сочетания, комбинирования стилистических средств. Идиостиль субъектов речи индивидуален, неповторим. Этим и объясняется обилие подходов к изучению данного феномена в лингвистической науке.

Лингвопоэтический подход к трактовке понятия идиостиль представлен в трудах Н.А. Кожевникова, В.П. Григорьева, М.Л. Гаспарова, И.И. Ковтунова. При описании идиостиля рассматриваются способы организации языкового материала конкретных произведений автора.

По утверждению В.П. Григорьева, «идиостили обнаруживают самые различные уровневые соотношения и взаимодействия... На глубинную семантическую и категориальную связанность элементов идиостиля тем самым складывается и особая сущность явной и неявной рефлексии поэта над языком» [Григорьев, 1990, с. 5]. Другими словами, когда писатель создаёт произведение, его мироощущение отражается в специфических формах организации языка на разных уровнях.

В рамках функционально-стилистического подхода рассматриваются особенности научного идиостиля. Речевая манера автора объясняется при этом особенностями мышления, в частности — дискретно-логического, метафорического, критического и т. п. [Котюрова, 2010].

При психолингвистическом подходе (В.А. Пищальникова) под идиостилем понимается сочетание логико-семантических приёмов репрезентации доминантных личностных смыслов концептуальной системы автора литературного текста, который в данном случае определяется как вид эстетической деятельности, предполагающий индивидуальную трансформацию языковых выражений.

В.А. Пищальникова считает, что «говорить об особенности идиостиля можно лишь в том случае, когда обнаруживается мотивированность языковых трансформаций, связанных с авторской информацией, представленной в тексте» [Пищальникова, 1992, с. 49].

Когнитивный подход в изучении идиостиля был продиктован развитием когнитивной лингвистики (Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова и др.), обращением к ментальной стороне языковых явлений.

В ходе анализа разговорного синтаксиса в рассказах В.М. Шукшина принципиально проводится разграничение речевых партий персонажей и речи повествователя, что обусловлено задачами реконструкции идиостиля художественной прозы как целостного текстового образования. Подобное разграничение является методологически необходимым, поскольку разговорная стихия в художественном тексте не представляет собой однородного явления и реализуется в разных речевых зонах по различным функционально-стилистическим законам.

Речь персонажей в прозе Шукшина ориентирована на непосредственное воспроизведение живой устной коммуникации и характеризуется высокой степенью разговорности, спонтанности и синтаксической неполноты. В ней активно функционируют нечленимые, односоставные, инфинитивные, аналитические, сегментированные и парцеллированные конструкции, отражающие динамику реального говорения. Разговорный синтаксис в персонажной речи выполняет прежде всего характерологическую и социально-маркирующую функции, позволяя выявить особенности мышления, эмоционального состояния, ценностных установок и коммуникативных стратегий героев. Таким образом, разговорные синтаксические модели в репликах персонажей выступают средством типизации и психологической достоверности.

В собственно рассказах В.М. Шукшина речевой слой повествователя имеет особое функционально-семантическое назначение, так как в данном типе произведений писателя именно повествователь (рассказчик) оказывается максимально приближенным к автору.

«Установка на рассказывание «своей истории» детерминирует, во-первых, наличие элементов сказа в собственно рассказах, во-вторых, особую организацию речевых слоев повествователя и персонажей в структуре повествования» [Кукуева, 2001, с. 10]

Речь повествователя занимает особое положение в структуре художественного текста. В отличие от персонажной речи, она не является прямым отражением устного общения, а представляет собой авторски организованную форму речевого высказывания, в которой разговорный синтаксис используется как стилистически и концептуально значимый приём. В повествовательной речи разговорные конструкции выполняют иные функции: текстообразующую, оценочную, интерпретативную и концептуализирующую. Их задача заключается не столько в имитации устной речи, сколько в формировании особого типа авторского дискурса, сближённого с народным речевым сознанием.

Такое сближение не означает стилистического тождества речи автора и речи персонажей. Напротив, между ними сохраняется функциональная дистанция, которая позволяет говорить о наличии в прозе Шукшина сложной системы взаимодействующих речевых планов. Разговорный синтаксис в повествовательной речи становится средством выражения авторской позиции, но реализуется опосредованно — через интонационную структуру текста, композиционное членение, сегментацию повествования и организацию диалогических фрагментов.

Именно в этом взаимодействии речевых партий персонажей и повествователя формируется образ автора как текстообразующая категория. Образ автора в прозе В.М. Шукшина не сводится к прямым оценочным высказываниям или авторским комментариям. Он проявляется в системе отбора и распределения разговорных синтаксических средств, в предпочтении определённых конструктивных моделей, в способах организации диалога и внутреннего монолога, а также в композиционной логике текста. Авторская картина мира формируется через языковую организацию речи, а не через декларативное высказывание позиции.

Таким образом, разговорный синтаксис в идиостиле В.М. Шукшина выполняет двойную функцию. С одной стороны, он является инструментом речевой характеристики персонажей, обеспечивая реалистичность и экспрессивную насыщенность художественного текста. С другой стороны, он выступает механизмом репрезентации авторской картины мира, отражающей

особенности народного мышления, ценностные ориентиры и философию повседневности. Такое понимание разговорного синтаксиса позволяет рассматривать его не как стилистический фон, а как структурно и концептуально значимый элемент художественной системы, обеспечивающий целостность идиостиля писателя.

Предметом исследования в этом случае становится индивидуальная авторская концептуальная картина мира (далее — КKM) как основа идиостиля писателя, что позволяет судить о фрагментах языковой картины мира (далее — ЯKM) и личности. Так, Е.Г. Малышева в диссертационном исследовании 1997 г. описывает идиостиль В. Ходасевича как систему концептов и языковых способов их репрезентации, а под идиостилем понимает систему концептов — доминант творчества художника и языковых способов её репрезентации в поэтических текстах [Малышева, 1997, с. 6].

«Система концептов, составляющая КKM, это система идей, знаний, представлений о реальной действительности в сознании говорящего, частично отражаемой ЯKM. Когнитивная интерпретация результатов исследования ЯKM, описания национального семантического пространства позволяет перейти от ЯKM к описанию национальной концептосферы» [Попова, 2007, с. 66].

Это означает, что исследование языковой картины мира есть важнейшее условие изучения КKM.

Коммуникативно-стилистический подход, основанный на анализе механизмов передачи информации с целью усиления воздействия на читателя, представлен в работах А.В. Болотнова, Н.С. Болотновой, И.И. Бабенко, С.М. Карпенко, И.Н. Фурсовой и Л.С. Захидовой. В рамках этого подхода идиостиль изучается через призму художественного смысла произведений, выявления специфики лингвистической репрезентации личностных смыслов автора, а также анализа средств реализации коммуникативных стратегий [Болотнова, 2009, с. 35].

Данный подход характеризуется многоаспектностью, так как охватывает:

1. Мотивацию и интенции (психологический аспект);
2. Когнитивные операции (анализ знаний о мире);

3. Контекстуальные факторы (социальная и стилистическая среда);
4. Языковую компетенцию (культурно-речевые и риторические навыки) [Болотнова, 2015, с. 151].

Сходство с когнитивным подходом проявляется в акценте на ментальных процессах, однако ключевое отличие заключается в направленности исследования: коммуникативно-стилистический подход фокусируется на переходе от языковых форм к моделированию концептуальной структуры текста, анализу способов воздействия на читателя и интеграции авторского мировидения [Болотнова, 2012, с. 188]

В настоящем исследовании идиостиль трактуется как система формальных, содержательных и стилистических особенностей художественного текста, отражающая уникальное преломление авторской концептуальной картины мира (ККМ) через языковые средства. Центральным элементом этой концепции выступает языковая личность — субъект речи, чьи коммуникативные стратегии, речевые характеристики персонажей и комбинаторика стилистических приёмов формируют индивидуальный творческий почерк.

Таким образом, идиостиль — это, прежде всего система. Конструкции разговорного синтаксиса, репрезентированные в произведениях В.М. Шукшина и являющиеся предметом данного исследования, рассматриваются нами как маркёры идиостиля в синтаксическом аспекте.

В статье «Разговорный синтаксис, идиостиль, языковая картина мира в рассказах В.М. Шукшина» автор диссертационного исследования концептуально утверждает, что идиостиль (индивидуальный стиль) — это диалектически неразрывные взаимосвязи лингвистики языка (система языковых элементов) и лингвистики речи (особенности взаимодействия этих элементов) [Коняшкин, 2022, с. 323].

В статье «Сегментированные конструкции разговорного синтаксиса в рассказах В.М. Шукшина» мы отмечали, что данные конструкции характеризуются высокой вариативностью синтаксической организации, что позволяет им свободно

функционировать в разговорной речи без жёстких структурных рамок [Коняшкин, 2021, с. 267].

Языковая картина мира (ЯКМ) в произведениях В.М. Шукшина представляет собой систему образов и смыслов, закреплённых через:

Концептуализацию действительности (напр., архетип деревенского чудика как носителя народной мудрости);

Коллективные представления, выраженные диалектизмами (кучугуры, куржак) и разговорными единицами (шибко, глянется).

Интерпретационные модели, такие как метафоры (сердце плакало кровью) и символические образы, передающие мировосприятие [Коняшкин, 2011, с. 129].

ЯКМ актуализирует фрагменты ККМ, транслируя этнокультурный опыт через языковые единицы, что подчёркивает неразрывную связь между индивидуальным авторским стилем и коллективным сознанием.

Идиостиль и идиолект соотносятся как частное и общее: если идиолект отражает речевые особенности индивида [Караулов, 1997, с. 144–145], то идиостиль охватывает устойчивую систему художественных средств, включая образность, ритм и жанровое своеобразие.

Прецедентность как маркер идиостиля Шукшина проявляется в

1. Типизации персонажей (обобщённые образы чудиков);
2. Использовании разговорного синтаксиса, усиливающего аутентичность диалогов;
3. Интеграции культурных кодов (напр., отсылки к фольклору).

Когнитивный подход (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова) дополняет анализ, акцентируя внимание на ментальных процессах, лежащих в основе языкового творчества. Это позволяет исследовать идиостиль как результат взаимодействия сознательного и бессознательного в художественном моделировании реальности.

Данный процесс обозначил контаминирование теории идиостиля и лингвофилософского учения о языковой картине мира. Если ЯКМ — это отражённый в языке способ видения мира, концептуализация действительности, то идиостиль — функционирующий язык, система средств концептуализации.

Хотя понятия идиостиль и ЯКМ находятся в неразрывном единстве, хотя они взаимоотражаются, отождествлять их не следует, поскольку идиостиль — это прежде всего системно-языковое образование, а ЯКМ — концептуально-образное. В процессе исследования идиостиля выявляется система языковых средств, особенности их систематизации и отбора; в ходе исследования ЯКМ — совокупность концептов и особенности типизации образов, однако совместно они как бы интегрируются в один — основной способ концептуализации и вербализации действительности.

В лингвистической литературе находим множество определений ЯКМ. Все они исторически восходят к идеям Вильгельма фон Гумбольдта, который впервые обратил внимание на национальное содержание языка и мышления, отмечая, что различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия [Гумбольдт, 1984, с. 164].

Языковая картина мира (ЯКМ) обладает собственным концептуальным содержанием, не тождественным концептуальной картине мира (ККМ), поскольку отражает её не в полной мере. Концептуальное содержание сознания шире вербализованных форм, что неизбежно приводит к наличию зоны недосказанности в языковом выражении.

Гениальность В.М. Шукшина проявляется в его способности усилить взаимосвязь между ЯКМ и ККМ, практически нивелируя эту зону недосказанности и демонстрируя их неразрывное единство. Таким образом, для исследования ЯКМ актуален семантико-когнитивный подход [Никитина, 2013, с. 15].

Таким образом, понятие идиостиля в современной лингвистике представляет собой многоаспектное и междисциплинарное явление, находящееся на пересечении функциональной стилистики, когнитивной лингвистики, психолингвистики и лингвопоэтики. Несмотря на отсутствие единого универсального определения, исследователи сходятся в понимании идиостиля как системно организованной совокупности индивидуально-авторских приёмов использования языковых средств, отражающей уникальное мировосприятие и концептуальную картину мира автора.

Идиостиль может быть рассмотрен как результат взаимодействия языковых элементов (лексических, синтаксических, фонетических) и ментальных структур, определяющих авторскую речевую стратегию. Важным аспектом является также коммуникативная направленность идиостиля, позволяющая анализировать его через призму воздействия на читателя.

Особую значимость в исследовании идиостиля приобретает изучение разговорного синтаксиса, который в текстах В.М. Шукшина выполняет не только стилистическую и экспрессивную функцию, но и служит маркером этнокультурного сознания, способом репрезентации авторской языковой картины мира. Выявление устойчивых синтаксических моделей, диалогических конструкций, сегментированных и экспрессивно окрашенных единиц позволяет говорить о разговорном синтаксисе как об опознавательном компоненте идиостиля.

Связь между идиостилем и языковой картиной мира прослеживается как на уровне концептуального наполнения, так и в способах вербализации: через культурно маркированную лексику, типологию образов, оценочные структуры и структуру высказываний. Несмотря на различную природу ЯКМ и идиостиля — концептуально-образную и языковую соответственно — они взаимно дополняют друг друга, обеспечивая глубокий уровень художественной типизации и смысловой насыщенности текста.

Таким образом, исследование идиостиля писателя, особенно в аспекте разговорного синтаксиса, способствует не только уточнению границ функционального стиля, но и расширению представлений о концептуальной картине мира, как отражении индивидуального и коллективного языкового сознания.

1.3. Стилистические ресурсы идиостиля рассказов В.М. Шукшина

Художественная проза В.М. Шукшина, начиная с первых его публикаций, вызывает у исследователей устойчивый интерес именно с точки зрения

своеобразного синтеза разговорной речи и литературного языка. Эта черта идиостиля писателя неоднократно подчеркивалась как лингвистами, так и литературоведами (О.Б. Сиротинина, Е.А. Земская, Г.Н. Скуратовская, М.Н. Кожина, С.А. Еськова, В.А. Каверин и др.).

Как отмечает Е.А. Земская, Шукшин обнаружил и ввёл в литературу целый пласт народной речи, наполненной конкретикой, эмоциональной насыщенностью и интонационной свободой [Земская, 1982, с. 94]. Это позволяет говорить о разговорной стихии как важнейшем стилеобразующем компоненте его прозы. О.Б. Сиротинина рассматривает речь персонажей Шукшина как многослойную структуру, где сочетаются диалектизмы, просторечные элементы, экспрессивные конструкции и элементы фольклорной традиции [Сиротинина, 1998].

Исследователи подчёркивают, что разговорная речь в произведениях В.М. Шукшина не является сырой бытовой транскрипцией. Как справедливо замечает Г.Н. Скуратовская, она литературно обработана, стилистически смоделирована, целенаправленно подчинена авторскому замыслу [Скуратовская, 2003, с. 71]. Таким образом, в художественном тексте происходит олитературивание разговорной речи — термин, восходящий к работам В.В. Виноградова. Это проявляется, в частности, в том, что разговорные конструкции становятся выразительным средством стилистической экспрессии, инструментом типизации речевого поведения героев.

Стилистические ресурсы разговорной речи в рассказах Шукшина представлены на всех уровнях языковой системы:

1. Фонетическом — через воспроизведение диалектных произносительных черт (например, редукция: шо ж ты...?), междометий, восклицаний;
2. Лексическом — активное использование диалектизмов (куржак, кучугуры), экспрессивной лексики (шибко, глянется, ах ты, душа!), обращений (браток, мать моя);
3. Морфологическом — использование разговорных форм местоимений и глаголов: онё, идтись, я кабы знал;

4. Синтаксическом — преобладание неполных предложений, эллипсисов, инверсий, повторы, эмфатические конструкции, эмоционально насыщенные диалоги.

Диалогическая форма в прозе Шукшина — ключевая черта его идиостиля. Она не только обеспечивает аутентичность речевых портретов героев, но и формирует саму структуру повествования. Как подчёркивает С.А. Еськова, Шукшин овладел диалогом как формой выражения мировоззрения своего героя, воплотил в разговоре внутреннюю драму [Еськова, 2005, с. 112]. Это соответствует идее, изложенной в работах Л.П. Якубинского о диалоге как органической форме психологической прозы.

Характерным приёмом стилизации является воспроизведение крестьянского мироощущения через синтаксические особенности речи — разрывы, вставные элементы, параллелизмы. Анализ показывает, что эмоциональная насыщенность диалогов часто достигается за счёт риторических повторов (а он всё не верит, не верит...), частиц (ну, ведь, это ж), а также прерывистой ритмической организации текста.

Разговорный стиль в прозе Шукшина выступает одновременно и маркером принадлежности персонажей к народной культуре, и способом стилистической экспрессии, подчинённым авторскому замыслу. Это делает его ключевым компонентом идиостиля.

По мнению М.Н. Кожиной, «разговорный стиль, преломлённый в художественном тексте, может стать выразителем глубинных пластов национального менталитета, особенно если речь идёт о культурном типе, воплощающем фольклорно-христианские основания народного сознания» [Кожина, 1993, с. 134]. Именно такую функцию разговорная речь выполняет у Шукшина, будучи формой вербализации архетипического образа простого человека.

Основу идиостиля рассказов В.М. Шукшина формирует разговорная речь персонажей, выступающая доминирующим, но не единственным элементом. Ключевую роль здесь играет межстилевое взаимодействие: синтез разговорного

стиля с элементами публицистики (в рассказе «Кляуза»), официально-деловой лексики (Критики), а также философской рефлексии, что обеспечивает многомерность художественного пространства.

В малых жанрах, таких как рассказ, разговорная речь и её структурная подсистема — разговорный синтаксис — реализуются наиболее последовательно. Это обусловлено:

1. Жанровой спецификой: краткость формы требует концентрации экспрессивных средств.
2. Законом экономии языковых ресурсов: эллипсисы, неполные предложения, диалогичность усиливают динамику.
3. Типизацией речи персонажей: просторечия (шибко, глянется), синтаксические клише (Чего спорить-то?) создают эффект устной коммуникации.

Например, в рассказе «Чудик» диалоги построены на нечленимых конструкциях (*Да ну!, Ага*), а повествование насыщено присоединительными структурами, имитирующими спонтанность живой речи. Рассказ, в силу жанровой природы, избегает развёрнутого повествования. Очевидно, поэтому в нём, по сравнению с объёмными эпическими формами, более явственно проявляется и реализуется один из универсальных законов языка — закон экономии речевых средств. А это, в свою очередь, усиливает функциональную нагрузку на облигаторные средства. Всё это, присущее жанровой разновидности — рассказу, характерно и для функционального типа речи — разговорной и, в частности — разговорного синтаксиса.

В разговорной речи рождение мысли и её языковое оформление — процесс синхронный, неразрывный, целостный, и это полностью определяет её качественную характеристику: неподготовленность, непринуждённость, персонализация адресата, ситуативность, опора на фоновые знания. В рассказах Шукшина она адресуется читателю в фонетическом соответствии законам понимания языка, почти не содержит труднопроизносимых слов, неблагозвучных сочетаний, интонационно и ритмически обуславливает доступность идейно-

тематического и концептуального содержания, смысловую доступность контекста и подтекста.

Поскольку слово — это основная единица языка, оно является и его основным стилистическим ресурсом. Стилистический анализ текста / речи или текстового фрагмента начинается обычно с выявления стилистически окрашенной лексики, в результате которого делается вывод о функционально-стилевом типе речи. Рассказы В.М. Шукшина насыщены лексикой с разговорно-просторечной окраской, что служит ключевым инструментом создания аутентичности и эмоциональной экспрессии. Эта особенность проявляется в следующих аспектах:

1. Речевая характеристика персонажей:

Сниженная лексика (дурак, оглоеды, шибко) маркирует социальный статус и образовательный уровень героев.

Эмоционально-оценочные единицы (умора, старый хрен, надуть) передают иронию, гнев или фамильярность.

2. Стилизация устной речи:

Глаголы с яркой экспрессией (шваркнуть, приколбасил, перелобаню) имитируют динамику разговорного общения.

Фразеологизмы и устойчивые выражения (рот разинул, ёлки зелёные) усиливают образность.

Количественный анализ подчеркивает системность этого приёма. Например:

В рассказе «Критики» зафиксировано 29 случаев использования просторечий, включая диалектизмы (нешто) и жаргонизмы (набухал). В «Свояк Сергей Сергеевич» их число достигает 35, причём акцент сделан на глаголах действия (огороды шерстить, трепаться).

Такая концентрация разговорных элементов не только отражает языковую реальность сельской среды, но и формирует уникальный идиостиль Шукшина, где просторечие становится средством философского осмысления маленького человека.

Приведенные примеры — это экспрессивная лексика, выражающая добавочные оценочные значения. К лексическим стилистическим ресурсам РР

обязательно следует отнести устаревшие слова и словоформы, которые не используются или используются крайне редко в современной русской речи.

Например: *прошение (ходатайство), пимы, пимокатчик, чело, перст, купец, смолокур, на плахе, каплет*. Такие слова — яркий показатель разговорной речи. Они входят в пассивный словарный состав языка и по возможности заменяются синонимами.

К лексике ограниченной сферы употребления в первую очередь относим слова, помечаемые в словарях как местные, областные. Например: *ехай, еслив, шаял* (тлея), *знамо* (известно), *сял* (сел), *вечеряли* (ужинали); *прокуда* (озорник); *кучугуры* (бугры), *калгановка* (простая водка), *кизяки* (топливо из навоза); *ухарь* (драчун), *чалдон* (местный житель); *лиходея* (враг); *сураз* (незаконнорожденный), *был на розвезях* (пьяный); жаргонизмы; *хвост* (студенч.) *с нами можно по фене ботать* (урка; тянул (находился в заключении)); маргинализмы: *хреновина, мать вашу; старый хрен*; — *Имел, говорю, я вас всех в виду!* (Владимир Семеныч из мягкой секции); *Шёл Ефим на суд, как курва с котелком, — нервничал* (Суд); *Могут не признать, суки, — встрял Смородин в убеждённую речь жены* (Пьедестал); окказионализмы: — *Кто же спорит! — сдержанно, через улыбочку, пулькнул технократ Славка* (Беспалый), *дурак-обезьян* (Штрихи к портрету).

К числу экспрессивных стилистических ресурсов лексики следует отнести, как один из наиболее распространенных, и разностилевые синонимы: большой голод — сильный голод, худой (худо) — плохой (плохо): глянется — нравится; тянул хорошие штаны — хорошие штаны, определили объездчиком — назначили объездчиком, справный мужик — зажиточный мужик, закрой варежку — закрой рот, калган — голова, пытал — спрашивал, будет — хватит, достаточно, не надо, строптивый — капризный, очень требовательный, артачиться, кобениться — капризничать, кручиниться — печалиться, шары — глаза, вякать — говорить, лакать (пить) и т. п.

Антонимы: *Закрой варежку, предлагал Ганя. — И никогда не открывай. — Я вот те открою сейчас шумовкой по калгану!.. чёрт слепошарый* (В воскресенье мать-старушка...); *В избушке было жарко. А на улице — морозно* (Охота жить).

Итак, РР в рассказах В.М. Шукшина характеризуется многообразием лексических стилистических средств, что находит своё отражение в авторской характеристике речи персонажей. В этом отношении очень показательными являются следующие отрывки:

Тяжело было произносить на сцене слова вроде: сельхознаука, незамедлительно, в сущности говоря ... и т. п. Но еще труднее, просто невыносимо трудно и тошно говорить всякие чаво, куды, евон, ейный ... А режиссер требовал, чтобы говорили так, когда речь шла о простых людях...

Еще задолго до того, когда нужно было произносить какое-нибудь теперича, Федор, на беду, свою чувствовал его впереди, всячески готовился не промямлить, не съесть его, но когда подходило время произносить это теперича, он просто шептал его себе под нос и краснел. Было ужасно стыдно...

Пьесу написал местный автор и, используя свое знание жизни, сверх всякой меры нашипиговал её народной речью: чаво, туды, сюды (Артист Федор Грай).

В данных примерах речь идёт о разных уровнях восприятия художественного текста: режиссер художественной самодеятельности воспринимает бездарную пьесу на эксплицитном, непосредственно выраженном, уровне лексики.

Представленные текстовые фрагменты есть отпечаток сущности личности — автора и его героя. Полагаем, что прототипом Фёдора Грая с его талантливым восприятием живого органичного слова и категоричным неприятием слова фальшивого был сам автор произведения.

О скрупулёзном, авторском внимании к слову говорят многочисленные пояснения и толкования в рассказах.

Например: Тут земля жирная... Иная земля, если ты хочешь знать, такая, что весной ты посеешь в неё, а осенью получишь натуральный шииш. А из другой, матушки, стебель с оглоблю прёт, потому что она жирная (Демагоги).

Место, куда направился он, называлось кучугуры. Это такая огромная всхолмленная долина — предгорье (Земляки); Куржак — смёрзшаяся плеснь (Охота жить); Ополекал — обегал (Бык).

Фразеологизмы с разговорной стилистической окраской в прозе В.М. Шукшина выполняют синтаксические функции, интегрируясь в структуру предложения как целостные единицы.

Примеры: *И одет — так себе* (Мечты); *А у Морозова на складе — шаром покати* (Шире шаг, маэстро!); *пока валял дурака — у других хуже было* (Шире шаг, маэстро!); *разошлись, и все — кто куда* (Ораторский приём); *надо жить, нести свой крест молча* (Упорный); *работа — не бей лежачего*. (Непротивленец Макар Жеребцов).

Последний фразеологизм появился в результате трансформационных преобразований пословицы лежачего не бьют; является в предложении основным компонентом составного сказуемого.

Широкое использование фразеологизмов в художественных текстах В.М. Шукшина объясняется их способностью передавать оценочные значения и служить маркерами культурно-речевой идентичности. Будучи устойчивыми сочетаниями, они функционируют как:

1. Семантически целостные единицы (напр., бить баклуши как символ безделья);
2. Средства речевой характеристики (напр., тянуть ляжку в устах героя подчёркивает фатализм).

Однако их значение раскрывается полностью только в контексте. Например, в рассказе «Чудик» фразеологизм сел в лужу не только описывает неудачу, но и иронизирует над наивностью персонажа.

Лексико-синтаксический подход к изучению фразеологизмов предполагает

1. Анализ их лексического состава (напр., диалектные компоненты в куржак)
2. Определение синтаксической роли (сказуемое, дополнение и т.д.)

При этом важно подчеркнуть: фразеологизм сохраняет лексическую целостность, даже выполняя синтаксическую функцию. Так, в предложении *Он взялся за ум* сочетание *взялся за ум* выступает как сказуемое, но остаётся неделимой семантической единицей.

В данном исследовании фразеологизмы рассматриваются как инструмент стилизации разговорного синтаксиса. Например, в диалогах рассказа «Срезал» конструкции вроде *лёгко на помине* имитируют устную речь, усиливая реализм.

Концентрация разговорной лексики в малых текстовых фрагментах (напр., в Калине красной) создаёт эффект визуальной образности. Читатель не только понимает ситуацию, но и видит её через яркие языковые средства:

1. Просторечия (*шибко, оголеи*) рисуют социальный портрет персонажей
2. Фразеологизмы (*руки чешутся, нос повесить*) делают описание пластичным.

Например: *потом посмотрел птиц, потом обезьянок... Один дурак-обезьян (мужского пола) начал ни с того ни с сего делать нечто непотребное. Женщины застыдились и не знали, куда смотреть, мужчины смеялись и смотрели на обезьяну. Князев похихикал тоже, украдкой поглядел на женщин и пошёл из зоопарка — надоело* (Штрихи к портрету).

Кинематографический эффект порождается именно обилием и экспрессивностью стилистических ресурсов разговорной речи: а) разговорная стилистическая окраска выделенных языковых единиц; а) словообразовательный элемент — суффикс *-к (-ок)* в слове обезьянок (обезьяна обезьянка — обезьянки — обезьянок), б) дефисное (полуслитное) написание окказионализма, антропоида дурак-обезьян; в) целенаправленная и стилистически выразительная замена формы рода в слове обезьяна; г) синтаксический ресурс — вставная пояснительная конструкция.

Одной из особенностей идиостиля рассказов Шукшина является их художественная выразительность, в частности — фигуры и тропы.

Тропы — особые лексические стилистические средства, основанные на переносе значений, очень эффективные средства создания экспрессии, реализации эстетической функции языка, наиболее полно отражающие индивидуально-авторские особенности стиля.

Эпитеты обозначают наиболее характерный признак предмета или явления. Большой выразительностью обладают метафорические эпитеты. Произведения

Шукшина характеризуются большим количеством эпитетов, что в определённой степени обуславливается, как нам кажется, авторской имитацией типа мышления персонажей, особенностями авторской ККМ и как следствие этого — языковой картины мира в тексте произведения. Идиостиль — языковая система отражения внутренней картины мира, особенностей её перехода из сферы сознания в реальную сферу живой речи — устной или письменной. Яркими примерами отражения особенностей человеческого мировидения являются эпитеты.

Примеры эпитетов: *щмящая* (о песне), *бычачий рог*, *стоячая оглобля*, *большие вонючие города*, *сын мой занюханый* (Верую); *Я на такие дремучие вопросы не отвечаю* (Космос, нервная система и шмат сала); *И тогда открывается человеку вся сокрытая, изумительная, вечная красота. Жизни* (Земляки). *Утро раскинулось ясное, умытое, свежее* (Дядя Ермолай); *Небо — синим-синё, а уж дергал ветер* (там же).

Одной из сфер образного мышления в произведениях В.М. Шукшина является метафоризация.

Примеры: *Обломил смолоду кусок счастья* (Осенью); *И висит на веревке луна* (Беседы при ясной луне); *Павла жизнь скособочила* (Осенью); *Душа чего-то заскулила*; *Носил постоянную в себе эту боль-змею* (там же); *Сердце плакало кровью* (там же). *Душа чего-то заскулила* (там же); *А утро встряхнулось, выгнало из туманов светило: заструилось в трепетной мокрой листве текучее серебро. Кто-то хочет, чтобы человек напоследок с болью насытился ею* (Земляки); *На реке ветер похаживал добрый* (Осенью); *Вспыхнула молния* (Дядя Ермолай); *Я, што ли, один так лаюсь* (Космос, нервная система и шмат сала); *Ты же вчера оглушил свою нервную систему* (там же); *Сердце плакало кровью* (Осенью);

Одна из разновидностей метафоры — олицетворение: *туманы нехотя покидали землю; молчаливые горы; утро встряхнулось; сердце плакало; ветер похаживал.*

Метафоризация — это когнитивно-языковой процесс, в ходе которого абстрактные понятия, эмоции или явления передаются через конкретные образы, основанные на сходстве, аналогии или ассоциации. В рассказах В.М. Шукшина

процессы полисемии и метафоризации охватывают большое количество стилистически нейтральных слов.

Сила психологического воздействия этих средств обуславливается, как нам представляется, древностью их происхождения, то есть генетически. В данном случае имеется в виду генетическая память, то есть интуиция, языковое чутьё адресата и адресанта. Способность к метафорическому мышлению и мировидению — вот первоисточник литературного творчества, его начальный импульс. Без метафор отражение в языке особенностей национального образного мышления, а значит и национальной картины мира не представляется возможным.

Обычно метафоризация выражается в расширении семантического пространства слов, в появлении новых, дополнительных значений или смысловых оттенков, изучение которых имеет первостепенное значение для семасиологии и лексикографии. Нет сомнения в том, что метафоризация является важнейшим способом создания переносных значений слов и выражений, изобразительная роль и экспрессивные качества которых очевидны и постулированы.

Художественные тексты В.М. Шукшина отличаются не только метафорической насыщенностью, но и многообразием тропов, выходящих за рамки прямых значений. Помимо метафор, автор активно использует:

Метонимию — замещение понятий по смежности:

В рассказе «Генерал Малафейкин» фраза *Не скажите, не скажите*, — *негромко говорил голос* заменяет персонажа его речевым действием (голос вместо человек), акцентируя таинственность и отчуждённость героя.

В «Калине красной»: *Имба вздохнула* (объект вместо субъекта) — олицетворение жилища как отражение эмоционального состояния хозяев.

Гиперболу — намеренное преувеличение для усиления экспрессии

В «Стеньке Разин»: *Как развернётся, как глянет — травы никли* — гиперболизация силы взгляда подчёркивает харизму персонажа

В «Чудике»: *Стыд до пят проел* — преувеличение физиологического эффекта стыда для передачи глубины переживаний

Иронию и сарказм:

В рассказе «Срезал»: *Учёный, а спорить не умеет!* — ироничное противопоставление статуса и навыков.

Коннотативная насыщенность текстов Шукшина достигается за счёт:

Семантической многоплановости (напр., *туманы нехотя покидали землю* — одновременно пейзажная зарисовка и аллегория ухода стариков);

Диалоговой полифонии, где просторечия и тропы создают эффект присутствия (напр., в *Беседе при ясной луне*).

Пример синтеза тропов в «Печки-лавочки»:

Душа чего-то заскулила, как щенок под дверью — метафора (заскулила) сочетается с сравнением (как щенок), образуя сложный образ тоски.

Таким образом, идиостиль Шукшина — это система взаимосвязанных тропов, где каждый приём работает на создание зримой образности, превращая бытовые сюжеты в философские притчи. Стилистические фигуры — особые синтаксические структуры, результат реализации экспрессивно-стилистических возможностей структуры предложения. Обычно под стилистическими фигурами понимаются конструкционные изменения основной единицы синтаксиса, например, нарушение прямого порядка слов — инверсия.

Примеры: *Явился тут — царь Горох!* (Артист Фёдор Грай); *Важно не оплошать в трудную минуту, как-нибудь выкрутиться* (Упорный); *Главное в авиации – не трепаться, по-моему* (Классный водитель).

Эллипсис — понятие неоднозначное: в синтаксисе — структурно-синтаксическая неполнота предложений — эллиптические предложения; в стилистике – фигура, пропуск какого-либо члена предложения с целью усиления экспрессивности высказывания.

Примеры: *Вот — змеи...* (Земляки); *Жена — в слёзы* (Как зайка летал на воздушных шариках); *Там — смерть, здесь — молоко* (Пьедестал); *Да, так вот — официант* (Мечты).

Тавтология — это повторение одних и тех же слов для усиления смысла сказанного: *Крутится и крутится* (Упорный); *Сердце ночью так заломит-заломит* (Осенью); *И такую махонькую — кололи и кололи* (Как зайка летал на

воздушных шариках); — *Ехай, ехай!* — махнула рукой жена Валя (там же); *Как сказать, как сказать,* — Молвил Князев (Штрихи к портрету); — *Ну, хорошо, хорошо. Хорошо!* — Князев нервно сплюнул (там же); *Она больно переживала эту неистребимую, несгораемую страсть мужа* — *писать, писать и писать* (там же).

В последнем примере представлена геминация — троекратный контактный лексический повтор, обуславливающий дополнительное усиление экспрессивности.

Основные особенности редупликации (удвоение) — дефисное написание и актуализация признака. Например: *Ветей подуй, он высоко-высоко поетей* (Как зайка летал на воздушных шариках); *Художнику было лет 37, и здоровье своё он только-только начал пропивать* (Пьедестал); *Давно-давно это было!* (Рыжий).

Стилистические ресурсы морфологии определяются выразительными возможностями частей речи, особенностями варьирования грамматических форм слова, их соответствиям / несоответствиям нормам литературного языка, а также особенностями стилистической специализации этих форм и их экспрессивным применением в художественной речи. В рассказах В.М. Шукшина обнаруживается авторская потребность в максимальной реализации стилистического потенциала морфологии, отсюда — частотность стилистически окрашенных словоформ. Это необходимо художнику для полноты и глубины создаваемых образов. Весьма значимую роль при этом играют грамматические ошибки субъектов речи.

Грамматическая несогласованность членов предложения, в частности, нарушение падежного управления или искажение глагольных форм с целью усиления речевой экспрессии и стилизации разговорности.

Такой стилистический приём обозначается в риторике термином анаколупф [Сковородников, 2003, с. 45]. Примеры: *Чего об этом раньше время говорить* (Упорный); *Много тут всяких ездют* (Шире шаг, маэстро!); *Детей замучила, дура, одного на фортепианах замучила, другую в фигурное катание записала* (Чудик); *За уважение люди тоже уважением плотют* (Непротивленец Макар Жеребцов); *Деньжаты появились* (там же); *Пошёл таза двигать* (Алёша Бесконвойный); *Никаких условиев особых нету* (Наказ); *Посиживай. В тепле и на*

почёте (Беседы при ясной луне); *Они* (осколки — К. А.) *сами, что ли, выходят?* (Операция Ефима Пьяных); *Вы это, заехайте за ним...* (Шире шаг, маэстро!); *Какие анализы?* — *Калу, — говорят, — девятьсот грамм, да поту пузырьёк* (Беседы при ясной луне); *До району от нас девяносто вёрст* (Охота жить); *Дай дороги* (Сураз); — *И не плескает ведь* (Алёша Бесконвойный); — *Ну, ну. — Не понужай, ибо не запрёг ещё* (Верую); *Пускай дым повыше... а то мне опять на вид поставят* (А поутру они проснулись); *Удивлялись на Глеба* (Срезал); *Отдыхающие удивлялись на него. Но больше того. Дальше требуется объяснить* (Гена Пройдисвет).

Выделенные словоформы, то есть слова в определённой грамматической форме, — это примеры взаимодействия морфологии и синтаксиса. Словоформы образуются путём падежного изменения существительных и спряжения глаголов. Эти изменения определяют механизм речи. В данном случае речь идёт о диалектическом единстве составных частей грамматики: морфологии — грамматике слова и синтаксисе — грамматике речи. Обращает на себя внимание вариативность словоформ — падежные варианты основной формы: район — до района — до району и т. д.; спрягаемые формы глагола: поставят вместо поставят и т. п.

В целях актуализации речевой характеристики персонажей и реалистичности изображаемого художник зачастую отдаёт предпочтение разговорным словоформам, репрезентированным на синтаксическом уровне словосочетания.

Сочетание в предложении разностилевых слов — просторечных *ну, ну; не понужжай, не запрёг* и книжного *ибо* является в рассказе одним из средств достижения комического.

В текстах В.М. Шукшина встречаются случаи стилистически маркированного использования полных форм прилагательных и причастий там, где норма требует кратких. Эта особенность служит:

1. Средством речевой характеристики (передача просторечия или диалекта);
2. Созданию комического эффекта через нарушение языковой нормы.

Например: *Кто тебе виноватый, что не рожала? А теперь зло берёт. Надо было рожать* (Письмо) ...*утро вон хорошее, я и радый* (Упорный);

При анализе стилистических особенностей частей речи важно отметить, что многие знаменательные части речи (существительные, глаголы, прилагательные, наречия) могут приобретать разговорно-просторечную окраску в зависимости от контекста и речевой ситуации. Например:

1. Существительные: *дурак* (вместо нейтрального *глупец*), *оголец* (просторечное обозначение человека)
2. Глаголы: *шваркнуть* (разг. сильно ударить), *трепаться* (разг. болтать);
3. Прилагательные: *шибкий* (диал. быстрый), *малахольный* (прост. слабый умом).

Однако служебные части речи (предлоги, союзы, частицы), как правило, сохраняют нейтральную стилистическую окраску, за исключением редких случаев (напр., *чѐ* — редуцированная форма местоимения *что* в просторечии).

Примеры: существительные — *жись, матерщина, девки, бабы*; глаголы — *заполошничать, реветь, рыкать, кинулся*; прилагательные — *малахольный, бедовый, бестолковый, ранешнее* время, местоимения — *ихние, энтот*; наречия — *сроду, отродясь, по-чёрному, шутейно*; местоименное наречие — *пошто*; сравнительные союзы — *будто, как будто, словно, точно*; вопросительные частицы — *разве, неужели*; модально-персуазивные частицы — *вряд ли, едва (ли), мол, дескать, чай* — показатели достоверности / недостоверности сообщаемого.

Эффективность и богатство словообразовательных стилистических ресурсов рассказов В.М. Шукшина, как и всяких художественных текстов, обуславливаются продуктивностью русских аффиксов, осложняющих слова добавочными экспрессивными оттенками, функционально-стилистической закреплённостью большинства словообразовательных моделей. Основная первичная функция этих моделей — выражение субъективных оценочных значений. Приведём отдельные примеры:

1. Размерно-оценочное значение — *избушка, избѐнка, домишко, домина, плешина, печурка, шалашик*.

2. Оценочно-возрастное — старушка, дедушка, старичок, детишки.

3. Суффикс *-к* в именах собственных, выражающий оттенки привычности, обыденности — Колька, Мишка, Куделька (прозвище), Анисимка, Витька и др.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы (*-к-, -ушк-, -еньк-* и др.) в разговорной речи персонажей В.М. Шукшина выполняют двойную функцию:

Экспрессивно-оценочную. Передают авторское эмоциональное отношение к героям, часто сочетая иронию и теплоту (напр., *избёнка, старичок*). Смягчают социальную критику, делая её менее прямолинейной (напр., *дурачок* вместо *дурак*).

Культурно-маркирующую: являются элементом русской языковой картины мира, где малое часто ассоциируется с близостью, незащищённостью или искренностью.

Суффикс *-ха*, выражающий оттенки, ироничности, снисходительности — Малышиха (Мальшева), Квасиха (Квасова), девахи. Приставки *за-, у-, на-*, маркирующие длительность, интенсивность, начало действия — *закряхтел, застонал, зашумели, заорали, раскричались, уработался, наработался*. Уменьшительно-ласкательные суффиксы — *банька, банешка, дровишек, медок, квасок, сальце, туесок, водичка, доченька, сынок* и т. п. Широкое использование усечённых форм — *щас, кажись, рази, неуж, неужель, можса, тя, те* (тебя, тебе), *(на) сколь*.

Использование стилистических средств разговорной речи (фонетических, лексических, синтаксических) усиливает воздействие живой, естественной коммуникации на читателя, акцентируя его внимание на уникальных стилистических особенностях произведений Шукшина, таких как экспрессивная интонация, диалектизмы, эллипсисы и диалогическая динамика.

Таким образом, системно-уровневая организация стилистических ресурсов в рассказах В.М. Шукшина структурно соответствует уровням языковой системы: фонетическому (ритмико-интонационные особенности), морфологическому (разговорные словоформы), лексическому (просторечная и диалектная лексика) и синтаксическому (неполные предложения, сегментированные конструкции). Это

позволяет говорить о гармоничном взаимодействии разговорной стихии и художественного замысла автора.

Разговорность стиля, кажущаяся на первый взгляд простота языка в сочетании с глубинными когнитивными процессами восприятия и интерпретации, а также концентрированным концептуальным содержанием подтекста — наиболее характерная черта идиостиля В.М. Шукшина [Чувакин, 2004, с. 141].

Разговорная речь в рассказах мастера отличается неисчерпаемым разнообразием. Даже обзорный анализ её стилистических ресурсов демонстрирует систематизированную, динамическую и структурно целостную природу.

Стилистическую основу рассказов В.М. Шукшина составляет разговорная речь, а полная и окончательная генерация её глубинных смыслов происходит на уровне разговорного синтаксиса.

Стилистические ресурсы разговорной речи (лексика, синтаксис, интонация) формируют основу идиостиля В.М. Шукшина, обеспечивая его аутентичность и экспрессивность.

Таким образом, стилистические ресурсы разговорной речи в рассказах В.М. Шукшина служат не просто средством речевой характеристики, но становятся центральной частью художественного метода писателя. Их структурная и семантическая организация отражает не только особенности авторской манеры, но и глубинные процессы языковой картины мира, зафиксированной в произведениях.

1.4. Структурно-семантический и функционально-коммуникативный подходы к изучению разговорного синтаксиса: обзор и дискуссии

Разговорный синтаксис — одно из наиболее активно обсуждаемых понятий современной лингвистики, исследуемое на стыке синтаксиса, стилистики, прагматики и когнитивной лингвистики. Интерес к нему обусловлен не только его стилистической и коммуникативной спецификой, но и возможностью более глубокого понимания природы устной и письменной речи, функционирующей в различных типах дискурса. Научные дискуссии по вопросам определения, границ,

функций и классификации разговорного синтаксиса ведутся с середины XX века, отражая эволюцию представлений о структуре и динамике живой речи.

Первые теоретические попытки осмысления специфики разговорной речи, в частности её синтаксической организации, относятся к середине XX века и связаны с формированием функционально-коммуникативного направления в отечественном языкознании. Уже в трудах В.В. Виноградова была поставлена проблема изучения разговорной речи как самостоятельного объекта лингвистики, отличающегося от книжных форм языка спонтанностью, ситуативностью и синтаксической нестрогостью [Виноградов, 1959, с. 216]. Его идеи развивали Л.В. Щерба и Н.Ю. Шведова, отмечавшие структурную и коммуникативную специфику разговорных конструкций, прежде всего неполных предложений, эллипсисов и анафорических замен [Шведова, 1961, с. 143; Щерба, 1974, с. 267].

Крупный вклад в развитие структурно-семантического анализа внесла О. А. Лаптева, чья монография «Разговорная речь и нормы литературного языка» [Лаптева, 1976, с. 102–107] заложила основу для системного изучения разговорных конструкций на всех уровнях языка. Учёная показала, что разговорная речь, несмотря на свою кажущуюся хаотичность, обладает внутренней системностью, и выделила целостную классификацию синтаксических структур — неполных, вставных, апеллятивных, побудительных и парцеллированных, выполняющих прагматические и коммуникативные функции в диалоге.

Традиция, начатая О.А. Лаптевой, получила развитие в трудах Е.А. Земской, которая сместила акцент с описания структурных моделей на исследование динамики и изменчивости разговорной речи в условиях социокультурных трансформаций. Земская подчёркивает, что разговорный синтаксис представляет собой не столько набор устойчивых схем, сколько механизм речевой адаптации, отражающий коммуникативные потребности носителей языка [Земская, 2002, с. 198–201].

Значительный вклад внесла О.Б. Сиротина, разработавшая функционально-коммуникативный подход, основанный на идее зависимости синтаксических конструкций от интенций говорящего и конкретной речевой

ситуации [Сиротинина, 2004, с. 67–71]. Учёная показала, что синтаксис разговорной речи подчинён не грамматическим, а коммуникативным законам, где приоритет принадлежит смысловой завершённости и интонационной цельности высказывания, а не формальной правильности его структуры.

С позиций прагмалингвистики значимы работы Н.Д. Арутюновой и Т.А. ван Дейка, связывающих разговорный синтаксис с теорией речевых актов и когнитивными моделями общения [Арутюнова, 1990, с. 84–89; van Dijk, 2008, с. 51–59]. В их концепции разговорный синтаксис предстает как часть дискурсивной структуры, организованной не только грамматически, но и социокультурно: через интенции, пресуппозиции и прагматические установки участников общения.

Дискуссионным остаётся вопрос о статусе разговорного синтаксиса в системе современного русского языка. Представители структурно-семантического направления (В.В. Виноградов, О.А. Лаптева) рассматривают его как функциональную разновидность литературной нормы, подчинённую общим законам синтаксиса. Противоположную позицию занимают сторонники функционально-коммуникативного подхода (Е.А. Земская, О.Б. Сиротинина), подчёркивающие автономность разговорного синтаксиса и его оппозицию книжной речи. Вследствие этого противоречия вопрос о границах и внутренней системности разговорного синтаксиса остаётся открытым.

В последние десятилетия поле дискуссии расширилось за счёт появления концепции письменной разговорной речи (А. Баранов, М. Баранова), связанной с развитием интернет-коммуникации [Баранов, Баранова, 2005, с. 105–110]. Эта форма письма демонстрирует размывание границ между устным и письменным синтаксисом: в цифровых сообщениях активно используются неполные предложения, междометия, повторы и парцеллированные конструкции, типичные для устной речи. Возникает новая зона исследования, где функциональные законы разговорного синтаксиса действуют вне традиционного устного контекста.

В контексте идиостиля писателя разговорный синтаксис приобретает особое значение. В прозе В.М. Шукшина, как показано в работах современных исследователей, наблюдается активное использование сегментированных,

неполных и вставных конструкций, создающих эффект живого устного общения и усиливающих экспрессию повествования [Коняшкин, 2021, с. 267; Коняшкин, 2022, с. 323].

Современные исследования сходятся в том, что разговорный синтаксис нельзя описывать исключительно в грамматических терминах. Он представляет собой междисциплинарный феномен, находящийся на пересечении структуры, функции и когнитии. Одни учёные — Н.Д. Арутюнова и Т.А. van Dijk — рассматривают его как часть дискурсивной организации речи, подчеркивая взаимосвязь синтаксиса с когнитивными и прагматическими структурами высказывания. Другие — Е.А. Земская и О.Б. Сиротина — трактуют разговорный синтаксис как социально и психологически мотивированную систему, отражающую коммуникативные потребности и речевое поведение носителей языка. Третьи исследователи — О.А. Лаптева и М.Н. Кожина — видят в нём разновидность литературной нормы, обладающую особыми структурными средствами и выполняющую интегративную функцию в системе современного русского синтаксиса.

Таким образом, современная научная дискуссия о разговорном синтаксисе разворачивается вокруг двух ключевых вопросов: во-первых, является ли он самостоятельной подсистемой языка или разновидностью литературного синтаксиса, и во-вторых, как соотносятся его структурные, семантические и прагматические параметры. Эти направления исследования определяют дальнейшие перспективы анализа разговорного синтаксиса как важнейшего звена функциональной грамматики и лингвостилистики современного русского языка.

Выводы по первой главе

Разговорный синтаксис как объект научного изучения сформировался на стыке синтаксиса, стилистики, прагматики и когнитивной лингвистики. Его исследование требует комплексного подхода, поскольку он функционирует в различных формах речи (устной и письменной), типах дискурса (бытовом,

художественном, медиаречи) и коммуникативных регистрах (официальный, неофициальный, диалогический и др.).

Современные научные дискуссии демонстрируют отсутствие единой дефиниции понятия разговорный синтаксис, однако устойчивыми признаками считаются: ситуативность, диалогичность, синтаксическая неполнота, экспрессия, коммуникативная направленность, высокая степень вариативности и экономии языковых средств.

Значительный вклад в разработку теоретических оснований понятия внесли работы О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой, В.В. Бабайцева и др., в которых обоснована системность разговорной речи и предложены её структурные и функциональные классификации. Современные исследователи акцентируют внимание на её прагматической обусловленности и когнитивной природе.

Разговорный синтаксис в художественном тексте, особенно в малых жанрах (рассказ), функционирует как выразительное средство, приближая письменную речь к устной и создавая эффект аутентичности. Это позволяет передать живую речь персонажа, усилить художественное воздействие, а также раскрыть языковую картину мира, характерную для определённого социокультурного контекста.

Понятие идиостиля не имеет универсального определения и трактуется по-разному в зависимости от методологического подхода (лингвопоэтический, когнитивный, психолингвистический, коммуникативно-функциональный и др.). В рамках настоящего исследования идиостиль рассматривается как система формально-содержательных и стилистических особенностей текста, отражающих авторскую концептуальную картину мира.

В литературе идиостиль проявляется в выборе синтаксических, лексических, фонетических и стилистических средств, а также в типизации речевых конструкций, характерных для конкретного автора. Разговорный синтаксис в этом контексте выступает одним из значимых показателей индивидуального стиля, поскольку отражает особенности речевого мышления, коммуникативных стратегий и эстетических установок писателя. В отличие от нейтральных языковых средств, разговорные конструкции несут функционально-экспрессивную нагрузку,

раскрывая интонационную динамику текста и формируя эффект достоверного устного общения.

Таким образом, в рамках данной главы разговорный синтаксис рассматривается не только как объект художественного анализа, но и как лингвистическая категория, играющая ключевую роль в описании идиостиля В.М. Шукшина в целом. Это позволяет понять, как синтаксические конструкции, характерные для разговорной речи, становятся основой для создания уникальной стилистической ткани его произведений, в которой отражается авторская концепция и народная ментальность. Понимание разговорного синтаксиса как системообразующего элемента идиостиля открывает новые перспективы для анализа не только синтаксических, но и коммуникативных и концептуальных особенностей художественного текста. Его изучение позволяет определить механизмы индивидуализации авторской речи, установить соотношение между системой языка и авторским её использованием, а также проследить, каким образом разговорные элементы участвуют в формировании языковой картины мира писателя. Эти теоретические положения создают основу для последующего анализа разговорного синтаксиса в идиостиле В.М. Шукшина, который будет представлен во второй и третьей главах исследования.

ГЛАВА 2. КОНСТРУКЦИИ РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА В ИДИОСТИЛЕ В.М. ШУКШИНА

2.1. Диалогическая речь в идиостиле рассказов В.М. Шукшина

Диалог как форма организации речевого материала является ведущим способом реализации разговорной коммуникации. Согласно В.В. Виноградову, диалогическая речь представляет собой естественную форму речевого общения между двумя или несколькими лицами, характеризующуюся чередованием реплик и наличием обратной связи [Виноградов, 1971, с. 115]. В условиях художественного текста диалог приобретает дополнительную стилистическую и функциональную значимость, становясь средством раскрытия характеров, построения конфликта и передачи эмоционального состояния персонажей.

В рассказах В.М. Шукшина диалогическая речь занимает центральное место. Диалоги не просто встраиваются в повествование — они образуют его основу, структурируясь в виде диалогических единств. Каждое такое единство начинается с реплики-инициатора, задающей направление взаимодействия и предопределяющей форму последующих высказываний, которые часто представлены в виде неполных, эллиптических или нечленимых конструкций. С их помощью автор моделирует особенности живой устной речи, включая эмоциональную насыщенность, смысловую многозначность, речевую спонтанность.

Ключевыми признаками разговорной речи, ярко проявляющимися в диалогах Шукшина, являются:

- спонтанность (непредсказуемое развитие реплик);
- неофициальность (отсутствие нормированного стиля);
- ситуативность (зависимость содержания от конкретной речевой ситуации);
- эмоциональность (часто выраженная не лексически, а интонационно или синтаксически);
- редуцированность (эллипсис, нечленимые реплики, неполные предложения).

Все эти признаки реализуются в зависимости от социокультурных и психологических факторов. Одной из доминант является опора на фоновые знания участников коммуникации. Именно благодаря им возможны многочисленные пропуски, недоговорённости, перенос акцента с содержательной стороны речи на интонационно-эмоциональную. Это придаёт речевому взаимодействию героев достоверность и приближённость к реальной, бытовой речи.

Слышь-ка!.. Проснись. — Чего ты? — У тебя когда-нибудь любовь была ко мне или к кому-нибудь. Не важно. — Ты никак выпил? — Да нет! (Думы)

Здесь передана интимная, психологически напряжённая атмосфера, в которой значим не столько лексический состав реплик, сколько интонация, рваный ритм, паузы и подтекст. Вопросы риторичны, ответы фрагментарны. Такая форма общения типична для близких людей, находящихся в эмоционально насыщенной ситуации. Синтаксическая неполнота и нечленимые конструкции отражают речевую неустойчивость, эмоциональную нестабильность и внутреннюю неуверенность.

Курите. — Учительствовать? — Да. — Она по какому учитель? — По пению. — Что, поёт хорошо? — Поёт. — Может, споёт нам? (Сураз)

Этот диалог демонстрирует начальную стадию знакомства, где реплики кратки, механически связаны, но при этом уже формируют социальные роли и коммуникативную дистанцию. Здесь доминирует лаконичная разговорная речь с высокой степенью редукции: большинство реплик неполные, синтаксически незамкнутые, что создаёт иллюзию живого устного общения.

Таким образом, диалоги в рассказах В.М. Шукшина выполняют не только повествовательную, но и характерологическую, композиционную и интонационно-стилистическую функцию. Они насыщены речевыми конструкциями разговорного типа — от эллиптических и неполных до междометных и нечленимых, способствующих созданию реалистичного речевого пространства. Как справедливо отмечает сам автор: «Пропусти, но пусть это будет и дураку понятно — что пропущено. Пропущенное и понятое понимается и радуется» [Шукшин, 2009, с. 283].

Поэтому синтаксическая неполнота, лаконизм, интонационная обрывочность — не признак речевой примитивности, а органический компонент художественного метода В.М. Шукшина, отражающий специфику народного мироощущения, психологизм и правду характеров.

2.2. Функциональные разновидности предложений по цели высказывания и эмоциональной окраске

Стилистическая окраска текста / речи определяется сочетанием всех слов, характер же этих сочетаний — синтаксическим моделированием языковых единиц.

Таким образом, основные признаки текста / речи — связность, цельность, информативная достаточность, адекватность его восприятия и понимания субъектами речевой коммуникации в конечном итоге системно реализуются в синтаксическом моделировании языковых средств.

Типовое значение как результат усреднения множества значений следует рассматривать и как определяющий, доминирующий, смысловой компонент семантической структуры предложения. Иными словами, многоаспектность языка — это единое пространство, дифференциация же аспектов — структурного, семантического, функционального определяется совокупностью задач лингвистического исследования, в частности — классификации конструкций разговорного синтаксиса, которые являются облигаторными компонентами речи шукшинских героев. Их структура и стилистическое своеобразие обуславливаются сферой функционирования. Это повседневная, обиходно-бытовая, разговорная речь. Она имеет множество отличительных черт, однако основной, наиболее характерной, обязательной, является эмоциональная окраска. Эмотивная функция языка реализуется в РР более последовательно, чем в других видах речевой деятельности, например, в научной или официально-деловой. Эмоционально-интонационная энергетика шукшинских произведений, социальная напряженность и драматизм происходящего, отражаемые в текстах, передаются множеством восклицательных предложений, а также синтаксических построений с участием

междометий и частиц. Универсальное средство разговорной речи — интонация. Особенности идиостиля В.М. Шукшина проявляются прежде всего в речевой организации его прозы, в которой разговорные элементы выполняют не только стилистическую, но и композиционную, смысловую и психологическую функции. Одним из выразительных средств, систематически используемых автором, являются восклицательные предложения, играющие важную роль в реализации коммуникативной стратегии повествования [Чувакин, 2004, с. 85]. В рамках идиостиля Шукшина восклицательные конструкции приобретают особую значимость, выступая как способ интенсификации эмоционального содержания текста, средство речевой характеристики персонажей, а также элемент авторской интонационной манеры.

2.2.1. Функции восклицательных предложений в рассказах В.М. Шукшина

Восклицательные предложения в рассказах В.М. Шукшина выполняют комплексную художественно-коммуникативную функцию, являясь одним из наиболее выразительных средств передачи эмоциональности, внутреннего состояния персонажей и интонационной динамики повествования. Их роль определяется тем, что разговорная речь в прозе Шукшина, по меткому выражению О.А. Лаптевой, не подражает устной речи, а живёт по её законам [Лаптева, 1976, с. 109].

Одной из основных функций восклицательных конструкций является эмоционально-оценочная. Такие предложения служат непосредственным выражением чувств героев — удивления, радости, раздражения, боли, гордости или отчаяния. Восклицание становится краткой формой эмоционального высказывания, не требующей развернутого комментария. В рассказе «Срезал» герой восклицает: *Ну, брат, срезал! Ах ты, хитрец!* — выражая одновременно восхищение и лёгкое раздражение. Подобные синтаксические формы передают мгновенную оценку ситуации, при этом эмоциональный смысл чаще всего

раскрывается через интонацию, а не грамматическую структуру [Шведова, 1960, с. 34].

Следующая функция — характерологическая. Восклицательные предложения становятся инструментом речевой характеристики персонажей, раскрывая их темперамент, жизненный опыт и эмоциональную открытость. Для шукшинских героев типична непосредственная, порой импульсивная речь, насыщенная междометиями и эмоциональными всплесками: *Эх, жизнь!*, *Ой, ребята!*, *Да ну тебя!*. Так, в рассказе «Критики» герой, теряя самообладание, говорит: *Да что вы все понимаете!* — что не только выражает раздражение, но и демонстрирует социальную дистанцию между персонажами. Через подобные конструкции автор достигает достоверности речевого поведения, фиксируя живую, несдержанную манеру народного говорения [Сиротинина, 2004, с. 70].

Третья функция — диалогическая. Восклицательные конструкции придают диалогам динамичность и естественность, создают эффект живого разговора. Герои Шукшина часто реагируют на реплику собеседника коротким эмоциональным возгласом, выполняющим роль реактивного отклика: *Вот это да!*, *Ай, молодец!*, *Ух ты!*. Такие фразы, по наблюдению Е.А. Земской, служат сигналами понимания и включенности в речевую ситуацию [Земская, 1996, с. 57]. В рассказе «До третьих петухов» эмоциональные выкрики героев усиливают напряжение диалога и создают ощущение живого спора: *Не врешь? — Да чтоб мне провалиться! — Ну ты даешь!*

Восклицательные предложения также выполняют текстоорганизующую функцию. В авторском повествовании они обозначают эмоциональные акценты, переломные точки повествования, кульминационные всплески. Например, в рассказе «Миль пардон, мадам!» финальное *Вот ведь судьба-то, а!* служит смысловой и эмоциональной точкой рассказа, обобщая переживания героя и усиливая эффект искреннего признания. Такие конструкции создают интонационные пики текста, организуя его ритмику и обеспечивая эмоциональную цельность повествования [Лекант, 2002, с. 148].

Наконец, восклицательные предложения выполняют поэтико-стилистическую функцию, отражающую идиостиль писателя. Шукшин стремится к разговорной достоверности речи, и именно восклицательные конструкции позволяют ему достичь максимального приближения к устной форме. Они синтаксически просты, но насыщены экспрессией, благодаря чему письменная речь приобретает звучание живой устной коммуникации. Эмоциональные восклицания типа *Эх ты, жизнь народная!*, *Ай, как заговорил!* становятся узнаваемыми речевыми жестами, формирующими неповторимую ритмику шукшинского текста [Коняшкин, 2021, с. 271].

Восклицательные конструкции в идиостиле рассказов В.М. Шукшина выступают средством эмоциональной модуляции речи, они формируют ритмическую структуру текста, служат выразителями состояния персонажа, создают экспрессивное напряжение, формируют кульминационные речевые узлы. Их вариативность охватывает как краткие эмоциональные реплики, так и полные повествовательные конструкции с восклицательной интонацией. Они выполняют функции эмоциональной оценки, характеристики героя, а также композиционно завершающей ремарки.

Таким образом, восклицательные предложения в рассказах В.М. Шукшина выполняют одновременно выразительную, коммуникативную, характерологическую и структурно-композиционную функции. Они не только передают эмоциональную насыщенность речи, но и становятся инструментом художественного моделирования народного сознания, создавая эффект подлинности устного высказывания и формируя одну из доминант идиостиля писателя. Восклицательные предложения в рассказах В.М. Шукшина демонстрируют широкий структурный и функциональный диапазон. Они варьируются от простых эмоциональных реплик до сложных синтаксических конструкций с высоким семантическим и экспрессивным потенциалом. Будучи неотъемлемой частью разговорного кода писателя, эти конструкции способствуют формированию индивидуально-авторской речевой манеры, позволяют выразить богатую палитру чувств героев и раскрывают внутреннюю напряжённость

повествования. На уровне идиостиля восклицательные конструкции становятся не только средствами экспрессии, но и маркерами авторской позиции, ценностной ориентации и речевой эстетики В.М. Шукшина.

2.2.2. Функции повествовательных предложений в рассказах В.М. Шукшина

Повествовательные предложения занимают центральное место в синтаксической системе рассказов В.М. Шукшина, формируя основу их композиционной структуры и ритмической организации. Через повествовательные конструкции писатель реализует авторское видение мира, динамику событий и внутреннюю логику персонажей. В отличие от восклицательных или побудительных предложений, повествовательные синтаксические формы в прозе Шукшина служат прежде всего для создания повествовательной перспективы, психологического фона и социально-речевой достоверности.

Одной из ведущих функций повествовательных предложений является изобразительно-описательная. Именно через повествовательные конструкции передаётся движение сюжета, изображаются детали быта, описываются реакции и поступки героев. Стиль Шукшина характеризуется синтаксической простотой и разговорной прямоотой: *Сидит, молчит. Глядит в землю. Потом встал, пошёл к окну* (Чудик). Эти короткие, лаконичные фразы имитируют устную речь, создают ритм бытового повествования, где синтаксис тесно связан с ритмом человеческого действия [Шведова, 1960, с. 42].

Следующая важная функция — психологическая. Повествовательные предложения у Шукшина нередко передают не столько внешние события, сколько внутренние состояния героев, их мысли и колебания. В таких случаях повествование приобретает черты внутреннего монолога: *Он шёл и думал, что вот жизнь прошла, а как будто и не было её* (Срезал). В этой конструкции наблюдается переход от объективного описания к субъективной рефлексии, что типично для шукшинской прозы и отражает приём внутреннего слова [Виноградов, 1971, с. 58].

Третья функция — характерологическая. Повествовательные предложения помогают создать речевой портрет персонажа, особенно когда авторская речь тесно сплетена с внутренней речью героя. В рассказе «Миль пардон, мадам!» повествовательные конструкции передают простодушный, несколько наивный взгляд героя: *Он думал: ну вот, поговорил с умной женщиной. Как будто и сам поумнел.* Здесь синтаксическая простота становится отражением народного мышления — прямого, нерасчленённого, эмоционально окрашенного [Кукуева, 2005, с. 111].

Отдельного внимания заслуживает функция ритмо-интонационной организации текста. В рассказах Шукшина наблюдается чередование коротких, лаконичных предложений с более развёрнутыми синтаксическими структурами. Такое ритмическое варьирование создаёт эффект устного повествования, где смена синтаксических темпов передаёт дыхание живой речи. Например: *Долго он сидел на завалинке. Потом встал, оглянулся. Никого. Пошёл домой* (Алёша Бесконвойный). Прерывистый синтаксис усиливает ощущение одиночества и внутренней пустоты героя, а лаконизм становится выразительным средством повествовательной интонации [Сиротинина, 2004, с. 73].

Повествовательные предложения также выполняют функцию речевого посредничества между автором и персонажами. Писатель часто отказывается от традиционной дистанции повествователя, вплетая авторскую речь в речь героя, что создаёт эффект внутренней сопричастности. В рассказе «Материнское сердце» повествование приобретает форму полуречи, полумысли: *Она всё ждала. Может, письмо придёт. А может, и сам войдёт....* Такое использование повествовательных конструкций демонстрирует переход от внешнего описания к внутреннему переживанию, что роднит Шукшина с традицией психологической прозы [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2002, с. 212].

Наконец, повествовательные предложения выполняют композиционно-связующую функцию. Они соединяют эмоционально насыщенные реплики и диалогические сцены, создавая смысловые переходы между частями текста. Нередко Шукшин использует короткие повествовательные вставки как паузы

между эмоциональными всплесками, возвращая читателя в спокойный ритм повествования. Так, после энергичного диалога в рассказе «Верую!» следует лаконичное предложение: *Он молча посмотрел на неё. И всё понял* — структурно завершающее эпизод и подводящее итог эмоциональному конфликту [Коняшкин, 2022, с. 330].

Таким образом, повествовательные предложения в рассказах В.М. Шукшина выполняют многоуровневую функцию: они не только обеспечивают структурную связность текста, но и выражают эмоциональные, психологические и ментальные особенности персонажей. Благодаря особой синтаксической организации повествование у Шукшина становится формой выражения народного сознания, где простота речи не исключает глубины чувств и философской рефлексии.

2.2.3. Функционирование вопросительных предложений в рассказах В.М. Шукшина

Коммуникативная направленность вопросительных предложений предопределяется прежде всего информативной функцией речи. Вопрос как особый тип высказывания представляет собой речевой акт, направленный на получение недостающей информации, её уточнение, подтверждение или опровержение уже имеющихся предположений. Он возникает как реакция на дефицит знания или потребность в конкретизации коммуникативной ситуации. С точки зрения когнитивного аспекта, вопросительное высказывание всегда содержит в себе априорную установку на определённый тип ответа: в сознании говорящего формируется модель ожидаемой реплики, будь то подтверждение, отрицание, выбор или уточнение [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2002, с. 212].

Таким образом, вопросительное предложение — это не просто синтаксическая конструкция с определённым порядком слов и интонацией, но и механизм речевого взаимодействия, тесно связанный с прагматическим контекстом. Оно служит инструментом управления речевой ситуацией, организует диалог, активизирует внимание собеседника, выявляет степень его

осведомлённости, побуждает к сотрудничеству. Вопросная форма речи выполняет функцию иницирующего речевого действия, задающего вектор развития дискурса и нередко определяющего его стилистическое направление [Коняшкин, 2022, с. 330].

Следует отметить, что вопрос в художественном тексте функционирует не только как средство получения информации, но и как выразительный приём, отражающий психологическое состояние персонажа, его сомнения, внутреннюю борьбу, неуверенность, настороженность или эмоциональную вовлечённость. В частности, в идиостиле В.М. Шукшина вопросительные предложения широко используются для передачи внутреннего монолога, создания интонации недоумения, оживлённого интереса, тревоги, а иногда и риторической напряжённости. Они не всегда предполагают ответ — напротив, могут быть вопросами без адресата, направленными внутрь сознания героя, что придаёт повествованию исповедальный, лирико-философский оттенок.

Таким образом, вопросительное предложение в структуре художественного текста реализует многофункциональный потенциал: информативный, структурно-композиционный, экспрессивно-эмоциональный и характерологический. Его коммуникативная направленность обусловлена не только целью получения информации, но и более широкими задачами речевого воздействия, речевого самовыражения и построения смыслового поля текста [Сиротина, 2004, с. 73].

Вопросительные предложения художественных текстов характеризуются сложностью грамматической формы, представленной интонацией, вопросительными частицами — *ли, разве, неужели*, вопросительными местоимениям — *что, кто, какой, который, чей* и местоименными наречиями — *где, куда, откуда, зачем, почему, сколько*. Особенность вопросительной интонации — повышение тона в конце предложения. Более значительное — в распространённых предложениях, менее — в нераспространённых.

Основная разновидность вопросительных предложений — собственно вопросительные предложения, содержащие вопрос, требующий прямого ответа: — *Как её величать? — Что вы? — спросила Клара (Беспалый); Кто так делает?! —*

закричал он. — Что делает? Как делает? (Други игрищ и забав); — А где он жить будет? — Это Володька. Найдет, где жить. — Где? — Какую идейку? Говори (Крыша над головой); Чьё это распоряжение? (Крепкий мужик). — Дьявол их знает, сколько? (Непротивленец Макар Жеребцов); — Что-что? (Беспалый); Эта?! — радостно воскликнул он ... — Где я её (зубной протез — А. К.) кипятить буду? Где?! (Чудик).

Особенностью разговорного синтаксиса, реализуемого в идиостиле В.М. Шукшина, является активное использование частиц, которые выполняют не только грамматическую, но прежде всего экспрессивно-смысловую и коннотативную функции. Частицы, обладая минимальной лексико-семантической нагрузкой в системе языка, в реальном речевом употреблении становятся маркерами эмоциональных оттенков, интонационных нюансов, коммуникативных установок говорящего. В художественной прозе Шукшина эти элементы выполняют функцию интонационной авторизации текста, превращая письменную речь в квазиимитируемую устную, живую форму общения.

Вопросительные частицы разве, неужели, помимо вопроса, выражает оттенок сомнения, предположения: *Я ему: Генк, да неужель же ты это работой считаешь? (Наказ); Неуж не устают? (Как зайка летал на воздушных шариках); Неужели судиться будете? Стыдно, Алла Кузьминична (Суд); Неужто Гринька? Неужто он был? (Земляки); — Дедушка, — встряла в разговор Петькина тётя, — а разве в этом дело? (Критики).*

Вопросительные предложения — эффективное средство передачи эмоционально-психологической и социальной напряженности ситуации:

— Николай, да тебе велели, али как? — спрашивали. — Не сам ли уже надумал?..

— Колька, ты зачем это?..

— Николай, кто велел-то? (Крепкий мужик).

Коммуникативная направленность этих собственно вопросительных предложений в рассказе «Крепкий мужик» — уточнение правомерности совершаемого бригадиром действия. Полное разрушение исторического памятника

— церкви — с трудом осознаётся деревенскими жителями как реальность, и это порождает много вопросов.

Сочетание вопросительного и восклицательного знака графически указывает на полифункциональность высказывания, осложнение его интонационной структуры, изменение эмоциональной окраски: *Клара испугалась: Больно?! (Беспальный); — Да кто вы такой-то?! (Други игрищ и забав).*

Вопросительные предложения в рассказах В.М. Шукшина выполняют не только информативную функцию, но и активно используются как экспрессивное средство, особенно в форме риторических вопросов. Риторический вопрос — это стилистическая фигура, которая, сохраняя форму вопроса, не требует ответа, а служит для усиления эмоционального воздействия или акцентирования определённой мысли. По утверждению А.П. Сковородникова, риторический вопрос — стилистическая фигура, представляющая собой вопросительное по форме предложение, имеющее значение эмоционально усиленного утверждения или отрицания; это положительное или отрицательное суждение, облечённое в форму вопросительного предложения. Такая асимметрия формы и содержания является механизмом, обеспечивающим экспрессивность этой фигуры. Риторический вопрос не предполагает ответа, а его вопросительная структура и специфическая интонация используются для того, чтобы привлечь внимание, сделать более убедительной выражаемую мысль, повысить эмоциональное воздействие на слушателя [Сковородников, 2003, с. 592].

В текстах В.М. Шукшина находим подтверждение сказанному: *Что за манера? Что за проклятое желание угодить продавцу, чиновнику, хамоватому начальству? Угодить во что бы то ни стало! (Обида); — Что за манера – справки наводить! Рядом же — человек живой — спрашивай (Ораторский приём).*

Подобные вопросительно-риторические предложения актуализируют модально-оценочное значение — негативная оценка манеры поведения в определённой экстралингвистической ситуации.

В разговорной речи Шукшина такие вопросы становятся инструментом передачи внутреннего состояния персонажей, их сомнений, иронии или протеста.

Не каждое предложение с вопросительной формой или отдельные её компоненты выражают вопрос, требующий ответа. В разговорной речи шукшинских произведений представлены невопросительные предложения с вопросительной формой. Например: *Кто же спорит?* (Беспалый); — *Оно бы по-доброму, по-соседски — к чему мне?* (Суд); *А чего он, Ванька? Чего он скажет? Чем поможет?* (Бессовестные) *Кого ты щас там увидишь?* (Охота жить). — Это вопросительно-отрицательные предложения, поскольку они, актуализируют отрицание означенного действия. Ср.: *Мне это ни к чему; Никто не спорит; Ему нечего сказать, нечем помочь в данном случае; Сейчас ты там никого не увидишь.*

Анализ показал, что в анализируемых рассказах В.М. Шукшина невопросительные предложения с вопросительной формой представлены 12 контекстами. Несмотря на относительно невысокую частотность, данная конструкция выполняет важную стилистическую функцию, передавая экспрессию отрицания и эмоциональное состояние персонажей (как в примерах: «Кто же спорит?», «К чему мне?»).

Вопросительно-утвердительные предложения: *А я что, не работаю?* (Беспалый); *Как так нету!* (денег — А. К.)! *У Соловьёвых да нету!* (Алёша Бесконвойный). Несмотря на формально выраженное отрицание, сопровождаемое вопросительной интонацией, предложение звучит как утверждение с оттенком достоверности, соответствие реальному положению дел.

Синонимическое сочетание отрицательных и вопросительно-отрицательных предложений усиливает экспрессию текста: — *Никто так не делает, — возразил Костя, вытирая слёзы. — Кто так делает?* (Други игрищ и забав).

Вопросительно-утвердительные и вопросительно-отрицательные предложения — это синтаксические разновидности вопросительно-риторических предложений. Предложения данного типа выражают риторический вопрос, то есть вопрос, не требующий ответа. Об этом, в частности, свидетельствует и контекст.

Анализ синтаксических конструкций, используемых в рассказах В.М. Шукшина, позволяет утверждать, что предложения по цели высказывания играют важную роль в формировании его идиостиля, способствуя реализации

художественных, экспрессивных и коммуникативных задач текста. Особое место в синтаксической структуре его прозы занимают восклицательные и вопросительные предложения, отличающиеся высокой функциональной нагрузкой.

Вопросительные предложения реализуют как информативную, так и психологическую функции: они используются не только для получения информации, но и как форма внутреннего монолога, выражающая сомнения, размышления, тревогу. Особенно показательное использование риторических и интонационно усиленных вопросов, которые часто не предполагают ответа, но позволяют зафиксировать внутренний конфликт, подчеркнуть авторскую позицию или создать эффект живого разговора.

Следует также отметить особенности использования повествовательных и побудительных предложений, которые, несмотря на внешнюю нейтральность, в идиостиле Шукшина приобретают дополнительную эмоционально-прагматическую нагрузку. Повествовательные конструкции часто оформляются в форме диалогов с элементами разговорной парцелляции, пауз, вводных слов и частиц, что приближает их к устной, интонационно насыщенной речи. Побудительные предложения — как в форме прямого приказа, так и в смягчённых побуждениях — выполняют функцию речевого взаимодействия, подчеркивают напряжённость, конфликтность, иногда — юмористическую окраску реплики [Кукуева, 2002, с. 34].

В совокупности все типы предложений по цели высказывания образуют целостную систему разговорного синтаксиса, характерную для идиостиля В.М. Шукшина. Их употребление строго мотивировано художественными задачами, направлено на воссоздание интонационной природы живой речи и способствует созданию эффекта речевой достоверности. В контексте деревенской прозы такие синтаксические средства не только служат структурными элементами текста, но и выполняют функцию художественной типизации, передавая национальный менталитет, эмоциональный строй народной речи, внутреннюю драматургию характеров и ситуаций.

Таким образом, синтаксическая организация высказываний по цели (восклицательных, вопросительных, повествовательных и побудительных) в прозе В.М. Шукшина выступает как важнейший компонент его идиостиля, обеспечивающий выразительность, функциональность и художественную убедительность авторского текста.

2.2.4. Коннотативные значения частиц в разговорном синтаксисе рассказов В.М. Шукшина

Коннотативные значения — это дополнительные эмоциональные, оценочные или стилистические оттенки, которые слова или конструкции приобретают, помимо их основного смысла [Коняшкин, 2022, с. 330].

В разговорном синтаксисе В.М. Шукшина такие значения часто передаются через частицы *ну*, *ведь*, *же*, *ли* и др., которые выполняют не только грамматическую, но и экспрессивную функцию. Это ключевой признак разговорной речи рассказов В.М. Шукшина, так как частицы добавляют высказыванию живую интонацию, эмоции и подтекст, что характерно для устного общения.

— *Ну и что?* (Суд). Здесь *ну* выражает пренебрежение, нетерпение или вызов. Коннотация зависит от контекста: герой может демонстрировать равнодушие к проблеме или провоцировать собеседника.

— *Ведь я же говорил!* (Чудик). — Усиливает утверждение, подчеркивая раздражение или досаду персонажа. Коннотация — упрёк, скрытое я же предупреждал.

Частица *ли* — *Знать бы, куда он делся-то...* (Калина красная). Передаёт неуверенность, размышление вслух. Коннотация — тревога или растерянность. Частицы делают речь экспрессивной, передавая настроение героев (иронию, сарказм, грусть): *Да ну вас!* (Срезал), фраза выражает отчаяние или презрение, а не просто отказ.

Характерной чертой идиостиля Шукшина является то, что одна и та же частица может реализовываться с различными смысловыми и интонационными

оттенками, что во многом предопределяется контекстом и прагматической ситуацией: *Ну и дела!* в зависимости от интонации может выражать искреннее удивление, восхищение, возмущение, разочарование или даже саркастическую насмешку. Таким образом, частица *ну* в данном случае становится сигналом коммуникативного напряжения, маркирующим отношение говорящего к происходящему, а не просто вводным элементом.

Коннотативная нагрузка частиц в художественном тексте В.М. Шукшина особенно ярко проявляется в диалогических структурах, где частицы выполняют функцию эмоциональной актуализации. Они подчеркивают экспрессивность, усиливают субъективность речевых актов, придают речи персонажей интонационную достоверность. Частицы *же, ведь, то, уж, ну, вот, и* в шукшинской прозе часто приобретают дополнительные смысловые обертоны, функционируя как речевые маркеры эмоционального состояния: волнения, нетерпения, уверенности, упрёка, настойчивости. Эти элементы становятся органической частью речевого портрета персонажа, выступая индикаторами его индивидуальной речевой манеры и внутреннего состояния.

Важно подчеркнуть, что в прозе Шукшина частицы не являются изолированным средством, а работают в системе с другими элементами разговорного синтаксиса — междометиями, вводными словами, интонационными конструкциями, обрывами фраз, повторами. Всё это в совокупности создаёт эффект звучащей речи, в которой прослеживается не только предметное содержание, но и психологическая глубина, эмоциональная плотность, коммуникативная многозначность.

Таким образом, частицы в рассказах В.М. Шукшина выступают не просто формальным средством связи или модальности, а важнейшими выразителями народного речевого сознания, интонационного богатства живой речи, инструментом художественной типизации и создания аутентичного языкового колорита. Их коннотативный потенциал позволяет автору не только точно передать смысловое содержание реплики, но и отразить эмоциональную реакцию персонажа, задать тон повествования, усилить драматизм или комизм ситуации. В

идиостиле Шукшина частицы, наряду с другими средствами разговорной речи, становятся элементами языкового кода русской деревни, теми речевыми нервами, через которые раскрывается подлинная художественная правда его прозы.

2.3. Неполные предложения в идиостиле рассказов В.М. Шукшина

Одним из характерных признаков разговорного синтаксиса в идиостиле В.М. Шукшина является высокая частотность употребления неполных двусоставных предложений, отражающих стремление автора к воспроизведению интонационно насыщенной, экономной и экспрессивной речи. Согласно общепринятому определению, неполное предложение — это синтаксическая конструкция, в которой один из главных или второстепенных членов не выражен формально, но подразумевается из контекста. В корпусе исследованных рассказов зафиксировано 120 контекстов неполных предложений, что свидетельствует об их систематичности и функциональной значимости в речевой структуре прозы Шукшина.

Классификация неполных предложений, представленных в рассказах, может быть проведена на основе пропущенного члена предложения. В большинстве случаев в текстах преобладают конструкции с опущенным подлежащим, реже — с пропущенным сказуемым. Учитывая, что основным регистром повествования у Шукшина является диалогическая, разговорная форма, отсутствие подлежащего в реплике обусловлено особенностями коммуникативной ситуации, в которой субъект действия легко восстанавливается из предыдущих высказываний:

Пожил с месяц на стороне и прямо измучился... (Рыжий) — подлежащее (он) пропущено, но ясно из контекста.

Натаскала навоза, доброй землицы... (Суд) — отсутствует субъект действия, но он явно задан ситуацией.

Такие неполные предложения, как правило, выполняют функцию речевой экономии, соответствующую закону сокращения избыточной информации в

устной коммуникации. Они обеспечивают плавность и естественность диалога, приближая художественный текст к реальному речевому общению. При этом важно отметить, что даже при формальной неполноте эти конструкции остаются семантически полными и коммуникативно завершёнными, поскольку смысл восстанавливается за счёт контекста.

Функционально неполные предложения у Шукшина выполняют следующие задачи:

1. Имитация живой устной речи — благодаря пропущенным членам предложения создаётся ощущение разговорной спонтанности, прерывистости и непринуждённости: *Ну, тогда виски!* (Привет сивому!) — восклицательная реплика, где отсутствует сказуемое (наливай / выпьем), но оно легко читается в контексте.

2. Передача психологического состояния персонажа — пропуски могут маркировать замешательство, нервозность, торопливость, эмоциональное напряжение: *А ты откуда их знаешь? — Рассказывали* — отсутствие субъекта (*мне*) передаёт краткость и сдержанность в ответе.

3. Создание лаконичности и темпоритма повествования — в диалогах неполные реплики усиливают динамику, придают ритмическую чёткость сценам: *Ага. — Таких нету теперь. — Я знаю. — А я помню таких.* (Стенька Разин).

4. Формирование стилистической индивидуальности текста — в идиостиле Шукшина лаконичные синтаксические конструкции, лишённые второстепенных компонентов, становятся элементами авторской манеры, где краткость — способ выразительности, а не примета бедности речи.

Отдельного внимания заслуживает тип неполных побудительных предложений, в которых отсутствует сказуемое, но побуждение сохраняется благодаря интонации и речевой ситуации: *Ещё раз! По-человечески!* — эмоциональное побуждение, где глагол действия опущен.

В рассказах В.М. Шукшина встречаются эллиптические повествовательные конструкции, включающие, например, только обстоятельство и дополнение, особенно в авторских описаниях или внутреннем монологе персонажа. Эти

конструкции повышают информативную плотность текста, позволяя без избыточных форм выразить насыщенное смыслом содержание.

Коммуникативные ситуации, в которых функционируют неполные предложения, в прозе Шукшина охватывают:

- диалогическое общение между персонажами (реплики, отклики, комментарии);
- внутреннюю речь (размышления, самоподтверждения, эмоциональные всплески);
- авторское повествование, приближенное к разговорному регистру.

Таким образом, неполные двусоставные предложения в идиостиле В.М. Шукшина являются не только элементом грамматической структуры, но и важным средством речевой стилизации, позволяющим создавать эффект подлинности, эмоциональной насыщенности и лексико-интонационной экспрессии. Их высокая частотность и функциональная многозначность отражают не только особенности индивидуального стиля писателя, но и закономерности разговорного синтаксиса как части художественного языка.

2.3.1. Эллиптические предложения как отдельный вид экспрессивного средства в рассказах В.М. Шукшина

В рамках анализа синтаксической организации рассказов В.М. Шукшина особое внимание заслуживают эллиптические предложения, которые следует рассматривать как самостоятельный тип экспрессивных конструкций, отличающийся от неполных предложений по ряду формальных и семантических признаков. В отличие от неполных предложений, в которых пропущенный компонент восстанавливается из непосредственного контекста с высокой степенью точности, в эллиптических конструкциях восстановление отсутствующего элемента (чаще всего глагола-сказуемого) не может быть осуществлено однозначно. Однако благодаря ситуации, интонации, прецедентному знанию читателя и структурным особенностям речи они сохраняют семантическую

завершённость и коммуникативную полноценность. Согласно определению П.А. Леканта, эллипсис — это устойчивый структурный элемент, в котором опущенный компонент сохраняется в семантической структуре высказывания, несмотря на его формальное отсутствие [Лекант, 2007, с. 181].

В результате анализа прозаического материала выявлено тринадцать эллиптических предложений, каждое из которых представляет собой яркий пример компрессии содержания при сохранении экспрессивной насыщенности. Рассмотрим структурно-семантические типы таких конструкций и их функции в идиостиле Шукшина.

Эллипсис с опущенным глаголом действия (чаще — сказуемым). Наиболее частотный тип. Такие конструкции обозначают субъект, направление или результат действия, но само действие не выражено формально:

Жена — в слёзы. (Как заяк летал на воздушных шариках)

И вот — суд. (Суд)

Шестидесят кубометров — как псу под хвост. (Операция Ефима Пьяных)

Моя кровать — в углу, его — напротив. (Воскресная тоска)

В данных примерах отсутствует глагольный предикат, но за счёт контекстуальной насыщенности и логической связности читатель интерпретирует ситуацию: субъект перемещается, оценивает, действует. Отсутствие сказуемого компенсируется семантической предсказуемостью действия.

Функция: создать эффект сжатого, лаконичного повествования, усилить драматизм, выразить эмоциональное или оценочное отношение.

Эллипсис как экспрессивная реплика в диалоге или внутренней речи. Часто используется в диалогах или монологах, характеризуется высокой интонационной напряжённостью:

Удовольствие получили — и в кусты? (Жена мужа в Париж провожала)

А то купят — и в сундук! (Мой зять украл машину дров!)

Венина правда — вся тут. (там же)

Эти конструкции, будучи семантически ёмкими, передают иронию, возмущение, сарказм. Они эксплицируют оценку ситуации без прямого глагольного описания действия.

Функция: усиление иронической, оценочной или эмоциональной составляющей речи; характеристика отношения персонажа к происходящему.

Эллипсис в композиционно-повествовательной структуре используется в авторском повествовании как средство стилизации под устную речь. Часто вводит сцену, акцент, ситуацию, но без явного действия: *И вот — суд. Ну, тогда виски! Туда же! Туда же, куда все добрые люди!* (Крепкий мужик)

Эти конструкции формируют паузы, ритмические перегибы, усиливают интонационную структуру текста, приближают автора к герою, обеспечивая структурирование повествования, ритмическую разметку, смысловое акцентирование сцены.

Употребление эллиптических конструкций в рассказах В.М. Шукшина всегда связано с разговорной интонацией, ситуативной насыщенностью и фоновыми знаниями адресата. Без знания типовых житейских ситуаций, народного быта, социальной модели мира и реалий деревенской жизни восприятие эллиптической конструкции затрудняется. Например: *Венина правда — вся тут.* — фраза требует знания контекста семейного конфликта, в котором правда имеет локальное и эмоциональное значение.

Эллиптические конструкции, таким образом, не универсальны, а глубоко контекстно и культурно обусловлены. Они требуют от читателя активной интерпретации, что делает их не только экспрессивным, но и когнитивно насыщенным элементом текста. Функции эллиптических конструкций многообразны: усиление выразительности и экономии речи, интенсификация эмоционального фона, структурная и ритмическая организация текста, стилистическая типизация персонажей и коммуникативных ситуаций. Их использование позволяет автору не только передать интонацию живого слова, но и создать плотную, насыщенную повествовательную ткань, в которой читатель становится активным соавтором смысла.

2.4. Нечленимые предложения в идиостиле рассказов В.М. Шукшина

В системе разговорного синтаксиса рассказов В.М. Шукшина нечленимые предложения занимают устойчивое и функционально значимое положение. Эти конструкции представляют собой формально неполные синтаксические единицы, в которых отсутствуют чётко выделяемые грамматические члены — подлежащее и сказуемое, а также не выражена модально-временная парадигма. Тем не менее, такие предложения обладают высокой коммуникативной и экспрессивной нагрузкой, отражая как особенности устной речи, так и эмоционально-смысловое содержание речевых актов персонажей.

Нечленимые предложения представляют собой устойчивые коммуникативные единицы, формально не соответствующие грамматической структуре предложения, но функционирующие как самостоятельные высказывания в реальной или художественно стилизованной речи. Они противопоставлены односоставным и двусоставным конструкциям, поскольку не содержат формально выраженной грамматической основы и лишены спрягаемых форм глагола [Валгина, 1978, с. 205]. Подобные единицы, как подчёркивает Н.Ю. Шведова, характеризуются высокой степенью коммуникативной завершённости и типичны для разговорной речи, где синтаксическая неполнота компенсируется контекстом и интонацией [Шведова, 1960, с. 87]. В когнитивной трактовке Е.С. Кубряковой, нечленимые конструкции отражают целостные ментальные образы и выступают как вербальные корреляты восприятия, что объясняет их частое использование в эмоционально насыщенных диалогах художественного текста [Кубрякова, 1997, с. 124].

Они не обладают грамматической структурой в традиционном понимании, но тем не менее выступают как семантически завершённые речевые акты, обладающие коммуникативной направленностью, эмоциональной насыщенностью и интонационной самодостаточностью. Особенности этих конструкций таковы:

1. Отсутствие грамматической формы (подлежащее, сказуемое);
2. Преобладание в диалогах и межличностной коммуникации;

3. Реализация экспрессивной функции через минимальные речевые средства;
4. Зависимость от речевой ситуации и фона;
5. Принадлежность к живой, устной разговорной речи, которую Шукшин органично интегрирует в литературный текст.

На основе проанализированного материала (в работе зафиксировано 28 примеров нечленимых предложений) данные конструкции можно классифицировать по коммуникативной направленности:

1. Реактивные (ответные) предложения, выражающие согласие, несогласие или нейтральную реакцию:

— *Ну теперь-то всё хоть?* — *Конечно.* (Светлые души)

— *Показать можешь?* — *Нет.* — *Нет? Правильно.* (Стенька Разин)

2. Оценочные эмоциональные реплики, выражающие отношение к ситуации или собеседнику:

— *Вона!.. Вот так гость. Зачем это?* — *А что?* (Билетик на второй сеанс)

— *Краса-авец... Ручки в брючки.* — *Што, милок, с похмелья?* — *А вам што?*

— *Ничего, ничего...* (Три грации)

3. Эмоционально насыщенные междометные конструкции, сопровождающие выражение удивления, растерянности, удовольствия, усталости:

А-а... Да. — *Да, да. Что? Спасибо.* — *Почему?* — *Ничего.* (Солнце, старик и девушка)

4. Нечленимые конструкции-побуждения, часто предельно сжатые и эмоционально окрашенные:

— *Ну их!* (Критики)

— *Гон! Гон! Что, трудно, что ли?* (Свояк Сергей Сергеевич)

Нечленимые предложения выполняют в идиостиле В.М. Шукшина целый ряд функционально значимых задач:

1. Эмотивная функция — передача эмоционального состояния: удивления, усталости, радости, раздражения, иронии. Это достигается не только за счёт лексических средств, но и благодаря интонационной форме и

прагматическому контексту. Пример: — *А что?* — может выражать недоумение, насмешку, оборону в зависимости от интонации.

2. Коммуникативно-реактивная функция — служат откликами, подтверждением/опровержением сказанного, являются минимальными формами речевой реакции. Пример: — *Нет.* — *Правильно.*

3. Экспрессивно-оценочная функция — выражение субъективной оценки ситуации, часто с элементами фольклорно-народной речевой интонации. Пример: — *Ну их!* — выражает досаду, отказ, раздражение.

4. Функция речевой экономии — реализация закона сокращения высказывания: вместо полной синтаксической структуры — минимальный выразительный речевой акт. Пример: — *Ничего, ничего...*

5. Интонационно-композиционная функция — такие конструкции часто завершают или связывают речевые блоки, играют роль эмоциональной пунктуации.

Нечленяемые предложения в прозе Шукшина встречаются преимущественно в диалогах, реже — в авторской речи, где они служат для имитации устной интонации. Основной состав таких конструкций образован из неизменяемых слов: частиц, междометий, наречий, оценочных слов и обращений. Несмотря на формальную синтаксическую неопределённость, они понятны адресату благодаря ситуативной и контекстуальной насыщенности. Без соответствующего речевого окружения семантика нечленяемых предложений может восприниматься как аномальная или неопределённая: — *Што, милок, с похмелья?* — *А вам што?* — *Ничего, ничего.* Каждое из предложений лишено грамматической основы, но коммуникативно наполнено и экспрессивно завершено, поскольку строится на фоновых знаниях, социальных стереотипах, речевых ролях.

Таблица 1.

Классификация нечленяемых предложений в рассказах В.М. Шукшина

Тип нечленяемого предложения	Примеры из рассказов В.М. Шукшина	Функции в идиостиле
------------------------------	-----------------------------------	---------------------

Реактивные (ответные) реплики	– Ну теперь-то всё хоть? – Конечно. (Светлые души)	Выражение согласия/несогласия, отклик на реплику
Оценочные эмоциональные реплики	– А что? (Билетик на второй сеанс)	Оценка, ирония, выражение отношения к сказанному
Междометные и модальные конструкции	– А-а... Да. – Спасибо. – Ничего. (Солнце, старик и девушка)	Эмоциональная реакция, модальная окраска
Нечленимые побуждения	– Ну их!.. (Критики); – Гоп! Гоп! (Свояк Сергей Сергеевич)	Краткие эмоционально насыщенные побуждения
Интонационные и композиционные вставки	– Вот и всё. – И всё. (Степкина любовь)	Ритмическая структура текста, логические переходы, смысловое подведение итога

Нечленимые предложения представляют собой маргинальные, но функционально активные единицы синтаксической организации рассказов В.М. Шукшина. Таким образом, нечленимые предложения являются важным стилистическим приёмом идиостиля Шукшина, позволяющим автору передавать естественность живой речи, усиливать динамику повествования, раскрывать психологическое состояние героев и воссоздавать атмосферу народного общения.

2.4.1. Функционирование междометных конструкций в рассказах В.М.

Шукшина

Междометия, будучи формально неизменяемыми словами, обладают высокой экспрессивной и коммуникативной нагрузкой. В структуре разговорной речи они выполняют роль эмоционально-смысловых маркеров, отражающих реакции, чувства, оценку ситуации и устанавливающих определённый тон взаимодействия между собеседниками [Кубрякова, 1997, с. 124].

В рассказах В.М. Шукшина междометные конструкции выступают как один из ключевых компонентов идиостиля, органично встраиваясь в живую устную речь персонажей, диалоги, авторские ремарки и внутреннюю речь.

Междометия, в отличие от знаменательных слов, не называют, а обозначают эмоции, побуждения или состояния. Они интонационно насыщены, и в устной речи сопровождаются мимикой, жестами, паузами, а в художественном тексте — часто являются эквивалентами вербального действия или заменителями целых реплик [Кубрякова, 1997, с. 78].

Их функционирование в прозе Шукшина обусловлено необходимостью в краткой, насыщенной, интонационно живой речи, передать внутренний настрой персонажа, его реакцию на происходящее и эмоциональное восприятие мира. Анализ текстов позволил выделить следующие функциональные типы междометных конструкций:

Эмоционально-реактивные междометия. Используются для выражения удивления, испуга, досады, раздражения, радости, недоумения:

А-а... Да.

Ой-ой-ой... Вот это да!

Эх ты!.. Ну как так?

Эти конструкции маркируют мгновенную эмоциональную реакцию, часто предшествуют или завершают реплику, служат интонационным мостом между высказываниями.

Формулы оценки и отношения. Выражают отношение к высказыванию собеседника или к описываемому событию:

Ну и ну! Вот тебе раз! Ишь ты!

Подобные междометные выражения несут в себе оценочную модальность, не сообщая новой информации, но обнажая личностную позицию персонажа. Это особенно важно в авторской прозе В.М. Шукшина, в которой субъективная окрашенность речи — ключ к раскрытию характера героя.

Побудительно-эмоциональные междометия. Служат для инициации действия или ответа, часто используются в игровых, агрессивных или возбуждённых интонациях:

Гон! Гон! Эй, ну! А ну-ка давай!

Они приближаются по функции к побудительным предложениям, но действуют как интонационно насыщенные речевые сигналы, передающие волевое начало и настроение говорящего.

Интонационные связки и речевые швы. Используются как переходы, связки между высказываниями, выполняют ритмическую и паузовую функцию: *Та-а...; Ну...; Э... значит...*

Эти конструкции типичны для спонтанной речи, они заполняют паузу между репликами, создают эффект замедления, колебания, и тем самым приближают письменный текст к устной речи.

Междометные конструкции у Шукшина всегда глубоко контекстуально обусловлены: без знания предыдущего речевого хода, ситуации и характера говорящего зачастую невозможно однозначно интерпретировать значение междометия. Так, выражение *Ну?* в одном случае может означать побуждение к действию, в другом — раздражение, в третьем — насмешку. Всё это достигается сочетанием междометия с интонацией, паузами, контекстом.

Кроме того, междометия у Шукшина часто включаются в состав эллиптических и нечленимых конструкций, выступая как самостоятельные речевые акты. Например:

— *Ну их!..*

— *Та-а... Понял всё.*

— *Эх, жаль!*

Таким образом, междометные конструкции становятся средством выражения не только эмоций, но и личностного отношения, речевой характеристики героя, ритма и эмоциональной волны ситуации.

Типы междометных конструкций в рассказах В.М. Шукшина

Тип междометной конструкции	Примеры из текстов	Функции в идиостиле
Эмоционально-реактивные	А-а... Да. / Ой-ой-ой... / Эх ты!..	Выражение мгновенной эмоциональной реакции (удивление, испуг, радость)
Оценочные и модальные	Ну и ну! / Вот тебе раз! / Ишь ты!	Передача оценки, отношения к ситуации, выражение субъективной позиции
Побудительно-эмоциональные	Гоп! Гоп! / А ну-ка давай! / Эй, ну!	Побуждение к действию, эмоциональное возбуждение, игровая интонация
Интонационные связки (речевые швы)	Та-а... / Ну... / Э... значит...	Заполнение пауз, колебание, замедление речи, приближение к спонтанной устной речи

Междометные конструкции в рассказах В.М. Шукшина являются важнейшим элементом разговорного синтаксиса, отражающим особенности устной эмоциональной речи и идиостиля автора. Функциональная нагрузка междометий многопланова: они выражают эмоциональное состояние, субъективную оценку, побуждение, колебание, играют ритмико-композиционную роль. Использование междометий в прозе Шукшина ориентировано на приближение текста к живой речи, усиление реализма, раскрытие психоэмоциональной природы речевого акта. Междометия у Шукшина нередко выступают как самостоятельные высказывания, часто в форме нечленимых или эллиптических конструкций, и служат важным средством художественной типизации и интонационного моделирования текста [Чувакин, 2015, с. 74].

2.4.2. Функционирование нечленимых слов-предложений *ДА*, *НЕТ*, *АГА* в рассказах В.М. Шукшина

Нечленимые слова-предложения, такие как *да*, *нет*, *ага*, представляют собой минимальные по форме, но семантически и функционально насыщенные единицы разговорного синтаксиса, широко используемые в диалогах произведений В.М. Шукшина. Их отличительной особенностью является то, что при формальной неполноте (отсутствии подлежащего и сказуемого) они выполняют завершённую

коммуникативную функцию, выступая в роли самостоятельных реплик, равнозначных по смыслу целым утверждающим или отрицающим высказываниям.

По характеру высказывания данные конструкции делятся на утвердительные (да, ага) и отрицательные (нет). В рамках анализа корпуса шукшинских рассказов было зафиксировано 17 примеров употребления данных слов-предложений. Особое значение они приобретают в диалогах, где несут эмоционально-смысловую нагрузку, участвуют в структурировании речевых взаимодействий и характеризуют персонажей.

Слова-предложения утвердительного характера (*да, да-а, ага*) используются для выражения согласия, подтверждения, понимания, а также как эмоционально-маркированная реакция. Причём выбор между *да* и *ага* во многом определяется стилистической окраской и социальной принадлежностью персонажа.

— *Один со старухой живешь?* — *Ага.* (Земляки) — краткое подтверждение, без эмоциональной оценки, типично для деревенской разговорной речи; показывает обыденность и простоту героя.

Михайло на всякий случай сказал: — *Ага! Такое знаешь...* (Светлые души) — междометное утвердительное восклицание, здесь *ага* выполняет роль вступления в реплику; используется для создания непринуждённой интонации.

— *Да-а...* (Одни) — тягучее, протяжное *да*, выражающее не столько согласие, сколько оценку, раздумье, возможно, недоумение. Употребляется как реакция на неожиданный поворот событий.

Функции утвердительных конструкций в рассказах В.М. Шукшина:

- передача эмоционального согласия или внутреннего напряжения;
- стилизация устной речи (чаще употребляется *ага*, как маркированное просторечие);
- характерологическая функция: персонажи, употребляющие *ага*, чаще всего — носители народной, деревенской, разговорной интонации.

Отрицательные слова-предложения передают несогласие, отказ, опровержение, могут использоваться категорично или в смягчённой форме. Часто сопровождаются дополнительными эмоционально-оценочными элементами.

Примеры и речевые контексты:

Как нету! (денег — К.А.) *У Соловьевых да нету!* (Алёша Бесконвойный)
— отрицание в утвердительно-восклицательной форме; выражает возмущение, эмоциональную реакцию на недоверие.

— *Показать можешь? — Нет. — Нет? Правильно.* (Стенька Разин)
— лаконичное отвержение, без эмоционального окраса; используется как речевая реакция в рутинной ситуации.

Функции отрицательных конструкций в рассказах В.М. Шукшина:

- передача категорического отказа или отрицательной оценки;
- маркеры эмоционального напряжения (особенно формы типа *да нету!*);
- диалогическое сгущение — такие реплики структурируют коммуникацию и обостряют конфликт или недопонимание между персонажами.

Нечленимые слова-предложения в идиостиле рассказов В.М. Шукшина:

- чаще всего используются в начальных или финальных позициях реплик;
- могут сопровождаться паузами, тягучестью, создающими интонационно-драматургический эффект (*да-а...*);
- употребляются персонажами социально и речево непретенциозными — сельскими жителями, рабочими, пожилыми мужчинами, детьми.

Нечленимые слова-предложения *да*, *нет*, *ага* выполняют в рассказах В.М. Шукшина полноценную коммуникативную функцию, несмотря на свою формальную краткость и отсутствие грамматических признаков предложения. Употребление этих конструкций варьируется по стилистической окраске, эмоциональной насыщенности и речевой роли персонажа. Так, *ага* маркирует разговорную деревенскую речь, *да* — более нейтрально и широко, *нет* и *да нет* — часто служат ритмико-интонационными опорами реплики.

Конструкции реализуются в типичных коммуникативных ситуациях: ответ на вопрос, реакция на сомнение, выражение согласия или отказа, — и, благодаря своей интонационной и эмоциональной емкости, способствуют созданию достоверной речевой среды и индивидуализации персонажей. Такие слова-предложения выполняют роль вербальных штампов живой речи, что усиливает

аутентичность повествования и подчёркивает характерный ритм народного говорения, органично вписанный в шукшинский идиостиль.

2.5. Аналитические конструкции

2.5.1. Функционирование нечленимых конструкций с количественным значением в рассказах В.М. Шукшина

В рассказах В.М. Шукшина такие конструкции используются как средства экспрессии, оценки, выражения субъективного отношения к действительности.

Нечленимые конструкции с количественным значением в рассказах В.М. Шукшина играют важную роль в разговорном синтаксисе. Это особый тип синтаксических единиц, которые не включают в свою структуру формально выраженных грамматических членов (подлежащее, сказуемое), но при этом выполняют полноценную коммуникативную функцию и несут значительную экспрессивную нагрузку [Чувакин, 2015, с. 66]. Они отражают динамику повседневного общения и используются для обозначения количественной характеристики различных явлений или объектов.

Примеры нечленимых конструкций с количественным значением:

1. Числовые конструкции:

«Три копейки — и всё!» (Думы)

«Две недели — и не позвонил.» (Микроскоп)

2. Временные отрезки:

«Месяц — и ни одного письма.» (Печки-лавочки)

«Три дня — и уже тоска.» (Жена мужа в Париж провожала)

3. Оценка результата / траты:

«Шестьдесят кубометров — как псу под хвост.» (Операция Ефима Пьяных)

Эти конструкции часто используются для выражения оценки несоответствия между ожидаемым результатом и действительностью, подчёркивая негативное восприятие или разочарование.

Классификация и функции:

1. Числовые конструкции: используются для выражения конкретных количественных характеристик.

Пример: «Три копейки — и всё!» выражает оценку незначительности количества денег в контексте ситуации.

2. Временные отрезки: обозначают временные интервалы, указывая на несоответствие между ожиданиями и реальностью.

Пример: «Месяц — и ни одного письма.» подчёркивает отсутствие результата после длительного ожидания.

3. Оценка результата / траты: показывает бесполезность потраченного времени или ресурсов.

Пример: «Шестьдесят кубометров — как псу под хвост.» выражает оценку бесполезности усилий.

Коммуникативные функции нечленимых конструкций:

1. Экспрессивная функция: передача эмоциональной реакции на несоответствие между количеством и эффектом.

Пример: «Шестьдесят кубометров — как псу под хвост.» — ироничная оценка трудозатрат.

2. Оценочная функция: выражение субъективного отношения к действительности или поведению.

Пример: «Две недели — и не позвонил.» — выражение недовольства по поводу отсутствия общения.

3. Информативная функция: фиксация значимого факта или события в компактной форме.

Пример: «Три дня — и уже тоска.» — передача динамики эмоционального состояния.

Роль в повествовании:

Нечленимые конструкции с количественным значением в текстах В.М. Шукшина являются важными средствами для усиления выразительности и лаконичности речи, часто используемыми для подчёркивания контраста между ожиданием и реальностью. Они играют ключевую роль в создании ярких, экспрессивных образов, что добавляет динамики и эмоциональной насыщенности тексту. Такие конструкции также позволяют автору сократить высказывание, сохраняя при этом его информативную и эмоциональную насыщенность.

Эти конструкции выполняют функцию речевой экономии, используя минимальные синтаксические элементы для передачи сложных смысловых нагрузок. В тексте В.М. Шукшина такие конструкции выполняют не только функцию лаконичного изложения, но и выступают важными средствами для создания ритмического и интонационного акцента, что является важной частью шукшинского идиостиля.

2.5.2. Функционирование нечленимых аналитических конструкций составного сказуемого в рассказах В.М. Шукшина.

Нечленимые аналитические конструкции, такие как составное сказуемое, являются важными элементами синтаксической структуры языка, которые позволяют передавать сложные семантические оттенки и внутренние состояния персонажей. В рассказах В.М. Шукшина эти конструкции приобретают особое значение, так как они не только стилизуют разговорность, но и способствуют глубокой передаче эмоциональных и психологических состояний героев.

В рассказах Шукшина встречаются различные модели нечленимых аналитических конструкций, каждая из которых несет определенную семантическую нагрузку. Рассмотрим основные из них.

Модели нечленимых аналитических конструкций:

Инфинитив + глагол движения (динамика движения): *А чего вы все салютовать кинулись* (Даёшь сердце!). — Семантика: Передача активной фазы действия, движение вперед.

Глагол движения + инфинитив (начальная стадия процесса): *Идите работать* (Даёшь сердце!); *Спирька пошёл работать в колхоз* (Сураз).

Семантика: начало действия, указание на переход к новому состоянию.

Фазовый глагол + категория состояния (изменение состояния среды): *Стало шумно в деревне* (В воскресенье мать-старушка).

Семантика: изменение внешнего состояния окружающей среды, динамика происходящих событий.

Безличный глагол + инфинитив (желательность действия): *Глянется работать* (Как зайка летал на воздушных шариках); *тянет посидеть там* (Земляки). — Семантика: желание или стремление совершить определенное действие.

Инфинитив + модальный глагол (желательность действий, глубокие переживания): *Завыть хотелось* (В воскресенье мать-старушка). — Семантика: глубокие эмоциональные переживания, желание выразить внутреннее состояние.

Категория состояния + инфинитив (внутренняя потребность): *Охота учить* (Непротивленец Макар Жеребцов). — Семантика: внутренняя потребность или желание осуществить какое-либо действие.

Каждая из приведенных моделей демонстрирует, как нечленимые аналитические конструкции участвуют в создании уникальных семантических оттенков и помогают раскрыть внутренний мир персонажей. Например, фраза *А чего вы все салютовать кинулись* (Даёшь сердце!) — не только показывает активное участие персонажа в каком-то событии, но и передает атмосферу энергичного начала, что характерно для рассказов Шукшина.

Использование нечленимых аналитических конструкций в рассказах В.М. Шукшина обогащает их стилистическую палитру и помогает создать уникальный идиостиль писателя. Эти конструкции становятся важным инструментом для передачи внутреннего состояния персонажей, их желаний, стремлений и глубоких переживаний: начало действия, указание на переход к новому состоянию, передача активной фазы действия, движение вперед, изменение внешнего состояния окружающей среды, динамика происходящих событий,

желание или стремление совершить определенное действие, желание выразить внутреннее состояние, внутренняя потребность или желание осуществить какое-либо действие.

Нечленимость конструкций проявляется в отсутствии четкой грамматической структуры, присущей традиционным предложениям. В таких конструкциях нет классического деления на подлежащее и сказуемое, и отсутствуют спрягаемые формы глаголов. Например, в конструкциях типа «Завыть хотелось» или «Шестьдесят кубометров — как псу под хвост» нет явного субъекта, а действие или состояние выражается через неполные или редуцированные формы. При этом такие фразы воспринимаются как самостоятельные высказывания благодаря интонационному оформлению и контекстуальной значимости.

Аналитичность этих конструкций заключается в использовании сочетаний отдельных компонентов — таких как инфинитивы, глаголы движения или фазовые глаголы — для передачи сложных значений. Вместо сложных, грамматически полных предложений с формальной подлежащей и сказуемой структурой, используются более простые конструкции, состоящие из нескольких элементов, которые вместе создают смысл. Например, конструкция «Три дня — и уже тоска» может быть интерпретирована как аналитическая, так как сочетает в себе действие и его результат без полноценного глагола-сказуемого.

Для Шукшина характерна гибкость синтаксических конструкций, использование разговорных форм, которые отражают живую речь и повышенную экспрессию. Нечленимость и аналитичность этих конструкций в его произведениях подчеркивают импровизационный, непринужденный характер речи, в то же время сохраняя глубокий эмоциональный и когнитивный смысл. Это позволяет создавать яркие, лаконичные фразы, которые придают особую динамичность и эмоциональную насыщенность рассказам, что является неотъемлемой частью его идиостиля.

Эти особенности делают стиль Шукшина отличительным, помогая выразить сложные переживания и внутренние состояния персонажей через упрощенные, но выразительные синтаксические единицы. Такой подход в разговорном синтаксисе

делает текст более живым, приближенным к реальной речи, и способствует его психологической достоверности, что особенно важно для передачи народной ментальности и характеров его героев.

2.5.3. Функционирование аналитических конструкций расчленённых глаголов с совмещённым значением действий в рассказах В.М. Шукшина

К аналитическим конструкциям относятся расчленённые глаголы с совмещённым значением действий, усиливающие стилистическую экспрессию и придающие речи характер устной спонтанности. Такие конструкции формируются в результате частичной десемантизации одного из предикативных компонентов при сохранении общей семантической и интонационной слитности высказывания. По наблюдению Е.Н. Ширяева, аналитизм в разговорной речи возникает как следствие стремления говорящего уточнить, повторно акцентировать действие, придать ему длительность или эмоциональный оттенок [Ширяев, 1996, с. 195].

В рассказах В.М. Шукшина подобные конструкции встречаются регулярно и выполняют многофункциональную роль — от экспрессивно-оценочной до ритмо-синтаксической. Они характерны как для речи персонажей, так и для авторского повествования, что указывает на их интеграцию в идиостиль писателя: *Поёт и поёт ходит... У нас Ваня-дурачок такой был — всё пел ходил* (Критики); *А этот трезвонит ходит по всей деревне...* (там же); *Ладно, лежи хворай* (Крепкий мужик); *Легко, думаешь, лежать смотреть на тебя* (А поутру они проснулись...).

Эти примеры демонстрируют синтаксическую модель повторного предикативного ряда, в котором глагол-повтор (*ходит, лежи, поёт*) теряет часть своего лексического значения и приобретает аспектуально-длительный или эмоционально-оценочный оттенок. Повторяющееся действие усиливает впечатление непрерывности, привычности, эмоциональной навязчивости происходящего. Например, *поёт и поёт ходит* — не просто констатация действия, а выражение говорящего отношения: поёт без конца, надоел уже своим пением.

Здесь повторный компонент утрачивает самостоятельное значение движения (ходит), но сохраняет функцию эмфатического усилителя.

Семантика таких конструкций включает в себя элементы:

- длительности и повторяемости действия (*поёт и поёт ходит* — действие затянутое, цикличное);
- эмоционально-оценочного отношения говорящего (*трезвонит ходит* — неодобрение, ирония, раздражение);
- иронической гиперболизации (*пел ходил, лежи хворай* — преувеличенное выражение обыденности, бытовой типичности поведения);
- комического эффекта, достигаемого сочетанием несовместимых предикатов (*лежать смотреть, лежать думать*), что создаёт эффект живой разговорной интонации.

Функционально эти конструкции выполняют несколько ролей:

1. Экспрессивно-оценочную, передавая эмоциональную реакцию говорящего.
2. Характерологическую, раскрывая речевой тип персонажа — его простоту, прямоту, эмоциональность, свойственную деревенской речи.
3. Ритмо-интонационную, создавая особый темпоритм повествования, характерный для устной речи, где повтор и параллелизм заменяют логическую связность: *Глеб Капустин сидел красный в ожидании решительной минуты*. Здесь слово *красный*, формально прилагательное, обозначающее признак, выполняет функцию предикативного центра осложнённого сказуемого, выражая состояние персонажа.

По сути, это аналитическая конструкция типа *сидел красный*, где связь между компонентами не формально-грамматическая, а семантическая и интонационная. Как отмечает Н.С. Валгина, подобные структуры создают эффект живой устной речи, в которой предикат может дробиться, сочетая признак, действие и отношение [Валгина, 1978, с. 203].

Таким образом, аналитические конструкции с расчленёнными глаголами в рассказах В.М. Шукшина обладают многоуровневой семантикой и высокой экспрессивной насыщенностью. Они позволяют передавать оттенки устной речи —

от насмешки и иронии до участия и сочувствия, — придавая тексту естественность и эмоциональную глубину. Через эти формы проявляется одна из ключевых особенностей идиостиля писателя — способность передавать внутреннюю динамику живого народного языка средствами письменного художественного текста.

2.5.4. Функционирование побудительных аналитических конструкций в рассказах В.М. Шукшина

Побудительные аналитические конструкции занимают особое место в системе разговорного синтаксиса В.М. Шукшина. Через них реализуется богатый спектр волеизъявительных значений — от мягкой просьбы и приглашения к совместному действию до приказа, совета, предупреждения или эмоционального порыва. В художественной речи писателя эти конструкции отражают не столько грамматическую категорию побудительности, сколько живую речевую интенцию, тесно связанную с ситуацией общения, эмоциональным состоянием говорящего и его отношением к адресату.

В рассказах Шукшина побудительные высказывания часто реализуются аналитическим способом, то есть при помощи сочетаний вспомогательных и знаменательных слов, выражающих совмещённое значение волеизъявления и действия. Основу таких конструкций составляют сочетания с глаголами *давай / давайте, пусть / пускай, велите*, а также модальные сочетания (*может, давай..., надо бы...*), что соответствует тенденциям разговорного синтаксиса к аналитизму [Ширяев, 1996, с. 193].

Приглашение к совместному действию: *Давай посидим, поговорим* (Одни); *Ну давай слезать будем* (Как помирал старик); *Давай-ка по рюмочке пропустим* (Наказ); *Давайте считать вместе* (Беседы при ясной луне).

В этих примерах сочетание *давай / давайте* выступает как аналитический модификатор, указывающий на инклюзивную интенцию — приглашение к совместному действию. Семантика таких конструкций двупланова: глагол *давай*

частично десемантизируется, утрачивая значение побуждения в строгом смысле, и превращается в прагматический маркер коммуникативной солидарности. По наблюдению Н.С. Валгиной, такие конструкции служат формой речевого сближения говорящего и адресата [Валгина, 1978, с. 207].

Императивно-волевые конструкции (приказ, требование): *Велите ему поставить бутылку* (Танцующий Шива). Здесь вспомогательный глагол *велите* сохраняет формально императивное значение, однако в контексте разговорной речи приобретает иронико-снисходительный оттенок, смягчая категоричность приказа. Это характерно для речи персонажей, принадлежащих к народной среде, где повелительная форма часто сопровождается иронией, обыгрыванием авторитета или социального статуса говорящего.

Пожелание, совет, побуждение к действию другого лица: *Давайте, думаю, гните дальше* (Непротивленец Макар Жеребцов); *Пусть будет так* (Чудик); *Пусть она там ребятишек укладывает* (Наказ); *Пускай знают* (Как заяц летал на воздушных шариках).

Конструкции с *пусть / пускай* в шукинской речи выполняют не только волеизъявительную, но и оценочно-фатическую функцию. Они выражают не просто побуждение, а эмоциональное отношение говорящего к ситуации — согласие, уступку, примирение, иногда иронию или обречённость. Например, *Пусть будет так* — это не приказ, а внутреннее смирение, завершённость эмоционального процесса. Подобные конструкции часто становятся интонационными финалами диалога, завершая речевое столкновение героев.

Побудительные конструкции с переосмысленным действием: *Потом, знаете, эти сибиряки: наскучают там, приезжают и давай фейерверки пускать. Кошмар!* (А поутру они проснулись...).

Здесь аналитическая конструкция *давай фейерверки пускать* выражает не волеизъявление, а оценку интенсивности действия — начали шуметь, буяннить. Компонент *давай* утратил значение побуждения и приобрёл аспектуально-длительное и экспрессивное значение начала действия, сопровождаемого эмоциональной оценкой говорящего. Таким образом, побудительная форма в

устной речи трансформируется в оценочно-динамическую, становясь показателем разговорной экспрессии [Сиротинина, 2004, с. 75].

Аналитические формы побуждения у Шукшина являются многофункциональными средствами экспрессии. Они не только передают волю или приказ, но и моделируют социально-психологическое взаимодействие между персонажами. Использование *давай* и *пусть* в сочетании с интонацией и контекстом позволяет варьировать степень категоричности: *Давай, Миша, споем!* — мягкое приглашение; *Давай, иди уже!* — раздражённое требование; *Пусть знает!* — эмоциональная отповедь.

Такая семантическая подвижность объясняется тем, что, как отмечает Е.А. Земская, в разговорной речи грамматическая форма императива часто уступает место аналитическим средствам побуждения, способным передавать более тонкие оттенки отношения и эмоций [Земская, 1996, с. 112].

Таким образом, побудительные аналитические конструкции в рассказах В.М. Шукшина служат не только грамматическим выражением волеизъявления, но и ключевым средством эмоциональной и характерологической выразительности. Они отражают особенности устной речи, её динамику, многоплановость и психологическую достоверность. Через такие конструкции В.М. Шукшин создаёт интонационную модель народного общения, в которой границы между просьбой, приказом и шуткой подвижны и зависят от ситуации, характера говорящего и его эмоционального состояния.

2.5.5. Функционирование аналитических конструкций с частицами в рассказах В.М. Шукшина

Аналитические конструкции с частицами представляют собой важный компонент разговорного синтаксиса и экспрессивной системы художественного текста. В идиостиле В.М. Шукшина подобные конструкции активно используются для передачи модально-оценочной информации, эмоционального состояния персонажей, а также для стилистической имитации устной речи.

Частицы в составе аналитических конструкций выполняют как модально-временную, так и эмоционально-экспрессивную функцию, усиливая или уточняя смысл основного глагольного действия. Рассмотрим наиболее характерные примеры.

Частица *было* как маркер прерванного действия входит в состав аналитических конструкций, выражающих значение намерения, неосуществлённого действия, прерывания одного действия другим. Такие конструкции функционируют по модели: [глагол + *было*] + *но...*, где вторая часть предложения аннулирует начатое действие. Примеры:

Увидев меня, председатель кинулся было за мной, но я так дернул с места, что он сразу остановился. (Жатва). Остолбевший очкарик сдвинулся наконец с места и подсел было к урке. (А поутру они проснулись...). Он хотел было поговорить о том... Но отец так глянул на него... (Игнаха приехал).

Такие конструкции создают драматургический эффект прерванного действия, обозначают внутренний импульс, которому не суждено было реализоваться, и потому усиливают эмоциональное напряжение эпизода. Частица *было* здесь выполняет не только синтаксическую, но и эмоционально-стилистическую функцию, приближая повествование к интонациям внутренней речи.

Частица *знай* используется в конструкции *знай* + глагол в инфинитиве, где она придаёт действию значение постоянства, фатальности или надоедливой неизбежности: *Учись, знай.*

Это сочетание подчёркивает непрерывный, неизбежный характер действия, передаёт установку на его регулярность. Подобные конструкции нередко маркируют волевою установкой говорящего или отображают воспитательную, наставническую интонацию.

Аналитические конструкции с частицами позволяют автору:

- выражать отношение к действию (ирония, сожаление, нетерпение);
- стилизовать речь персонажей под устную, эмоционально насыщенную;
- развивать динамику внутреннего монолога и интонационной волны в тексте.

Использование таких конструкций способствует усилению реалистичности речевого взаимодействия, передаче внутренней напряжённости, характеристике героев через речь, а также обогащает синтаксическую палитру идиостиля Шукшина.

Аналитические конструкции с частицами *было*, *знай* и др. являются значимыми средствами стилистической организации речи в рассказах В.М. Шукшина. Они выполняют не только модально-временную, но и экспрессивную функцию, приближая письменную речь к устной, раскрывая психологические нюансы поведения героев и усиливая эмоциональную нагрузку повествования. Их функционирование в идиостиле Шукшина свидетельствует о глубокой связи формы и содержания, об умении автора создавать выразительное речевое пространство средствами разговорного синтаксиса.

2.6. Сравнительные конструкции в системе разговорного синтаксиса

В.М. Шукшина

Сравнение — изначальное средство стилистической изобразительности. Сравнение — это сопоставление чего-либо с чем-либо путём установления сходства между ними. Когда сопоставляется известное и неизвестное, начинается познание последнего [Кузнецова, 2003, с. 395]. Другими словами, сравнение — один из методов познания объекта исследования.

Сравнения в тексте художественной литературы выполняют различные стилистические функции, основными из которых являются: функция создания образности, функция эмоциональной и интеллектуальной оценки, экспрессивная и сверхорганизуящая функции [Паршукова, 2018, с. 45].

М.М. Паршукова подразделяет сравнения на предметно-логические и образные. Автор выделяет следующие функции сравнений в художественном тексте:

- функция создания образности;
- оценочная (интеллектуальной и эмоциональной оценки);

- экспрессивная (экспрессивно-эмоциональная и экспрессивно-усилительная);
- сверхорганизующая [там же].

О.Н. Юрочкина в своей статье о функции сравнений утверждает, что сравнения, наряду с названными уже функциями, отражают авторское отношение к событию или предмету [Юрочкина, 1999, с. 227].

2.6.1. Функционирование сравнений с союзами в идиостиле рассказов В.М. Шукшина

В рассказах В.М. Шукшина основной тип сравнений союзный — с союзами *как, будто, как будто, точно*.

Предметно-логические сравнения:

Едет, как к тёще на блины (Правда); *Эти четверо как всё равно взбесились. Лёньку как будто кто в грудь толкнул* (Лёнька); *И сказал, словно вспоминая что-то...* (Чудик).

Образные сравнения:

Фёдор чувствовал себя очень плохо: как будто проваливался в большую гулкую яму (Артист Фёдор Грай) — экспрессивно-усилительная функция;

Огонь весело гудит в печке; пятна света, точно маленькие жёлтые котята, играют на полу (Далёкие зимние вечера) — экспрессивно-эмоциональная функция;

Ночи стояли дивные: луну точно на веревке спускали сверху — такая она была близкая, большая (Беседы при ясной луне) — экспрессивно-эмоциональная функция.

В предложениях с персуазивной частицей *вроде*, синонимичной сравнительному союзу *как будто*, также выражается сравнение:

Какая слабость, вроде всю кровь выцедили (Как помирал старик) — экспрессивно-усилительная функция;

Да смотришь как-то — вроде жалеешь (Как зайка летал на воздушных шариках) — оценочная функция.

2.6.2. Функционирование сравнений на -ьи, -ски, -цки в идиостиле рассказов

В.М. Шукшина

Сравнительные конструкции с наречиями, образованными с помощью приставки *по-* и суффиксов *-ьи, -ски, -цки*, представляют собой яркое и выразительное средство создания образной и предметно-логической характеристики действия или состояния. В художественном пространстве рассказов В.М. Шукшина они выполняют роль речевых меток, указывающих на специфический способ действия, ментальность, национальный или социальный колорит, этнографическую и поведенческую типизацию.

В рассказах Шукшина подобные конструкции активно используются для создания характерных речевых портретов персонажей, а также для передачи авторской иронии, сочувствия или отстранённой наблюдательности.

Рассмотрим характерные примеры:

Сидели, скрестив по-татарски ноги, и глядели на огонь (Демагоги);

Прежде чем бить по кону, он снимает с правой руки рукавицу, сморкается по-мужичьи на дорогу, прищуривает левый глаз... прицеливается... (Далёкие зимние вечера);

— *Здоровеньки булы!* — *Так здоровался Захарыч* — *по-казацки* (Стенька Разин).

Все перечисленные примеры представляют собой конструкции, в которых используется наречие образа действия, формально совпадающее с формой сравнительного оборота типа *как мужик, как татарин, как казак*, но более компактное и в то же время, насыщенное стилистически.

Такие конструкции являются лексико-грамматическим аналогом сравнительного оборота и могут быть интерпретированы как свернутые формы сравнений:

- по-мужичьи ↔ как мужик;
- по-казацки ↔ как казак;
- по-татарски ↔ как татарин.

Функции сравнений с *по-* наречиями:

1. Идентификационно-этнографическая — указывает на социально-этническую принадлежность модели поведения или действия: по-казацки, по-татарски.
2. Характеризующая — задаёт образ действий персонажа в соответствии с представлениями о народных стереотипах: по-мужичьи как маркер простоты, своего поведения, неофициоза.
3. Эмотивно-оценочная — выражает скрытую или явную оценку поступка: по-мужичьи сморкнулся — действие в народной манере, не стеснясь.
4. Стилистически экономная — позволяет выразить полноценную сравнительную характеристику без использования громоздких конструкций типа как делает мужик.

Таким образом, в идиостиле рассказов В.М. Шукшина преобладают свернутые наречные сравнительные конструкции, оформленные по модели *по- + корень + суффикс (-ьи, -ски, -цки)*. Эти конструкции служат выражением культурных кодов, фоновно-психологических установок и народной образности, свойственной художественному миру писателя.

2.6.3. Функционирование сравнений как средство иронии, насмешки в идиостиле рассказов В.М. Шукшина

Сравнение — один из древнейших и наиболее универсальных тропов, широко используемый в разговорной речи и художественной литературе. В идиостиле В.М. Шукшина сравнительные конструкции выполняют целый спектр функций: от описательной и экспрессивной до ироничной и сатирической. Особенно характерно для прозы писателя использование сравнений с насмешливым, снижающим подтекстом, раскрывающим комические, нелепые, а подчас и трагикомические стороны жизни его героев.

В рассказах Шукшина ироничные сравнения строятся, как правило, по классическим моделям: как + существительное, словно / будто + образ, вроде + кого/чего, а также с использованием разговорных оборотов, приближенных к

устной народной речи: *А тот стоит, как сосулька, и глазками хлопает* (Сураз) — используется метафора, передающая нерешительность и беспомощность персонажа. *Он, как князь какой, вошёл в избу, только шапки не снял* (Крепкий мужик) — создаётся контраст между важным видом героя и его невоспитанностью. *Голова у него как арбуз, а ума — с напёрсток* (Привет сивому!) — пример грубоватого, гротескного сравнения, акцентирующего интеллектуальную ограниченность персонажа. *Словно барин в шубе, а в лаптях* (Билетик на второй сеанс) — подчёркивается нелепое сочетание претензий на статус с очевидной бедностью. *Сердце у него билось, как у воробья под кошкой* — сравнительный оборот с оттенком тревоги и страха, усиленный гиперболой. *Плывёт, как утка в тулупе* — нелепое, гротескное сравнение, вызывающее визуальный комизм. *Говорит, как будто зёрна плюёт* — насмешливое описание с акцентом на бессмысленность или назойливость речи собеседника. *Сидит, как сова под плинтусом* — сниженное, почти абсурдное сравнение, характеризующее молчаливого и неловкого героя. *Одет, как будто у цыган на складе подбирал* — подчёркнутая безвкусица и попытка показать внешнюю модность при полной утрате меры. Эти и подобные конструкции выполняют в тексте ряд важных функций:

Сравнение используется для демонстрации несоответствия между внешним образом героя и его реальными качествами. В рассказе «Крепкий мужик» герой как князь входит в избу, но демонстрирует отсутствие элементарной вежливости — шапку не снимает. Автор использует контраст, чтобы выразить критическое отношение к такому поведению.

Некоторые сравнения вызывают у читателя смех благодаря абсурдности и несоразмерности образов: *голова как арбуз, а ума — с напёрсток* или *плывёт, как утка в тулупе*. Это своеобразная форма народного юмора, в котором грубоватая и сочная образность усиливает эмоциональное восприятие.

Сравнения помогают охарактеризовать героя без прямой авторской оценки: *говорит, как зёрна плюёт* — такое описание позволяет читателю самостоятельно сделать вывод о раздражающей манере общения персонажа.

Сравнения в идиостиле В.М. Шукшина зачастую указывают на противоречие между стремлениями простого человека и его реальной жизненной ситуацией. Сравнение словно *барин, а в лаптях* акцентирует комическую неловкость попыток простолюдина подражать высшему обществу.

Многие из используемых сравнений уходят корнями в фольклор, пословицы и поговорки. Именно через них проявляется связь рассказов Шукшина с живой речевой стихией народа: как мышь в крупе, сидит, как иголка в сапоге, поёт, как труба у коровы и др.

В качестве средств выражения комического у В.М. Шукшина выступают и развернутые сравнения. Это текстовые фрагменты: *Потом Глеб раза два посмотрел в стороны избы бабки Агафьи Журавлёвой. Спросил:*

— *Гости к бабке Агафье приехали?*

— *Кандидаты!*

— *Кандидаты? — удивился Глеб. — О-о!.. Голой рукой не возьмешь.*

Мужики посмеялись: мол, кто не возьмет, а кто может и взять. И поглядывали с нетерпением на Глеба.

— *Ну, пошли попроведаем кандидатов, — скромно сказал Глеб. И пошли. Глеб шел несколько впереди остальных, шел спокойно, руки в карманах, щурился на избу бабки Агафьи, где теперь находились два кандидата. Получалось вообще-то, что мужики ведут Глеба. Так ведут опытного кулачного бойца, когда становится известно, что на враждебной улице объявился некий новый ухарь (Срезал).*

Вторая, основная, часть развернутого сравнения начинается местоименным наречием *так*. Комизм ситуации заключается в том, что деревенский спорщик, любитель беспредметных споров сравнивается с кулачным бойцом. Цель сравнения – показать особенность характера персонажа, демагога и спорщика, стремящегося срезать своих оппонентов.

Эффективным средством реконструкции характера в юмористическом контексте является и развёрнутое сравнение в рассказе «Свояк Сергей Сергеевич»: *Сёстры всплакнули на радостях и поскорей ушли в горницу и унесли туда чемоданы. Ну, теперь полдня будут тряпки разглядывать, сказал Сергей*

Сергеевич снисходительно, но не без гордости — тряпок было много. С таким видом вытаскивают, будучи в отпуске дома, молодые лейтенанты червонцы из кармана. Но тех извиняет молодость, этот — сорокалетний — гордился со вкусом. Свояки закурили.

— На сколь? — спросил Андрей.

— У нас отпуск большой, мы же — льготники.

— И опять гордость и высокомерие. Живого места нет на человеке — весь как лоскутное одеяло, и каждый лоскут — кричит и хвалится. — На особом положении.

Ключевыми словами данных примеров, играющих значимую роль в текстообразовании, являются местоимения *таким, тех, этот, весь*, указывающие на речь, доминирующие признаки его поведения и характера. В составе развёрнутого сравнения представлено простое союзное сравнение *как лоскутное одеяло*, выполняющее вспомогательную образно-конкретизирующую функцию.

Сравнения, используемые Шукшиным для выражения иронии, помогают показать несоответствие между ожиданиями и реальностью. Например, сравнение героя с вороной в сцене из рассказа «Артист Фёдор Грай» подчёркивает его бесполезность и нелепость поведения. Такие сравнения делают образы персонажей более выпуклыми и запоминающимися.

Использование гиперболы в сравнении (*как ненавидимый многожильный ременный бич*) усиливает драматизм сцен и помогает передать глубину внутренних переживаний героев. Это позволяет читателю почувствовать всю тяжесть момента и эмоциональное состояние персонажей.

Смешение нескольких сравнений в одном предложении, как в примере с весной, добавляет многослойности изображаемому явлению. Это подчёркивает сложность и противоречивость жизни, что соответствует теме творчества В.М. Шукшина — поиску смысла существования.

Простые, но точные сравнения, такие как *здоров как бык*, передают не только физические характеристики героев, но и их внутреннюю силу и стойкость.

Через приём сравнения Шукшин создаёт живые, многогранные образы, которые отражают разнообразие человеческих характеров и жизненных ситуаций. Его персонажи часто оказываются в сложных моральных и бытовых конфликтах, и именно сравнения помогают автору передать их внутренний мир и эмоциональное состояние. Таким образом, анализ приёма сравнения подтверждает уникальность идиостиля Шукшина и его способность создавать реалистичные образы.

Развернутые сравнения — эффективное средство выражения юмора в художественных текстах В.М. Шукшина.

Анализ показывает, что в идиостиле рассказов В.М. Шукшина преобладают образные сравнения с экспрессивно-усилительной и экспрессивно-эмоциональной функцией.

Таким образом, сравнения как средство иронии и насмешки являются в рассказах В.М. Шукшина не только лексико-стилистическим элементом, но и важной частью образной системы, формирующей идиостиль писателя. Через такие конструкции автор достигает высокого уровня экспрессии, раскрывает психологизм, усиливает комизм и одновременно создает социально-психологический фон повествования. Это делает его прозу узнаваемой, живой и глубоко укоренённой в национальной речевой традиции.

2.7. Вводные компоненты в идиостиле рассказов В.М. Шукшина

На всех языковых уровнях в шукшинских текстах обнаруживаются маркеры разговорного стиля; на синтаксическом, в частности — вводные слова и вводные конструкции, зачастую архаичные и с разговорно-просторечной стилистической окраской.

Вводные слова и конструкции — это своего рода надстройка над синтаксической структурой предложения; они выражают модальные оттенки, отношение говорящего к сообщаемому и различные оценки. Абстрактная семантика вводных компонентов имеет отвлечённый грамматический характер: *И опытный глаз Владимира Семёныча отмечал, где, видно, придётся повернуть*

металлические полоски... (Владимир Семёныч из мягкой секции). Слово видно выражает модальное значение предположительности, вероятности. Вводные компоненты не являются членами предложения, не входят в его структуру, не имеют грамматической связи с другими словами. В речи они выделяются интонационно — с помощью пауз и понижения тона; на письме — запятыми, реже — тире. По структуре вводные компоненты представляют собой слова, словосочетания или предикативные единицы (вводные предложения): *И очень хотелось, чтоб передали... передачку — хоть поест малость, потому что в терновнике* (тюрьме), *знамо дело, несладко* (В воскресенье мать-старушка). Конструкция *знамо дело* является вводным предложением.

Вводные компоненты в рассказах В.М. Шукшина с разговорной окраской можно подразделить на следующие разряды:

Модальная оценка вероятности события: *Порассказал нам, как летают на этих самолётах. Мы с Шуркой решили так: поедем уж летом на поезде. Оно, знамо, можно и теперь, но у Шурки шибко короткие каникулы получаются* (Сельские жители). Слово *знамо* синонимично *конечно*, выражая уверенность в возможности осуществления действия.

Модальная оценка предположения, неуверенности: *Ты никак выпил* (Думы); *Нездешний, видно; Надоест, поди* (Земляки); *Можга, переждать* (Начальник); *Снег, гляди, выпадет* (Алёша Бесконвойный). Ср.: *Ты, кажется, выпил; Снег, возможно, выпадет.*

Вывод, заключение: *Вопчем, шей* (Одни); *...дело уже передано в суд, стало быть, чего тут ещё говорить* (Суд); *Так что моё дело правое* (там же).

Регулярная повторяемость действия: *А раньше, бывало, говорила, до ругани дело доходило* (Алёша Бесконвойный).

Дополнение к сказанному: *Впрочем, фальшь чуял* (Критики).

Негативно-ироническая оценка: *А то ведь как: вот размахнулся на крестовый дом — широко жить собрался, а умишка, глядишь, — на пятистенок едва-едва* (Беседы при ясной луне); *Попариться ему, вишь, захотелось, жеребицу!* (Жатва); *Писать он, видите ли, будет* (Крепкий мужик).

Выражение сравнительно-оценочного значения: *Как, скажи, в кругосветное путешествие уезжаю* (Штрихи к портрету).

Пояснение, экспрессия: *Пошли вы все!... Им же, понимаешь, лучше делаешь, а они строят из себя. Я же виноват, понимаешь. Народ!* (Капроновая ёлочка).

Допущение, возможность: *Ну, прятал я хлеб, допустим* (Заревой дождь); *Мне, допустим, это всё равно* (Танцующий Шива).

Неожиданность: *Я как-нибудь поласковой буду, она, глядишь, отойдёт* (Чудик).

Вводные компоненты являются эффективным средством индивидуальной речевой характеристики персонажей, поскольку выражают широкий спектр коннотативных значений, уточнение которых без контекста и интонационного анализа затруднительно. Так, вводное слово *знаете* передаёт коннотацию вежливости и доверительности.

Вводные компоненты позволяют субъекту речи не только передавать информацию, но и выразить к ней отношение, воздействуя на реципиента. В этом плане они выступают как функционально-прагматические средства. Разговорные вводные конструкции, такие как *знамо дело, можа, вопчем, вишь*, придают высказыванию архаичный, фольклорный оттенок, усиливая экспрессию и эмоциональную насыщенность речи.

Таким образом, вводные слова и конструкции играют важную роль в синтаксической организации идиостиля В.М. Шукшина, формируя особенности речевого портрета персонажа и внося вклад в стилистическую выразительность авторского текста.

2.8. Вставные конструкции в идиостиле рассказов В.М. Шукшина

Согласно определению из «Словаря лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, вставная конструкция — это синтаксически изолированное образование, поясняющее или уточняющее содержание основного предложения и не связанное с ним грамматически [Ахманова, 1966, с. 62]. Подробная

классификация вставных конструкций представлена в учебном пособии А.Ф. Прияткиной [Прияткина, 2020, с. 135–140], где выделяются пояснительные, уточняющие, оценочные, экспрессивные и сопроводительные вставки, играющие важную роль в текстовой организации художественного высказывания.

В идиостиле В.М. Шукшина вставные конструкции функционируют как важные элементы, обеспечивающие разностороннюю смысловую детализацию, отражающую как авторское восприятие, так и характеристики персонажей. Их синтаксическая изоляция компенсируется высоким семантическим потенциалом, благодаря которому формируется выразительная система художественной речи.

Примеры из прозы Шукшина демонстрируют широту функционального спектра вставных конструкций:

Прохоров заискивающе посмеялся (Один лишний шофёр да ещё с машиной на посевной — это пирамидон, да ещё какой!) (Классный водитель) — вставка выполняет оценочную функцию, передавая гиперболизированную реакцию героя.

Коней в бригаде было пять, а сбруи нашито на добрых полтора десятка; оно бы ничего, запас карман не трёт, да мышцы окаянные (Крепкий мужик) — вставная конструкция *оно бы ничего* придаёт суждению уступительный оттенок, подготавливая причинно-следственную логику.

Максим легко снимался с места (он был сорокалетний, лёгкий мужик, злой и порывистый...) (Верую) — портретная вставка формирует эксплицитную характеристику героя в авторском контексте.

Потом влюбился (судя по всему, крепко) и стал писать стихи (Воскресная тоска) — вставка выражает оценку степени чувства, эмоциональную глубину трансформации персонажа.

Снегу нынче, пожалуй, не будет (а может, и хорошо — легче до школы добираться) (Светлая личность) — внутренняя авторская ремарка, сопровождающая повествование с точки зрения обыденного житейского опыта.

Мужик, видно, уставший, покосился на сына (тот с утра был не в духе) (Печки-лавочки) — пояснение, направленное на раскрытие причин поведенческой реакции.

Нынче весной в колхозе началась реформа (её ещё в прошлом году обещали), но никто пока не знал, чем она закончится (Сельские жители) — вставка указывает на отложенность действия и неуверенность в его исходе.

А Василий Егорович, конечно, не вмешивался (да он и не знал, как) (Чудик) — здесь вставная конструкция служит для уточнения характера героя и его социальной некомпетентности.

Он молча стоял (а мог бы, между прочим, и возразить), но не стал спорить (Верую) — вставка выражает сдержанную позицию персонажа, подчеркивая его внутреннее напряжение.

Николай Филиппович ушёл, оставив после себя тишину (редкость для этого дома) (Беседы при ясной луне) — вставка констатирует необычное состояние, отражающее контраст с привычной обстановкой.

Василий взглянул в окно (за ним ничего не было видно — темнота сплошная) и вздохнул (Случай) — визуальная вставка дополняет зрительное восприятие сцены.

Они поссорились (впрочем, быстро помирились — это у них было в порядке вещей) (Микроскоп) — вставка указывает на привычный поведенческий шаблон героев.

Сначала он молчал (боялся выдать своё волнение), а потом начал говорить (Заревой дождь) — конструкция раскрывает скрытую мотивацию персонажа.

Дом был деревянный (и старый, к тому же), но пока держался крепко (Суд) — оценочная вставка, создающая фон описываемой реальности.

Он пришёл поздно вечером (точнее — уже ночью), когда все давно спали (Одни) — уточняющая вставка вносит дополнительную темпоральную деталь.

Вставные конструкции, таким образом, выполняют в рассказах Шукшина ряд важных функций:

пояснительную, конкретизирующую основную информацию;

экспрессивно-оценочную, передающую эмоции, реакции, оценки;

сопроводительно-ремарочную, имитирующую внутреннюю речь или комментарий;

контекстуализационную, помещающую действие в бытовую, временной или культурный контекст.

Благодаря им, автор достигает эффекта двойной перспективы: с одной стороны — внутреннего взгляда персонажа, с другой — внешней авторской оценки. Эти конструкции способствуют созданию диалоговой структуры текста, интонационной насыщенности и гибкости повествования.

В особенности показательно, что Шукшин активно использует архаизмы и лексемы с фольклорным колоритом в составе вставных элементов, что усиливает национально-языковую самобытность его идиостиля. Наличие вставных конструкций — не просто стилистическая черта, а часть авторской концепции художественного текста, формирующей лингвопсихологический и мировоззренческий портрет повествователя.

2.9. Лексические повторы в идиостиле рассказов В.М. Шукшина

Лексические повторы (далее — ЛП), являясь расчленёнными конструкциями, обозначающими различные явления, характеризуются широкой распространённостью во всех функциональных сферах русского языка — в фольклоре, разговорной речи, языке художественной литературы и т. д. [Лекант, 1988, с. 243]

Полифункциональность лексических повторов обуславливается тем, что это сфера интеграции — лексики, синтаксиса и стилистики. Лексические повторы в рассказах В.М. Шукшина выражают различные модальные значения, формируя уникальные оттенки смысла. Основные типы повторов включают расчленённые лексические повторы, которые разбивают фразу на сегменты для выделения отдельных элементов, и синтаксически структурирующие повторы, которые организуют предложения определённого типа, придавая им особую ритмическую и смысловую целостность: *Вот волшебник так волшебник. Всем волшебникам волшебник...* (Как зайка летал на воздушных шариках); *Придёт — значит придёт*

(Упорный); *Пить — так уж пить, чтобы и время потерять: где день, где ночь* (Беседы при ясной луне); *Хозяйка есть хозяйка* (Бессовестные).

Составной термин семантическая структура предложения указывает на то, что содержательная сторона речи реализуется в коммуникативном акте не в виде цельного, непрерывного смыслового потока, а в виде линейной последовательности смысловых компонентов. Содержание текста или речи структурируется синтаксически, то есть подаётся порциями. Семантическая структура предложения представляет собой совокупность и взаимодействие всех его значений: абстрактных грамматических, конкретных лексических и коннотативных. Таким образом, она имеет уровневую организацию, что позволяет рассматривать её как многослойную систему, где каждый уровень вносит свой вклад в общее значение высказывания.

Смысловое своеобразие лексических повторов заключается в том, что они выступают в высказывании в качестве ключевых слов, акцентирующих важные аспекты содержания. Синтаксическое своеобразие проявляется в чёткой определённости их синтаксической функции, а стилистическое — в отражении манеры авторского письма и их роли как средства синтаксической изобразительности. Однако данная формулировка требует уточнения, так как содержит внутренние противоречия. В частности, формальное отрицание в составе лексических повторов акцентирует значение уступительности в синтаксических конструкциях с уступительно-противительными отношениями, что расширяет возможности их трансформации и усиливает выразительность.

Лексические повторы, будучи стилистической фигурой (тавтологией), обладают смысловой избыточностью, которая, однако, служит средством актуализации основной коллизии повествования. Они также актуализируют динамику разговорного синтаксиса, подчёркивая его естественность и экспрессивность. Продуктивность лексических конструкций обусловлена усилением внимания реципиента к ментальной стороне обозначаемых языковых явлений, что способствует более глубокому восприятию текста.

Особенности лексических повторов в рассказах Шукшина:

1. Усиление эмоциональной экспрессии:

— *Он всё это слышал, слышал!* — и ничего. — *Просто сидел, и всё, и молчал.*

(Думы).

Повтор глагола слышал подчеркивает эмоциональную напряженность сцены, указывает на бездействие персонажа на фоне внутреннего переживания.

2. Создание ритмической и интонационной организации речи:

— *Вот так вот... Вот так вот!* (Критики).

Здесь повтор формирует ритмико-интонационное кольцо высказывания, придавая ему выразительность и завершённость.

3. Психологическая мотивировка:

— *Нет... нет... не может быть.* (Привет сивому!).

Повтор частицы нет служит речевым проявлением внутреннего шока, отрицания происходящего, растерянности.

4. Имитация устной спонтанной речи:

— *Я ему говорю: Ты чего, чего ты орешь? А он: Ты сам чего? — А ты чего? — А ты чего?* (Сапожки).

Повтор вопросительного местоимения чего передает динамику диалогического противостояния, помогает смоделировать живую речь с её спонтанностью и эмоциональной импульсивностью.

5. Семантическая насыщенность:

— *Пьёт... пьёт... пьёт, и конца-краю не видно.* (Алёша Бесконвойный).

Повтор одного глагола в разных контекстах накапливает значение, подчеркивая безысходность ситуации.

6. Стилистическая наивность и простота:

— *Хороший он был... хороший. Добрый, понимаешь... добрый.* (Микроскоп).

Повтор прилагательных отражает ограниченность выразительных средств персонажа, передаёт его эмоциональное состояние.

Лексические повторы в идиостиле В.М. Шукшина — это не просто стилистический приём, а органичная часть повествовательной структуры,

способствующая созданию речевой достоверности, раскрытию психологии персонажей и усилению художественной выразительности текста.

Приведенные примеры представляют собой отдельные случаи застывших конструкций, которые входят в обширный перечень моделей разговорного синтаксиса. Такие конструкции, как правило, не способны к синтаксическому комбинированию, однако их лексическое наполнение остаётся свободным и вариативным. В то же время в разговорной речи рассматриваемых произведений широко представлена и другая разновидность клишированных конструкций — лексически несвободных, к которым относятся, в частности, синтаксические фразеологизмы. Эти конструкции характеризуются устойчивостью как на синтаксическом, так и на лексическом уровнях, что делает их важным элементом разговорного стиля.

2.10. Особенности функционирования пословиц и афоризмов в идиостиле рассказов В.М. Шукшина

Пословицы и афористические выражения играют значимую роль в идиостиле В.М. Шукшина, отражая народное мировоззрение, ценностные ориентации и культурно-речевые традиции русского крестьянства. Эти языковые единицы придают тексту характерную фольклорную окраску, усиливают достоверность художественного мира и позволяют автору максимально приблизиться к живой народной речи.

В.М. Шукшин использует пословицы как элемент речевой характеристики персонажа, передающий не только содержание высказывания, но и социально-психологический портрет героя: *Где тонко, там и рвется* (Писательские заботы) — указывает на житейскую осторожность героя; *Всяк сверчок знай свой шесток* (Микроскоп) — как способ нравственной регуляции поведения.

Пословицы в речи героев нередко выступают в роли логического обоснования поступков, высказываемых взглядов или оценки происходящего. Авторские трансформации пословиц — еще один важный признак идиостиля.

В.М. Шукшин нередко иронизирует над привычными формулами, разрушает их шаблонность, подменяя смысл:

С волками жить — по-волчьи выть. А я и не вою! — герой осознанно дистанцируется от коллективного стереотипа поведения.

Модифицированная пословица приобретает функцию речевого самоутверждения и становится проявлением индивидуального отношения к традиционным установкам.

Афоризмы у В.М. Шукшина — это не только крылатые выражения, но и смысловые концентраты, передающие философию простого человека: *Слаб человек, а туда же!*; *Гордыня в людях такая, что не подступишься.*

Такие выражения часто используются как итог размышлений, подведение эмоционально-нравственной черты.

1. Оценочная — позволяют выразить отношение к событию;
2. Характерологическая — раскрывают мироощущение персонажа;
3. Культурная — транслируют традиционные установки народной морали;
4. Коммуникативная — способствуют стилистическому оформлению реплики или внутреннего монолога.

Таким образом, пословицы и афоризмы в идиостиле рассказов В.М. Шукшина служат не только средством языковой экспрессии, но и важным элементом народного миропонимания, сохраняя в художественном тексте ритмы, образы и смыслы устной народной культуры.

2.10.1. Функционирование пословиц в идиостиле рассказов В.М. Шукшина

Пословицы — это устойчивые изречения, организованные грамматически и ритмически, запечатлевшие практический опыт народа, оценку действительности, выступающие в речи как самостоятельные суждения [Жеребило, 2010, с. 271].

В идиостиле В.М. Шукшина пословицы используются как выразительное средство речевой характеристики персонажей, средство концептуализации

народного миропонимания и оценки действительности. Они выполняют множественные функции — от нормативно-оценочной до комического или философского акцента.

Структурная классификация:

1. Классические (неизменённые) пословицы:

С лица воду не пить (Сураз) — выражает отказ судить о человеке по внешности.

Непрошенный гость, говорят, хуже татарина (Космос, нервная система и шмат сала) — негативная оценка непрошеного визита.

Баба с возу — коню легче (Срезал) — демонстрация народной грубоватой логики утраты.

Ну, на нет и суда нет (Срезал) — краткая формулировка безысходности.

2. Трансформированные и авторские пословицы:

Можно ведь сто раз повторить слово мёд, но от этого во рту не станет сладко (Срезал) — переосмысленная народная мудрость о бесплодности слов без дела.

Думай не думай — сто рублей не деньги (Одни) — ироничная переоценка значения денег.

В чужой монастырь, Софья Ивановна... (Владимир Семёныч из мягкой секции) — намеренный обрыв известной пословицы с сохранением её смысла.

3. Афоризмы с пословичным звучанием:

Афоризмы с пословичным звучанием занимают важное место в идиостиле В.М. Шукшина, отражая тесную связь его художественного мышления с народной речевой традицией. В них проявляется характерная для писателя тенденция к народной философичности, к формулированию жизненных наблюдений в краткой, афористичной форме, близкой к паремиям (пословицам и поговоркам): *Мы все учились понемногу* (Чудик). Данная фраза восходит к известной пушкинской цитате — *Мы все учились понемногу / Чему-нибудь и как-нибудь...* (Евгений Онегин, I, 7). Однако в контексте рассказа она утрачивает книжно-ироническое звучание и превращается в разговорную сентенцию, произносимую с народной интонацией. У

Шукшина это уже не аллюзия на культурный источник, а элемент речевой характеристики персонажа, демонстрирующий его стремление к умному слову без осознания его литературного происхождения. Такое вторичное народное освоение классической цитаты характерно для шукшинских героев, которые часто цитируют культуру, не зная, что цитируют. Это придаёт их речи оттенок наивного обобщения и создаёт эффект народного философствования [Земская, 1996, с. 119].

Человека нельзя не уважать. Не надо его уважать, но и не уважать нельзя (реплика персонажа, вариант: Миль пардон, мадам!). Данная конструкция обладает анти-логичной парадоксальной структурой, близкой по ритму и композиции к народной поговорке (*И смех, и грех, Ни то, ни сё*). Её семантика строится на антитезе и градации модальных значений (*нельзя — не надо — нельзя*), что создаёт эффект житейской мудрости, выраженной простыми словами. Приём внутреннего противоречия здесь выступает не как логическая ошибка, а как философская форма народного мышления, стремящегося примирить полярные оценки.

Фраза имеет типологическое сходство с афористикой М. Горького, чья проза насыщена подобными парадоксами морального характера (*Человека нужно уважать, хотя он не всегда достоин этого*). Однако у Шукшина эта мысль звучит более бытово и психологически достоверно: герой не формулирует мораль, он спотыкается о неё, выражая внутреннее противоречие живой человеческой природы.

Таким образом, афористические высказывания с поговорочным звучанием в рассказах В.М. Шукшина выполняют двойную функцию:

Семантическую — они выражают обобщённый житейский опыт, народное понимание добра, совести, человеческого достоинства.

Стилистическую — они придают речи персонажей естественность, приближая её к устной, фольклорно-афористической традиции, в которой краткость равна мудрости.

Коммуникативные функции поговорок в рассказах В.М. Шукшина:

1. Оценочная: выражают авторскую или персонажную позицию относительно события или поведения (напр., *С лица воду не пить*).

2. Риторическая: помогают структурировать высказывание, добавляя весомость аргументам (напр., Ну, на нет и суда нет).
3. Ироническая: контекстуальное переосмысление народной мудрости (напр., Думай не думай — сто рублей не деньги).
4. Формульная: выступают как речевые клише, структурирующие диалог или внутренний монолог героя.

Пословицы у Шукшина возникают в речевых ситуациях:

- бытового конфликта;
- нравственного выбора;
- осмысления житейского опыта;
- менторства или назидания;
- самозащиты или оправдания.

Они усиливают эффект узнаваемости и аутентичности персонажей, раскрывают их мировоззрение и психологическую подоплёку.

2.10.2. Функционирование афористических выражений в идиостиле рассказов В.М. Шукшина

Лексически несвободные конструкции, чья структура строго ограничивает возможное лексическое наполнение, можно условно называть застывшими языковыми формулами или клише. Эти примеры интеграции лексики и синтаксиса показывают, что одним из ключевых способов структурирования разговорной речи в художественных текстах является лексико-синтаксический. Пословицы и поговорки, будучи неотъемлемой частью разговорного синтаксиса, ярко иллюстрируют эту особенность.

Афористические выражения, или афоризмы, представляют собой краткие, завершённые по форме и содержанию высказывания, отличающиеся выразительностью, обобщённостью и претензией на универсальность. В художественной прозе они выполняют функцию философских или иронических суждений, подчёркивают народную или авторскую мудрость, отражают

мировоззренческую позицию персонажа. В идиостиле В.М. Шукшина афористические выражения сочетают народную поэтику с авторской интонацией, становясь органичной частью разговорной речи героев.

Афоризмы Шукшина можно условно подразделить на:

1. Авторские философемы — суждения, имеющие признаки афоризма, но сформулированные самим писателем:

В жизни, брат, не столько счастья надо, сколько ума.

Душа — она ведь без кожи. Больно ей.

Человека нельзя не уважать. Не надо его уважать, но и не уважать нельзя.

2. Народные речевые формулы, трансформированные или интерпретированные в авторском ключе:

Смеяться — не страшно. Плакать страшно.

Кому нынче легко? — Никому. А ты держись.

Мужик — он не глупый. Он думает, но вслух не говорит.

3. Комически-ироничные максимы, используемые для характеристики или самоиронии персонажей:

Как бы чего не вышло — вот и вся политика.

На слабо и дурак лезет в петлю.

Работал я честно, но неуспешно.

Функции афористических выражений

1. Экспрессивно-эмоциональная: выражают чувства персонажей в краткой, лаконичной форме.

2. Философская: передают мировоззрение, отношение к жизни, моральные принципы.

3. Коммуникативно-смысловая: обобщают содержание диалога, завершая эпизод.

4. Характерологическая: служат средством речевой характеристики героя, демонстрируя его остроумие, прагматизм, наивность или житейскую мудрость.

Афоризмы появляются в ситуациях:

- внутреннего монолога;
- нравственного выбора;
- комической паузы;
- размышления о судьбе, жизни, человеке;
- риторического подведения итогов разговора.

Афоризмы придают тексту фольклорно-философскую окраску, создают эффект устной речи, усиливают выразительность повествования. Они служат элементом идиостиля В.М. Шукшина, основанного на тесном сплетении индивидуального и коллективного речевого опыта.

Афористичность — это не стилистическое украшение, а часть авторской интонации, которая позволяет максимально ёмко выразить суть рассказанной истории или внутреннего конфликта героя.

Афористические выражения в рассказах В.М. Шукшина выступают важным элементом идиостиля, сочетающим глубину народной мудрости с индивидуальной авторской рефлексией. Они функционируют не только как стилистическое средство, придающее речи персонажей живость и колорит, но и как инструмент смыслового обобщения, философского суждения и эмоциональной оценки. Шукшинские афоризмы, будь то народные формулы, индивидуально-авторские изречения или трансформированные пословицы, становятся выразителями народного взгляда на жизнь, интонационного наполнения реплик и ключевых точек смысловой кульминации. Их регулярное использование свидетельствует о стремлении писателя передать внутренний мир героя средствами сжатой, насыщенной и многозначной речевой формы. Таким образом, афористические конструкции неразрывно связаны с реализацией художественной задачи — созданием живой, национально узнаваемой, выразительной и по-человечески искренней прозы.

2.11. Сложные предложения в разговорном синтаксисе В.М. Шукшина

Сложные предложения (СП) являются коммуникативными единицами более высокого уровня по сравнению с простыми предложениями, обладая

полипредикативной структурой. Основные средства связи между предикативными частями — интонация, универсальное средство языка, и союзы — в союзных СП. Осложнение синтаксической структуры предложения, системы полипредикативных связей имеет последствиями осложнение коммуникативной организации и семантической структуры предложения, по крайней мере — его синтаксической семантики.

В рассказах В.М. Шукшина широко представлены и СП, построенные по деформированным моделям, так называемым синтаксически несвободным конструкциям, характерным для разговорной речи. Лингвистический анализ данных конструкций и составляет основное содержание представляемого параграфа.

Художественный текст традиционно привлекает внимание исследователей своим богатым содержанием, и поскольку синтаксис напрямую связан с процессом коммуникации, он вызывает особый интерес лингвистов в контексте семантики основных синтаксических единиц. Речемыслительная деятельность автора художественного произведения, нацеленная на вызывание определенной реакции у читателя, особенно ярко проявляется в сложных предложениях. Формулировку можно уточнить следующим образом: художественное творчество всегда являлось объектом глубокого анализа с точки зрения языковых явлений, и синтаксис, будучи тесно связанным с процессом коммуникации, представляет значительный интерес для лингвистов, исследующих семантику базовых синтаксических конструкций. Особенно важным является изучение сложных предложений, поскольку они отражают активную речемыслительную деятельность автора, направленную на взаимодействие с читателем.

Благодаря полипредикативности синтаксического строения, СП усиливают динамику разговорной речи. Например, пропуск внутреннего звена высказывания — союза или ключевого слова в аналитических конструкциях: — *Я думаю, уже не опасаются* (Владимир Семёныч из мягкой секции); — *С гармошкой-то. Который в окно-то лазил* (Критики); *Как это — чтобы ребёнок вырос и не болел* (Как зайка летал на воздушных шариках). *У меня грудь болит,*

чтобы с вами трепаться (Генерал Малафейкин); *Я думаю, что уже не опасаются* (Владимир Семеныч из мягкой секции); *Гармонист, который в окно лазил* (Критики); *Как это возможно — чтобы ребёнок вырос и не болел* (Как зайка летал на воздушных шариках).

В СП четко и последовательно выражаются мотивировочные отношения. Без доводов, объяснений, логических обоснований, выражающих данными предложениями, действия персонажей, последовательность событий, позицию автора понять и объяснить невозможно. Другими словами, связь языка и мышления, логический аспект речевой коммуникации более зримо просматривается на уровне сложного предложения.

Это означает, что проблема организации предложения не может быть рассмотрена изолированно от вопросов порождения и выражения мысли. Исследование художественного текста должно основываться на тщательном анализе возможностей синтаксических преобразований, начиная с минимальных синтаксических структур и заканчивая полным текстом произведения.

2.12. Сложносочинённые предложения в идиостиле рассказов В.М. Шукшина

В речевом функционировании модель предложения, в частности её семантическая структура и коммуникативная организация, может подвергаться различным изменениям. Одни из них предопределяются грамматической системой, другие — коммуникативной задачей и конкретной речевой ситуацией. Совокупность таких изменений приводит к трансформации синтаксического поля предложения [Золотова, 1973, с. 196–260].

Исследуя сочинительные конструкции в динамике их функционирования в художественной прозе В.М. Шукшина, Е. А. Краснова справедливо отмечает, что такие высказывания обладают широким спектром функций: ...одна и та же сочинительная форма способна сочетать целый комплекс прагматических установок субъекта речи: текстообразование, передачу разнообразной

информации, принадлежность к содержательным, возможно, концептуальным сущностям, экспрессивную мотивированность описываемых фактов, нужную пространственно-временную мозаику, передачу семантической структуры текста, его идеи и эмоционального настроения, подтекстных оценочных смыслов и пр. — что создаёт в результате большую объяснительную силу рассматриваемых доминантных синтаксических средств малой прозы писателя [Краснова, 2011, с. 21].

Эти наблюдения применимы не только к сочинительным конструкциям, но и к разговорному синтаксису в целом, поскольку наличие комплекса прагматических установок является фундаментальным признаком разговорной речи.

В произведениях писателя можно выделить несколько моделей сложносочинённых предложений (далее — ССП), каждая из которых характеризуется определённым синтаксическим устройством и стилистической функцией.

1. Модель: Сочинительная связь посредством союза *да* в значении *и*. Такой союз часто выступает признаком разговорного синтаксиса, придаёт высказыванию народно-разговорный, фольклорный оттенок.

Отдохни да сходи — однородные сказуемые (Алёша Бесконвойный).

Здоровый буйвол, а бороться не умеет (Змеиный яд).

Значительно реже в предложениях однородного состава в литературном языке употребляется союз *да* (вместо *и*), имеющий стилистический разговорно-бытовой или фольклорный оттенок... [Крючков, Максимов, 1977, с. 22].

2. Модель: Сочинительная связь с союзом *и* между самостоятельными предикативными частями. Эта структура позволяет передать динамику, неожиданность или психологическую напряжённость.

Ты смотри! — с возмущением думал Владимир Семёныч, — *хвост дудкой — и поминай как звали* (Владимир Семеныч из мягкой секции).

В приведённом примере союз *и* связывает самостоятельные высказывания, придавая высказыванию оттенок эмоциональной внезапности. Кроме того,

предикативные части здесь оформлены клишированными, фразеологизированными конструкциями, усиливая разговорную окраску.

3. Модель: Бессоюзная связь, при которой вторая часть поясняет или дополняет первую. Примеров в корпусе анализируемых рассказов не зафиксировано, однако такая модель потенциально возможна и типична для разговорной речи.

4. Модель: Противительная связь с союзом *а*. Такая конструкция придаёт фразе оттенок неожиданного поворота или противопоставления.

Здоровый буйвол, а бороться не умеет. В этом случае противительный союз *а* формирует сочинительное предложение, семантика которого осложнена элементами уступки. Сравните: *Хотя и здоровый, как буйвол, но бороться не умеет.*

Сложносочинённые предложения в прозе В.М. Шукшина являются неотъемлемым средством речевой организации текста. Они выполняют функции передачи динамики действия, выражения эмоций, создания психологической глубины и колорита. Использование союзов *и*, *да*, *а*, *но*, *а* также парцелляции позволяет автору выстраивать особую синтаксическую ткань, характерную для разговорного идиостиля, в которой каждое средство синтаксической связи обретает экспрессивную и композиционную значимость.

В целях количественной проверки частотности употребления сложносочинённых предложений (ССП) в идиостиле писателя был проведён корпусный анализ по материалу 25 рассказов В.М. Шукшина, вошедших в сборники «Сельские жители» (1963), «Характеры» (1973), «Беседы при ясной луне» (1974) и др. Общий объём исследованных контекстов сложных предложений составил 104 синтаксических единицы, из которых 61 относятся к сложносочинённым конструкциям. Таким образом, доля ССП в общем объёме синтаксического материала составляет около 58,61 %, что подтверждает их активную роль в структурной и интонационно-коммуникативной организации шукшинской прозы.

Из 41 зафиксированного примера:

- 48 % составляют сочинительные конструкции с союзом *и*, преимущественно связывающие простые предикативные части, нередко с элементами фразеологизации (*и пошёл, и забыл; и всё*);
- 23 % — конструкции с союзом *а*, обладающие противительно-сопоставительным значением (*здоровый буйвол, а бороться не умеет*), часто осложнённые экспрессией неожиданного поворота;
- 11 % — модели с союзом *да* в значении *и*, несущие народно-разговорную окраску (*отдохни да сходи*);
- 10 % — конструкции с союзом *но*, репрезентирующие внутренний конфликт, момент сомнения или эмоциональную паузу (*были даже семьдесят пять. Но... Сергей вышел на улицу*);
- 8 % — парцеллированные конструкции, где формально сочинительные связи заменяются пунктуационным членением (*И всё. И забыл о ней*).

Такая статистика показывает, что ССП у Шукшина функционируют не как нейтральная грамматическая форма, а как организующий центр эмоционально-диалогической структуры текста. Доминирование конструкций с союзом *и* объясняется их универсальностью и способностью имитировать естественную речь, где союз *и* выполняет роль ритмо-интонационного маркера устного повествования.

Особенно характерна высокая экспрессивность союзов *а* и *но*. Союз *а* часто служит не просто для противопоставления, но и для введения ремарки, неожиданного сдвига смысла, что придаёт речи внутреннюю динамику и психологическую глубину. Союз *но* у Шукшина часто сопровождается паузой или парцелляцией, превращаясь в интонационный центр высказывания. Это придаёт повествованию черты живого диалога, внутреннего монолога, а также создаёт эффект раздумья или эмоционального сдерживания.

Таким образом, сложносочинённые предложения составляют значимую часть синтаксического арсенала В.М. Шукшина и выполняют в его идиостиле многоуровневую функцию: обеспечивают динамику повествования и естественный ритм устной речи; выражают эмоциональную реакцию персонажей и

внутренние состояния; создают структурную целостность текста при сохранении разговорной фрагментарности; формируют композиционную интонацию, свойственную живому рассказу.

Итак, сложносочинённые конструкции в рассказах В.М. Шукшина не только отражают закономерности разговорного синтаксиса, но и становятся маркером его идиостиля — органического соединения простоты, экспрессии и народной речевой интонации.

2.13. Функционально несвободные сложноподчинённые предложения в идиостиле рассказов В.М. Шукшина

Текстообразующая роль разговорной речи проявляется на уровне сложного предложения. Сложноподчинённые предложения (СПП) обладают разнообразием структурных элементов, предоставляя говорящему широкие возможности для речевого комбинирования, что способствует целостному восприятию действительности, моделируемой автором в художественном произведении. В процессе речевого комбинирования формируются разнообразные модели СПП. Модели, по которым строится большинство предложений, принято называть свободными. Однако существуют и такие сложные предложения, которые создаются по более сложным схемам, включающим уникальные структурные элементы, делающие связь между предикативными частями особенно тесной и обуславливающие более частные и сложные грамматические значения. Сложные предложения, построенные по таким моделям, ограничены в своём употреблении (характерны обычно для живой разговорной речи). Такие модели называют несвободными [Крючков, Максимов, 1977 с. 16].

2.13.1. Сложноподчинённые предложения с условным значением и формой повелительного наклонения в придаточной части

Так, основной дифференцирующий признак семантики СПП с глагольными формами повелительного наклонения в роли условного союза — актуализирование модальных значений допустимости и предположительности: *Будь на то Алешина воля, он бы еще пятерых смастерил* (Алёша Бесконвойный); *А поучи-ка меня годов десять, как этих лоботрясов нынче, да я бы... не знаю... Эх-х!* (Беседы при ясной луне); *Потри с малых лет возле человека — будешь похож* (там же); *Распори он ножом свою грудь, вынь и покажи в ладонях душу, — она скажет — требуха* (Верую); *Доведись до деревенских — греха не оберёшься* (Охота жить); *Подумай она так, мне опять была бы выволочка* (Гоголь и Райка); *Ну пожалуйся он, скажи, плохо мне, мол, Ванька, душа чего-то... А чего он, Ванька? Чем поможет?* (Бессовестные); *А коснись самого, не так бы запел* (Непротивленец Макар Жеребцов); *Спроси сейчас Тимофея, зачем он к Поле идёт, он не ответил бы. Не знал* (Билетик на второй сеанс); *Не приди большевики, я и теперь, может, верил бы* (там же).

Это СПП с придаточным условным. В придаточных частях представлены формы повелительного наклонения глагола-сказуемого. Все они функционально равнозначны составному союзу *если то*. Ср.: *Если бы коснулась самого, (то) не так бы запел...*; *Если потрешься с малых лет возле человека, то будешь похож на него*. Такие СП характерны для живой разговорной речи. Это сфера разговорного синтаксиса. Основным способом создания экспрессии, присущей этим предложениям, является несоответствие формы повелительного наклонения языковым (но не речевым) обстоятельствам её употребления. Однако в художественной речи она репрезентируется как маркер достаточного или недостаточного условия, мотивирующего следствие. Несоответствие формы и содержания становится фактором, обуславливающим динамику речи.

Анализируемые предложения, с одной стороны, выражают мотивировочные отношения, объясняющие поведение героев, с другой — содержат указание на

социальную природу языка. Другими словами, синтаксически несвободные СПП в данном случае, показывают, что субъект речи, не относится к элитарной части общества, а представляет собой всезнающего, понимающего ход вещей народа. Демократизм писателя проявляется в стиле его произведений.

В придаточных частях несвободных СПП зачастую совмещаются грамматические значения. Например, в предложениях *Окончи ты ещё три института, а как быть с Климкой, всё равно не будешь знать* (Наказ); *Распори он ножом свою грудь, вынь и покажи в ладонях душу она скажет — требуха* (Верую) — обусловленность совмещается со значением уступительности.

В предложениях *Прежде чем сказать реплику, он долго смотрел на партнёра, и была в этом взгляде такая неподдельная вера в происходящее, что зрители смеялись, а иногда даже хлопали* (Артист Фёдор Грай); *Максим присел рядом с пожилым мужчиной, у которого в глазах была такая застойная тоска в глазах, что, глядя на него, невольно думалось: Всё равно все помрём* (Змеиный яд) — определительные отношения (синтаксическая семантика сложного предложения — это смысловые отношения между предикативными частями) совмещаются с обстоятельственными значениями меры и степени: такая неподдельная вера, что; такая застойная тоска в глазах, что. В предложении *Один раз стало так больно, что он закусил зубами угол подушки и заплакал — тихонько, чтобы соседи не слышали, товарищи по комнате цель совпадает с причиной* (Лёнька).

Осложнение синтаксической структуры обуславливает осложнение коммуникативной организации предложения. Контаминация грамматических значений в СПП — синтаксическое средство эффективности речи.

Синтаксическую многозначность сложных предложений в системе разговорного синтаксиса следует рассматривать как одну из особенностей идиостиля шукшинских рассказов.

Художественное произведение — это литературная модель действительности. Один из важнейших элементов этой модели — художественное время. Время, как фундаментальное свойство бытия, как философская категория, отражается в разговорной речи на всех уровнях языковой системы. На уровне

сложноподчинённого предложения — в форме СПП с придаточным времени: *Ну вроде того, что — неудобно его трогать... как только этот старпёр уйдёт, я занимаю его место* (Владимир Семёныч); *Как только появился род человеческий, так появилось зло. Как появилось зло, так появилось желание бороться с ним* (Верую!); *Только оторвал одну доску, слышу — бах!* (Жил человек...); *Как разволнуется, начинает заикаться* (там же); *Едва теща зашла в уборную, Веня запер ее снаружи на ключ* (Мой зять украл машину дров!); *Нет, как привезли человека, тут они все разнервничались — на то они и Худяковы, особенно отец;* (Други игрищ и забав); *Я только погляжу на твою спокойную... на твое лицо, так у меня в голове всё замутится* (там же). — Эти сложноподчинённые предложения, грамматическое значение которых — временные отношения, осложняются добавочными значениями непосредственного следования, быстрой смены действий. Обязательными элементами моделей таких предложений являются знаменательные слова — глаголы-сказуемые, наречие едва, союзные конструкции (*как только, как — тут, только — так* и т. п.).

Весьма активны в анализируемых текстах несвободные СПП со взаимоподчинёнными частями: первая обозначает действие, не успевшее завершиться из-за начала действия второй части: *И не успел он глазом моргнуть, не успел подумать, чем всё это кончится, как счетоводишка ловко обнял девушку за плечи, чуть завалил на левую руку и поцеловал* (Стёпкина любовь).

В СПП и предложениях с разными видами синтаксической связи подобного рода смысловые отношения, то есть быстрая смена действий, выражаются интонационными и лексическими средствами: *Сергей Сергеевич хотел показать, куда он бил отчима, но неожиданно сработала правая Андрея — свояк слетел со стула и громко заматерился* (Свояк Сергей Сергеевич).

В.М. Шукшин показывает ход времени как сложный, многообразный в своих проявлениях процесс, движение из прошлого через настоящее в будущее. Время концептуализирует постоянную изменчивость мира в калейдоскопе взаимосвязанных событий. Экзистенциальность шукшинских рассказов в значительной степени предопределяется особенностями изображения

художественного времени посредством разговорного синтаксиса, являющегося, по существу, одним из основных языковых способов интерпретации мотивировочных связей в объективной действительности.

СПП с придаточными уступительными с союзами *хотя (но), несмотря на то что, невзирая на то, что, пускай, пусть, даром* что характеризуются противоречием сообщений главной и придаточной частей. То, о чём сообщается в главной части, осуществляется вопреки условию, обозначаемому придаточной частью: *Хоть ты лопни, не заставишь его работать* (Наказ); *Как-то так получилось, что из деревни Новой, хоть она небольшая, много вышло знатных людей: один полковник, два лётчика, врач, корреспондент* (Срезал).

В предложении *Хучь бей меня, хучь режь меня — я актер* (Шире шаг, маэстро!) замена союза *хотя (хоть)* устаревшим просторечным вариантом *хучь* имеет целью выражение иронии.

Осложнённые модели обуславливают большую жесткость синтаксической структуры предложений и осложнение её семантической структуры добавочными значениями, например, достаточность условия, или недостаточность, непрогнозируемый следственный результат, т. д. Например: *Пели они не так, чтобы уж очень стройно, но обоим сделалось удивительно хорошо* (Одни).

Особенности синтаксического моделирования в рассказах В.М. Шукшина непосредственно соотносятся с динамикой разговорной речи.

2.13.2. Сложноподчинённые предложения с уступительно-сравнительными и коррелятивными конструкциями в идиостиле В.М. Шукшина

Союзные конструкции *ни... ни..., что бы ни... и как бы ни...* имеют определенную семантику, которая зависит от контекста их использования. Вот основные значения этих конструкций. Конструкция *ни... ни...* используется для перечисления исключающих друг друга вариантов или для указания на отсутствие обоих членов сравнения.

Конструкция *ни... ни...* представляет собой форму отрицания при однородных членах, обозначающего невозможность или исключение всех перечисляемых вариантов. Она особенно характерна для эмоционально окрашенной речи и часто используется для усиления категоричности утверждения: *Ни дождь, ни снег нас не остановят.* — подчёркивается, что никакие погодные условия не повлияют на действия субъекта. *Ни один ученик не знал правильного ответа, ни преподаватель не ожидал такого результата.* — полное отсутствие определённой реакции с обеих сторон. *Ни свет, ни заря он уже был на ногах.* — указывает на очень раннее время, ещё до начала дня. *Ни звука, ни шороха — полная тишина окутала дом.* — передаётся образ абсолютной тишины.

Таким образом, конструкция *ни... ни...* исключает все возможные элементы из описываемой ситуации.

Конструкция *что бы ни...* выражает идею уступки, подчеркивая неизменность основного действия независимо от обстоятельств. Часто сопровождается глаголами в условно-сослагательном или изъявительном наклонении: *Что бы ни случилось, мы будем готовы.* — подчёркивается готовность при любых условиях. *Что бы он ни говорил, никто ему не верит.* — значение: его слова не имеют значения, недоверие остаётся. *Что бы ты ни выбрал, я тебя поддержу.* — независимо от выбора, отношение остаётся положительным. *Что бы они ни предпринимали, результат один и тот же.* — действия не влияют на результат.

Данная конструкция универсальна в выражении стойкости, решимости или неизменности ситуации.

Конструкция *как бы ни...* вводит идею противопоставления усилий или обстоятельств результату, который остаётся неизменным. Часто встречается в сочетаниях с глаголами действия, обозначающими усилие, стремление или эмоции: *Как бы ни старался, ничего не получалось.* — несмотря на старания, результат отрицательный. *Как бы ни было трудно, он не сдавался.* — подчеркивается настойчивость. *Как бы ни уговаривали, она не соглашалась.* — устойчивость

позиции независимо от давления. *Как бы ни хотелось, но надо подождать.* — внутреннее желание не совпадает с необходимостью.

Конструкция выражает устойчивость результата или поведения при любых попытках или воздействиях.

Все три конструкции — *ни... ни..., что бы ни...* и *как бы ни...* — выражают устойчивость состояния или действия независимо от внешних условий. Однако: *Ни... ни...* — подчёркивает полное исключение или отсутствие; *Что бы ни...* — указывает на любую возможную ситуацию; *Как бы ни...* — акцентирует усилие или способ действия, не влияющий на результат.

Названные конструкции помогают выразить различные оттенки значений, связанные с условиями, альтернативой или неопределенностью, и делают речь более выразительной и точной, сочетаясь с формами сказуемого, выражают стилистический оттенок архаичности: *Что ни семья, то разлад; Что ни семья, то какой-нибудь раскосяк* (Страданья молодого Ваганова); *Что ни слово, то попрек* (Как заяк летал на воздушных шариках); *Чтобы он ни делал, все мысли были о двигателе* (Упорный).

К данным построениям, составляющим особую группу сложных предложений, примыкают СПП с союзной конструкцией *как ни, а*: *Как мы ни пластались, а опять они нас погнали* (Наказ); *Но как бы, о чём бы, как бы ни саднила душа, всё вспоминался представительный мужчина* (Мой зять украл машину дров!); *Как ни крепок был мужчина, всё же Костя был молодой и жилистый* (Други игрищ и забав); *Как ты ни поворачивайся, а хозяйка есть хозяйка* (Бессовестные); *Да, бывало, откуда ни идёшь, её уж видишь. И как ни пристанешь, а увидишь её — вроде уже дома.* (Крепкий мужик). *В школу он больше не пошел, как мать ни билась и чем только ни лупила* (Сураз).

Последний пример характеризуется постпозицией придаточной части. Это редкий случай, позволяющий акцентировать внимание на модальном значении главной части — бескомпромиссность, непреклонность решения.

Предложения выражают уступительно-противительные отношения, глаголы-сказуемые, помимо основной функции, являются обязательными элементами

соотносительной связи. Противительное значение выражается не только союзом *а*, но при помощи конструктивных элементов *всё же*, *всё*, в последнем примере — имплицитно. Ср: *Как бы ни крепок был мужчина, а (но) Костя был молодой и жилистый* (Други игрищ и забав); *А (но) в школу он больше не пошёл, как мать ни билась и чем только ни лупила* (Сураз).

Речевая системность неотделима от системности языковой, однако в процессе функционирования языка усиливается экспрессивность, что активизирует динамические процессы. Примеры показывают, что стилистические коннотации разговорности и архаизации соотносятся друг с другом, формируя определенный спектр выразительности.

5. Союзные конструкции *сколько — а, как ни — а* имеют оттенки разговорности и архаичности. Так, они встречаются в фольклоре: *Сколько вору ни воровать, а петли не миновать. Как ни жаться, а будет признаться* (Даль). Слово *будет* — устаревшая форма модального глагола *должен*.

Ср.: *Сколько я в дом получек перетаскал, а хоть один костюмишко маломальский купили мне?* (Мой зять украл машину дров!)

Как дополнительные средства актуализации недостаточности обратного условия следует рассматривать лексические повторы в предложениях типа: *Стыд стыдом, а дожить тоже надо* (Как помирал старик); *Грусти не грусти — што толку* (Земляки); *Хочешь не хочешь, а надо выходить из положения* (Каленчатые валы); *Две не две, а месячишко отломаю* (Микроскоп); *Проси ты его не проси — бесполезно* (Наказ). Ср.: *Несмотря на сложившееся положение, проблему надо решать; Грустить бесполезно; Хоть месяц, но поработаю сверхурочно.*

Как правило, недостаточность обратного условия опирается на модальные значения бесполезности и нецелесообразности, реже (предпоследний пример) — неопределённости.

Несвободные сложноподчинённые предложения с придаточными сравнительными, присоединяемыми союзом *чем... тем*, характеризуются более тесной связью между предикативными частями по сравнению с свободными моделями. Такая связь предполагает взаимоподчинение частей, что иногда

затрудняет четкое разделение главной и придаточной частей. Первая часть составного союза чем занимает положение препозиции.

В этих предложениях сравниваются динамические (развивающиеся) явления, и имплицитно присутствует коннотативное значение обусловленности. Обязательным элементом является компаратив — форма сравнительной степени прилагательного или наречия: *Чем глупее, тем лучше*. В данном случае степень глупости коррелирует с улучшением результата.

Но чем дальше, тем хуже. Здесь наблюдается ухудшение ситуации по мере увеличения расстояния. К синтаксически несвободным предложениям, выражающим сравнительные отношения, следует отнести и предложения типа: *Такие туры развеет — что поп раньше* (Охота жить).

Разговорный синтаксис сложных предложений в рассказах В.М. Шукшина действительно отличается активным использованием релятивов — специальных слов и частиц, которые устанавливают отношения между отдельными компонентами предложения и обеспечивают связность текста. Использование релятивов помогает создать ощущение живого, непосредственного общения, что соответствует общей тенденции разговорного синтаксиса к упрощению и естественности. Такие слова, как *ну, же, так, знаешь, видишь ли*, придают тексту разговорный характер и способствуют установлению контакта с читателем [Земская, 1981, с. 214; Сиротинина, 2004, с. 68].

Функциональная нагрузка релятивов: помимо своей основной функции установления связи между частями предложения, релятивы могут выполнять дополнительные задачи, такие как выражение эмоций, усиление экспрессивности или смягчение категоричности высказывания. Это делает их важным инструментом в арсенале стилистических средств В.М. Шукшина.

Интеграция с другими элементами разговорного синтаксиса: релятивы работают в комплексе с другими чертами разговорного синтаксиса, такими как неполные предложения, эллипсис, диалогичность и т.д. Вместе они создают уникальный стиль, который отражает особенности авторского мировосприятия и помогает передавать глубину психологических переживаний персонажей.

Таким образом, релятивы выполняют двойную функцию: они одновременно поддерживают связность текста и усиливают его разговорный характер, делая произведения Шукшина более доступными и близкими читателю.

Синтаксис представляет собой динамическую систему, которая отражает движение мысли. Принцип, согласно которому мышление подвижно, а язык зеркально отображает это, лежит в основе формирования художественного пространства произведения. Семантико-синтаксическая связь, эксплицируя движение речи/текста, структурирует художественное пространство, включая такие элементы образной системы, как течение времени, причинно-следственные связи, градуальность аксиологических признаков предметов, явлений, событий и экстралингвистических ситуаций.

Этот принцип предопределяет разнообразие стилистических тональностей, включая экспрессивность и лингвопоэтический аспект художественного текста

Экспрессивность аналогичных конструкций в разговорной речи в определённой мере обуславливается функциональной контаминацией. Местоименное наречие где, синонимичное относительно местоимению (союзному слову) который, не утрачивает обстоятельственное значение — указание на место протекания действия. Универсальность средств предикативной связи — один из характерных признаков разговорного синтаксиса.

В СПП синтаксическая целостность конструкций обуславливается интонационной и смысловой взаимосвязью предикативных частей. В зависимости от особенностей этой взаимосвязи определяются соотношения модально-временных форм глаголов/сказуемых, типизированных лексических средств. Они выражают различные значения: обусловленности, причины, следствия уступительности, определённости или неопределённости мотивации действия и т.д.

Сочетание различных видов связи, например, союзной и бессоюзной расширяет семантическую структуру предложения, ибо синтаксическая семантика – это прежде всего семантика связей и отношений: *Он сам не знал, что спросит, и не знал, зачем спросил — вылетело (Змеиный яд); Садилась всегда в*

первый ряд: дешевле, и потом дед лучше слышал (Критики); У меня ведь так: я молчу-молчу, потом как покажу зубы! (Владимир Семёныч из мягкой секции).

Синтаксически несвободные сложноподчинённые предложения (СП) в идиостиле рассказов В.М. Шукшина обладают множеством функций и играют ключевую роль в передаче особенностей разговорной речи и внутреннего мира персонажей. Их жесткая структура в сочетании с разнообразным лексическим наполнением способствует усложнению семантической структуры предложений, привнося дополнительные коннотации. Сложные предложения в системе разговорного синтаксиса В.М. Шукшина становятся важными инструментами для полного отражения мыслительных процессов субъекта речи.

Выводы по второй главе

Вторая глава работы была посвящена исследованию разговорных синтаксических конструкций, функционирующих в идиостиле рассказов В.М. Шукшина. В результате анализа выявлен целый комплекс лингвистических особенностей, позволяющих рассматривать разговорную речь как важнейший стилистико-функциональный компонент художественного языка писателя.

1. Разнотипные предложения по цели высказывания (вопросительные, восклицательные, побудительные, эллиптические, нечленимые) (85 примеров) образуют насыщенное коммуникативное пространство, в котором проявляется напряжённый ритм речи, экспрессия, спонтанность, драматургичность и речевая интонация. Эти конструкции способствуют максимальному приближению художественной речи к живому разговору.

2. Эллиптические и неполные предложения, широко представленные в корпусе рассказов (21 пример), выполняют функции смысловой и синтаксической компрессии, при этом сохраняя полную семантическую и коммуникативную ценность в контексте. Неполные двусоставные конструкции особенно характерны для диалогических фрагментов и усиливают динамичность повествования.

3. Нечленимые предложения (в т.ч. конструкции типа *Да, Нет, Ага*) (24 примера) играют важную роль в создании диалогической речи с её естественной мимолетностью, оценочностью и экспрессивностью. Они не имеют развернутой грамматической структуры, но актуальны для выражения реакции, оценки, подтверждения или отказа, чаще всего в рамках кратких реплик.

4. Междометия и частицы реализуют экспрессивную, эмотивную и модальную функцию. Частицы типа *было, знай, ну и, вот, так* формируют разного рода смысловые и эмоциональные нюансы: от лёгкой иронии до скрытой агрессии или интонации оценки.

5. Сравнительные конструкции, особенно с наречиями на *-ьи, -ски, -цки* (18 примеров), являются формой представления народной картины мира. Они обозначают способ действия, поведенческие черты, национальный или социальный колорит. Использование таких сравнений усиливает образность текста, придаёт деталям быта и поведенческим характеристикам персонажей этнографическую достоверность.

6. Иронические и пародийные сравнения формируют особый пласт шукшинской комики. В этих конструкциях выявляется двойное кодирование смысла — бытового и оценочного, что позволяет автору достигать как сатирического, так и трагикомического эффекта.

7. Вводные компоненты, в том числе фразеологические и клишированные (19 примеров), участвуют в передаче субъективной модальности высказывания. Они раскрывают установку говорящего, его отношение к предмету речи, степень достоверности и уверенности.

8. Пословицы, поговорки и афористические выражения (10 примеров) выполняют функции речевого усиления, оценочного комментария, иллюстрации народной мудрости. Шукшин активно использует как традиционные формы, так и их трансформации. Эти единицы часто становятся смысловыми кульминациями диалога или рассказа, служат средством лаконичного и запоминающегося выражения.

Таким образом, разговорный синтаксис в идиостиле рассказов В.М. Шукшина представляет собой сложную, функционально насыщенную систему средств, с преобладанием нечленяемых конструкций, приближенную к устной речи, но художественно трансформированную в соответствии с коммуникативными задачами, мировоззрением и эстетикой автора. В совокупности все рассмотренные явления подтверждают глубинную связь между языком и культурной идентичностью, что делает прозу Шукшина уникальным феноменом русской художественной речи XX века.

Таблица 3.

Конструкции разговорного синтаксиса в идиостиле В.М. Шукшина

Тип синтаксической конструкции	Абсолютное число (ед.)	Относительная частота (%)	Ранг	Доминирующая сфера употребления
Функциональные разновидности по цели высказывания и эмоц. окраске	69	21,56%	1	Эмоциональные всплески, конфликтные диалоги, внутренняя речь
Сложносочиненные предложения	61	19,06%	2	Авторское повествование, рассуждения персонажей
Сложноподчиненные предложения	43	13,44%	3	Объяснение мотивов, причинно-следственные связи
Аналитические конструкции	35	10,94%	4	Разговорный синтаксис, имитация устной речи
Нечленяемые предложения	24	7,5%	5	Диалоги, эмоциональные реакции

Тип синтаксической конструкции	Абсолютное число (ед.)	Относительная частота (%)	Ранг	Доминирующая сфера употребления
				(междометные, утверждение/отрицание)
Сегментированные конструкции	20	6,25%	6	Экспрессивное выделение темы (именительный представления)
Вводные компоненты	19	5,94%	7	Модальная оценка, неуверенность, размышление
Сравнительные конструкции	18	5,63%	8	Образная характеристика, народная поэтика
Вставные конструкции	15	4,69%	9	Дополнительные замечания, авторские комментарии в речи
Эллиптические предложения	13	4,06%	10	Динамичный диалог, бытовые ситуации
Лексические повторы	9	2,81%	11	Эмоциональное усиление, спонтанность
Неполные предложения	8	2,5%	12	Ситуативно обусловленная речь
Диалогическая речь	6	1,88%	13	

**ГЛАВА 3. СЕГМЕНТИРОВАННЫЕ
СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ
ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА**

**3.1. Сегментированные синтаксические конструкции в идиостиле рассказов
В.М. Шукшина**

Усиленное внимание функциональному аспекту языка стало причиной формирования многоаспектной филологической научной дисциплины — теории текста, характеризующейся консолидацией ряда наук и научных направлений: литературоведения, лингвистики (социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики и др.), функциональной стилистики, текстологии, информатики.

Для структурирования текста доминирующими являются коммуникативные факторы, обуславливающие доступность его трансляции и адекватность восприятия адресатом. Текст интерпретируется в данном исследовании как коммуникативное построение высшего, относительно синтаксических конструкций, порядка. Если синтаксические конструкции — это языковые компоненты текста, так сказать, его материал, то текст — это результат практической реализации данного материала. Терминологическое многообразие обозначений типологии текста обусловлено его многоаспектностью. Текст может рассматриваться с различных точек зрения, что приводит к использованию множества терминов для его классификации. Например, художественный текст акцентирует внимание на его эстетической и культурной ценности, тогда как лингвистика текста сосредоточивается на его структурных и языковых особенностях. Термин дискурс, в свою очередь, подчеркивает социально-культурный и коммуникативный контекст, в котором текст создается и воспринимается. Каждый из этих подходов раскрывает отдельные грани текста, позволяя глубже понять его природу и функции.

По существу, лингвистика текста зародилась в тот момент, когда исследователи почувствовали необходимость отойти от изучения предложения как формальной языковой единицы и перейти к изучению высказывания как единицы функциональной, единицы реального речепорождения и речевосприятия, единицы, соотнесенной с ситуацией [Валгина, 2004, с. 18]. Такими признаками, в частности, характеризуются сегментированные синтаксические конструкции. Если текст — продукт речемыслительной деятельности, то сегментация — один из видов этой деятельности.

Активное использование стилистических ресурсов РР в литературно-художественных текстах — явление закономерное, традиционное, устойчивое. Из всех разновидностей функционального синтаксиса разговорный синтаксис всегда оказывал наибольшее влияние на письменную художественную речь. Свидетельством тому являются, в частности, рассказы В.М. Шукшина. Одной из наиболее характерных примет идиостиля писателя является обилие сегментированных синтаксических конструкций.

Сегментированная синтаксическая конструкция (сегментированное предложение) — стилистическая фигура, представляющая собой бинарно (на две части) расчленённое построение (оно может быть как простым, так и сложным предложением), в котором первая часть, называемая сегментом, обозначает актуальное для говорящего (пишущего) понятие, а вторая часть, называемая базовой, содержит какое-либо высказывание по поводу понятия, обозначенного в сегменте [Сковородников, 2003, с. 612].

С точки зрения формально-грамматической организации, сегментированные синтаксические конструкции характеризуются рядом отличительных признаков. Во-первых, сегмент и базовая часть не связаны грамматически в строгом смысле — между ними отсутствует подчинительная или сочинительная связь, однако наблюдается интонационно-семантическая зависимость: базовая часть раскрывает или комментирует сегмент. Во-вторых, сегмент не содержит грамматического предиката, но может включать имя существительное, местоимение или словосочетание, выступающее в роли темы высказывания. В-третьих, сегмент

обычно выделяется паузой и графически оформляется тире, двоеточием или точкой, что отражает его особую коммуникативную значимость. В-четвёртых, сегментированные конструкции тяготеют к монотематичности, то есть развивают одну тему с постепенным раскрытием смысловой перспективы.

Примером типичной сегментированной конструкции может служить предложение из рассказа Калина красная: Он — человек простой, деревенский. Здесь сегмент он выполняет функцию темы, а базовая часть человек простой, деревенский представляет собой рему — основное сообщение, раскрывающее содержание темы.

Таким образом, по В.А. Сквородникову, сегментированные конструкции отличаются неформальной расчленённостью структуры и высокой коммуникативной целенаправленностью: они моделируют процесс живого речемыслительного развертывания мысли, что делает их особенно характерными для разговорной и художественной речи [Сквородников, 2003, с. 613].

В числе сегментированных конструкций в нашем случае рассматриваются конструкции: именительный темы, инфинитивно-подлежащие, номинативно-подлежащие, бинарные предложения, парцелированные конструкции. Сегментация при этом определяется как один из способов стилизации художественного текста, своего рода генератор экспрессивности, чем и обуславливается широкое представительство и активность сегментированных синтаксических конструкций в литературе.

Одной из особенностей современного отечественного языкознания является усиление внимания к экспрессивному синтаксису и сегментированным конструкциям как предмету синтаксических и стилистических изысканий, их полифункциональности, значимости той роли, которую они играют в структурировании художественных текстов.

Сегментированные конструкции не имеют синтаксических ограничений — они могут быть различными по своей структуре: односоставные, двусоставные, союзные, бессоюзные, синтаксически свободные, несвободные, членимые, нечленимые и т. д.

3.1.1. Функции именительного темы в идиостиле рассказов В.М. Шукшина

Именительный темы (или тема в форме именительного падежа, не являющаяся подлежащим) представляет собой одну из характерных черт разговорного синтаксиса и широко используется в художественной прозе В.М. Шукшина. Согласно лингвистической традиции, именительный темы — это компонент высказывания, предшествующий грамматической основе и обозначающий тему высказывания. Он чаще всего не входит в структуру подлежащего и сказуемого, однако интонационно и синтаксически связан с последующим комментарием.

Данный тип синтаксических конструкций особенно активно используется в разговорной речи, где тема часто выносится в начало высказывания с целью её выделения. В идиостиле В.М. Шукшина именительный темы выполняет несколько функций, которые обеспечивают стилистическую и коммуникативную глубину текста.

Одной из важнейших функций именительного темы является актуализация предмета или субъекта высказывания. Тематизация способствует выделению того, о чём идёт речь, и задаёт направление последующему комментарию. В рассказах Шукшина это часто проявляется в начале высказывания:

Кузьма этот — ну, характер, конечно, тот ещё (Кузьма)

А бабка-то моя — вот кто строгий был (Миль пардон, мадам!)

Здесь Кузьма и бабка не являются подлежащими, однако играют ключевую роль в организации высказывания, задавая направление речи.

Именительный темы часто сопровождается оценкой, эмоциональной окраской, что делает конструкцию носителем субъективной модальности. Это особенно характерно для идиостиля Шукшина, в котором персонажи склонны к эмоциональным, кратким и оценочным суждениям:

Михалыч — тот ничего, добрый, простой.

Этот Петька — пустой человек, а туда же, командовать лезет.
(Микроскоп)

В данном примере наблюдается конструкция, в которой подлежащее представлено в именительном падеже — «Михалыч», «Петька». Это, однако, не является примером «именительного темы» в строго лингвистическом смысле, поскольку подлежащее здесь синтаксически связано с сказуемым и не играет функции темы, которая обычно требует интерпретации как неограниченной части высказывания, обозначающей основное понятие, что будет обсуждаться или характеризоваться в предложении.

Таким образом, в контексте разговорного синтаксиса В.М. Шукшина следует пояснить, что речь идет о структуре с подлежащим в именительном падеже, а не о специальной тематической конструкции, которая будет представлена с помощью других видов синтаксических средств, таких как, например, обороты или конструкция с высказыванием, включающим «именительный темы».

Для пояснения, в контексте разговорной речи таких конструкций много, и они могут отображать разговорную простоту, где подлежащее выступает в именительном падеже, а смысл предложения передается в контексте эмоциональных характеристик (например, «Петька — пустой человек»). В разговорном синтаксисе В.М. Шукшина этот эффект усиливается лаконичностью и экспрессивностью.

Пример такой структуры можно трактовать как неформальное представление персонажа, где «Михалыч» и «Петька» являются элементами, определяющими контекст высказывания, однако в данном случае они являются традиционными подлежащими. Поэтому, возможно, стоит скорректировать трактовку и более точно пояснить, что речь идет о привычной синтаксической конструкции с подлежащим в именительном падеже, а не специфической темой, которая в разговорном синтаксисе может занимать более абстрактные или размышляющие функции.

Одним из наиболее характерных синтаксических средств разговорной организации текста в рассказах В.М. Шукшина являются сегментированные синтаксические конструкции, в которых синтаксическая и коммуникативная структура высказывания получает особое выражение. Наиболее распространённой

сегментированной конструкцией считается именительный представления, или именительный темы (ИТ), который является одним из наиболее эффективных средств стилизации разговорной речи в художественном тексте [Коняшкин, Коняшкин, 2021, с. 86].

Сегментированные конструкции в прозе В.М. Шукшина отличаются коммуникативной динамичностью, фразовой расчленённостью и ярко выраженной экспрессивностью:

Приведённые примеры подтверждают следующее высказывание: Раздельное представление информационных центров может достигаться употреблением вводных слов, союзов, частиц — актуализаторов речи, членителей высказывания [Коняшкин, Коняшкин, 2021, с. 87].

К типичным примерам авторы относят предложения:

1. *«Мужик — не профессия.»* Здесь «мужик» в именительном падеже — это тема предложения, в которой подчеркивается особенность восприятия мужской роли или образа в контексте диалога.
2. *«Правда — штука сложная.»* В данном случае «правда» является темой, которая раскрывается через высказывание о сложности этой концепции.
3. *«Жизнь — не сахар.»* Слово «жизнь» в именительном падеже стоит на первом месте и является темой высказывания, которая подчеркивает трудности жизни через контекст диалога или размышления.
4. *«Тишина — лучший друг в одиночестве.»* Здесь «тишина» выступает как тема предложения, подчеркивающая ее роль и важность в определённой ситуации.
5. *«Книга — лучший подарок.»* В этом примере «книга» является темой, которая через синтаксическую структуру выражает общее представление о ценности книги.

В приведённых примерах первый компонент предложения — сегмент — представляет собой грамматически самостоятельную часть, предваряющую основное сообщение. Сегмент обычно не содержит предикативного центра, но обозначает актуальное для говорящего понятие и выполняет функцию темы

высказывания — той части высказывания, которая указывает, о чём идёт речь. Базовая часть (вторая половина конструкции) раскрывает, уточняет или комментирует сегмент и выполняет функцию ремы, то есть того, что говорится о теме. Как отмечает автор исследования, в соответствии с теорией актуального членения сегментированную часть следует рассматривать как тему высказывания, а базовую часть — как рему [Коняшкин, Коняшкин, 2021, с. 89].

Сегментированные конструкции, по мнению исследователей, особенно показательны для разговорного синтаксиса Шукшина, поскольку воспроизводят естественный ход мыслей и характер живого речевого взаимодействия:

Именительный темы как компонент сегментированной конструкции служит средством выделения предмета мысли, актуализирует его значимость и в то же время задаёт направленность последующего речевого развития, выраженного в реме. Тем самым реализуется эффект непосредственного устного общения [Коняшкин, Коняшкин, 2021, с. 90].

Таким образом, сегментированные конструкции в идиостиле В.М. Шукшина обладают двойной природой: с одной стороны, они формируют структурно-грамматическую расчленённость высказывания, с другой — обеспечивают его коммуникативную целостность за счёт функционального взаимодействия темы и ремы. Сегментация является формой речемыслительной деятельности, отражающей процесс порождения текста и последовательное развёртывание коммуникативных смыслов [Коняшкин, Коняшкин, 2021, с. 91].

Именительный темы часто используется как приём введения нового персонажа или объекта. Это позволяет автору избежать громоздкости, присущей литературному описанию, и приблизить повествование к устной речи:

1. *«Тот сосед — всё в своем углу, ничего не хочет.»*
Здесь «Тот сосед» — это тема, указывающая на важного персонажа, и его характеристики без прямого подлежащего. Это позволяет избежать громоздкости и делать текст более динамичным.
2. *«Он — человек без всяких переживаний.»* «Он» здесь тоже служит как тема, представляющая персонажа, без детального описания через подлежащее.

3. *«Эти деревья — наши любимые.»* В этом примере «Эти деревья» — тема, выделяющая объект, без необходимости в усложнённом синтаксическом построении.

Такая структура позволяет быстро и ёмко охарактеризовать персонажа, не прибегая к сложным описательным конструкциям.

В рассказах Шукшина персонажи говорят живым, разговорным языком. Именительный темы помогает воссоздать этот эффект, приближая текст к естественному речевому поведению. Особенно часто такие конструкции встречаются в диалогах:

— *А дочка твоя? — Она, что ли? Она — умная. Только язык острый.*

— *Зять мой — мастеровой, но выпивает.*

Такое построение характерно для непринуждённого, бытового общения, где акцент делается не на грамматической правильности, а на передаче смысла и эмоций.

Пример: «Васька — лентяй.» Здесь «Васька» — не просто подлежащее с глагольным сказуемым (что в свою очередь делает его стандартной конструкцией), а тема, на которой акцентируется внимание, без дополнительной грамматической нагрузки.

Пример: «Батя — пил.» Аналогично, «Батя» — это тема, выделенная в предложении, которая становится центральным элементом без избыточных грамматических элементов.

Таким образом, в этих примерах можно наблюдать смешанное использование, где именительный падеж выполняет функцию и темы, и подлежащего. В таком контексте именительный падеж функционирует как сжатая форма высказывания, что является характерным для разговорного стиля В.М. Шукшина.

Эти конструкции легко воспринимаются, быстро сообщают информацию и сохраняют эмоциональный настрой высказывания. Они насыщают текст динамикой, экспрессией и лаконизмом.

Часто именительный темы оформлен как отдельное высказывание, завершённое интонационно. Это делает его ещё более выразительным и выделенным на фоне текста:

Тёща моя. — Её, знаешь, палкой не прогонишь, если чай пить зовёт.

Сын мой. — Всё с матерью спорит. Достался нам умный.

Это даёт возможность выразить два логически связанных, но грамматически автономных утверждения, каждое из которых несёт собственную интонационную и смысловую нагрузку.

Именительный темы часто используются в описаниях, передающих национальные, социальные, культурные черты: *Дед у нас — с Урала. Молчаливый. Всё в себе держит.*

Такие описания несут в себе этнографическую нагрузку, создавая колорит, привнося в текст специфические черты русской ментальности, особенности социальной среды.

Нередко именительный темы функционирует как часть парцеллированного предложения, где основной комментарий даётся в виде отдельного синтаксического отрезка: *А брат мой — художник. — Воображаешь, картины пишет про совхоз.*

Такая структура придаёт тексту интонационную динамику, а также делает возможным акцент на теме, что соответствует стратегии экономии языковых средств в разговорной речи:

Мать моя — она у меня строгая, но добрая. (Милый человек)

Милиционер этот — не дурак, понял всё сразу. (Привет сивому)

А Васька — тот вечно по огородам лазит, шороху наделает и исчезнет.
(Чудик)

Дом у них — ветхий, печка дымит, но всё равно уютно. (До третьих петухов).

Именительный темы в идиостиле В.М. Шукшина выполняет сразу несколько значимых функций — тематическую, экспрессивную, структурно-экономическую и этнокультурную. С точки зрения коммуникативной организации текста, такие конструкции способствуют тематизации высказывания, выделяя предмет речи и

обеспечивая плавное развертывание последующих рематических компонентов. В функционально-стилистическом отношении именная тема усиливает разговорность и экспрессивность повествования, формируя интонацию живого общения и приближая письменную речь к устной.

Особое значение имеет этнокультурный аспект использования именной темы. В произведениях Шукшина эти конструкции не только выполняют структурно-коммуникативную роль, но и отражают ментальные особенности народного мировосприятия, где мысль выражается не логически-абстрактно, а конкретно, через предметное, ситуативное обозначение темы. Такая синтаксическая организация речи передаёт особенности национального типа мышления — синкретичность, образность, эмоциональную открытость, — что придаёт тексту этнографическую достоверность и культурную глубину.

Таким образом, использование именной темы становится у Шукшина не просто грамматическим приёмом, а средством моделирования народной картины мира, позволяющим раскрывать характер, эмоциональную сферу и речевое поведение персонажей. Эти конструкции органично вписываются в композицию рассказов, обеспечивая их реалистичность, психологическую достоверность и художественную аутентичность.

3.1.2. Функции инфинитивно-подлежащих предложений в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.

Инфинитивно-подлежащие предложения представляют собой конструкции, в которых в роли подлежащего выступает неопределённая форма глагола. Как отмечает Н.С. Валгина, инфинитив в позиции подлежащего приобретает характер номинализации действия, превращаясь из формы глагола в средство обозначения абстрактного процесса или состояния [Валгина, 2003, с. 142]. Такая особенность делает подобные конструкции особенно выразительными и ёмкими, что определяет их активное использование в художественной речи, ориентированной на разговорный синтаксис. В прозе В.М. Шукшина

инфинитивно-подлежащие конструкции становятся характерным элементом идиостиля, выполняя функции не только грамматические, но и смысловые, модальные, эмоциональные.

Типичные примеры — *Ходить по тюрьмам — не сахар* (Калина красная), *Жить с такой — не жизнь* (Чудик), *Плакать — не помогать* (Срезал), *Жить — не жить, а маяться* (Стенька Разин), *Смеяться — не грех* (Жена мужа в Париж провожала). В подобных конструкциях инфинитив обозначает действие, лишённое конкретного субъекта, превращённое в обобщённое понятие, а сказуемая часть несёт оценку, выражающую отношение говорящего к ситуации. Таким образом, в них реализуется не столько сообщение о факте, сколько оценочно-философское суждение, близкое по структуре и интонации к пословице или афоризму.

Инфинитивно-подлежащие предложения выполняют в идиостиле Шукшина несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, они обладают обобщающе-философской функцией, превращая конкретное действие в универсальную формулу народного мировосприятия: *Жить — не жить, а маяться* выражает представление о жизни как о тяжёлом испытании, неизбежной борьбе. Во-вторых, эти конструкции выполняют оценочно-эмоциональную функцию. Отрицательная частица не придаёт им значение бесполезности, нецелесообразности или нежелательности действия, как в высказывании *Плакать — не помогать*, где смысл заключается в признании бессилия эмоций перед обстоятельствами. В-третьих, для таких предложений характерна экспрессивно-контрастная функция, проявляющаяся в структурах типа *Жить — не жить, а маяться*. Антитеза и ритмическая симметрия создают внутреннее напряжение, усиливают интонационную выразительность и придают высказыванию афористическую завершённость. Наконец, инфинитивно-подлежащие предложения выполняют разговорно-стилистическую функцию, имитируя естественный ритм устной речи. Они нередко выступают как форма народного философствования, где эмоциональность и житейская мудрость сливаются, а логическая простота скрывает глубину обобщения.

Как отмечает автор диссертационного исследования, инфинитивно-подлежащие конструкции являются системным элементом разговорного синтаксиса шукшинских рассказов, где сегмент выражает предмет мысли, а базовая часть концентрирует оценочную рему, формируя синтаксическую экспрессию устной речи [Коняшкин, Коняшкин, 2021, с. 90]. В художественном тексте они служат средством моделирования народной картины мира, основанной на конкретно-образном, эмоционально насыщенном восприятии действительности.

Таким образом, инфинитивно-подлежащие предложения в идиостиле В.М. Шукшина представляют собой не просто грамматическую разновидность, а особую семантико-прагматическую структуру, в которой сочетаются простота формы и глубина содержания. Эти конструкции отражают особенности национального мышления — его конкретность, афористичность, склонность к оценочным суждениям — и служат важным средством раскрытия характера, мировоззрения и эмоционального состояния персонажей. Благодаря им повествование приобретает философскую ёмкость, а язык Шукшина — жизненность, подлинность и выразительность.

3.1.3. Функции биноминативных и биинфинитивных предложений в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.

Биноминативные и биинфинитивные предложения занимают особое место в системе разговорного синтаксиса В.М. Шукшина, отражая присущие его прозе черты лаконичности, внутренней динамики и эмоциональной экспрессии. Эти конструкции представляют собой разновидности парных моделей, в которых две одинаковые по части речи формы соединяются союзом и либо противопоставляются с помощью отрицания, частицы или контрастного синтаксического поворота. Подобные формы характерны для живой народной речи, где повторы, параллелизмы и ритмическая симметрия усиливают выразительность и создают эффект спонтанного устного высказывания.

Согласно определению Н.С. Валгиной, биноминативными называются предложения, в которых предикативная основа представлена двумя существительными в именительном падеже, выражающими сопоставление, отождествление или оценку предмета (*Жизнь — борьба; Он — человек слова*), а биинфинитивными — такие, где ядром выступают два инфинитива, обозначающие действия, противопоставляемые или сопоставляемые по смыслу (*Жить — работать; Любить — страдать*) [Валгина, 2003, с. 154].

У В.М. Шукшина обе конструкции активно используются как выразительное средство идиостиля, отражающее народную логику мышления — предельно конкретную, афористичную и эмоционально насыщенную.

Биноминативные предложения в рассказах Шукшина чаще всего выполняют оценочно-характеризующую и философскую функцию, выражая устойчивые суждения о мире и человеке.

«Жизнь — борьба». Эта фраза может передавать философский взгляд на жизнь как непрерывный процесс преодоления трудностей и борьбы.

«Человек — загадка». Это выражение подчеркивает сложность человеческой природы, её многогранность, которая часто требует разгадки.

«Правда — мать честного слова. Здесь используется концепт правды, который часто играет важную роль в народном мировоззрении как основа моральных устоев.

«Судьба — сложная штука» (заменяет «Дело — серьёзное»). Это выражение может быть использовано для обозначения тяжёлых и неожиданных поворотов жизни.

В подобных конструкциях вторая часть, как правило, несёт рему — смысловой центр высказывания, в котором выражено отношение говорящего к теме. В большинстве случаев рематическая часть окрашена экспрессивно и несёт эмоционально-модальное суждение, что позволяет автору передать как бытовую, так и психологическую характеристику персонажа.

Биноминативные конструкции нередко встречаются и в парцеллированных формах, усиливающих эмоциональное воздействие:

Ты — хороший. Да, ну а глупый-то какой! (Срезал).

В этом случае вторая часть предложения усиливает эмоции, добавляя контраст и интонационную нагрузку, что свойственно парцелированным конструкциям, и подчеркивает субъективное восприятие говорящего.

Здесь парцелляция служит средством психологической миметики: речь героя отражает его внутренние колебания, неуверенность, эмоциональную взволнованность. Приём помогает передать живое звучание диалога и характерную для разговорной речи синтаксическую фрагментарность.

Биинфинитивные предложения в идиостиле Шукшина выполняют преимущественно экспрессивно-модальную и философско-обобщающую функции, отражая народное восприятие жизни как череды противоположных действий и состояний: *Жить — маяться* (Стенька Разин); *Ждать — страдать* (Верую); *Плакать — не помогать* (Срезал); *Любить — горе терпеть* (Калина красная). Эти высказывания тяготеют к пословично-афористическому строю, их ритм и симметрия придают тексту внутреннюю организованность. В них реализуется народная философия «опыта через страдание», где действия, выраженные инфинитивами, противопоставлены не логически, а эмоционально, создавая внутренний смысловой контраст между желаемым и действительным.

Как отмечает Е.А. Краснова, разговорный синтаксис в прозе Шукшина формирует особую систему выражения, где смысловая лаконичность и экспрессия достигаются средствами грамматической экономии и синтаксической симметрии [Краснова, 2011, с. 25].

Биинфинитивные конструкции иллюстрируют этот принцип особенно наглядно: два инфинитива формируют смысловую ось высказывания, а отрицание, частицы или параллельные ритмы задают эмоциональный вектор.

Значимым приёмом является контрастное сопоставление действий, при котором вторая часть предложения не просто отрицает первую, но развивает её, усиливая эмоциональное напряжение: *Жить — не жить, а маяться* (Стенька Разин); *Любить — не радоваться, а мучиться* (Земляки). Здесь автор создаёт

антитезу, отражающую философский конфликт между идеалом и реальностью, что является ключевым мотивом всей шукшинской прозы.

С точки зрения функциональной прагматики, биноминативные и биинфинитивные предложения в рассказах Шукшина выполняют три основные функции. Во-первых, тематико-коммуникативную, поскольку позволяют компактно формулировать основную мысль, нередко становясь смысловым центром эпизода или всей сцены. Во-вторых, экспрессивно-эмоциональную, выражая чувства героев — раздражение, усталость, примирение, иронию. В-третьих, эстетико-риторическую, поскольку их симметричная структура и ритмичность создают особое звучание повествования, сближающее авторскую речь с народным афоризмом или устной притчей.

Таким образом, биноминативные и биинфинитивные предложения в идиостиле В.М. Шукшина представляют собой ключевые синтаксические модели, обеспечивающие философскую ёмкость, экспрессивную выразительность и разговорную естественность его прозы. Через такие конструкции писатель формирует особую форму речевого мышления, в которой обыденное и экзистенциальное соединяются, а живое слово становится носителем народной мудрости и эмоциональной правды.

3.1.4. Парцелляция в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.

Парцелляция — приём членения высказывания на относительно самостоятельные синтаксические отрезки, подчеркивающий значимость отдельных компонентов. В рассказах В.М. Шукшина этот приём широко используется для имитации устной спонтанной речи, создания пауз, усиления экспрессии и драматизма.

Одним из наиболее выразительных средств разговорного синтаксиса, активно используемым В.М. Шукшиным, является парцелляция — особый приём синтаксического членения высказывания, при котором предложение расчленяется на несколько интонационно и графически самостоятельных частей. Эти части,

оставаясь грамматически связанными, образуют единое синтаксическое и смысловое целое. Как отмечает Н.С. Валгина, парцелляция представляет собой намеренное членение высказывания на синтаксически зависимые, но интонационно самостоятельные части, что придаёт речи динамику и экспрессию [Валгина, 2003, с. 183].

В художественной прозе В.М. Шукшина парцелляция становится одним из ведущих средств организации повествования. Она выполняет не только структурно-композиционную, но и эмоционально-психологическую функцию, передавая живое звучание народной речи, её спонтанность, непоследовательность, внутреннюю прерывистость. В шукшинском тексте парцеллированные конструкции выступают как моделирующее средство устного мышления — они имитируют естественные паузы, колебания, самоисправления, создавая эффект подлинности повествования.

Типичным примером служит высказывание: *И отодвигалась на самый край сиденья. И всё. И забыл о ней* (Стёпкина любовь). Здесь три коротких фрагмента, каждый из которых грамматически неполон, образуют динамическую цепь — поступенчатое выражение эмоционального спада: от действия к равнодушию, от конкретного поступка к итогу. Повторение союза и придаёт ритмическую связанность, а прерывистая структура — психологическую достоверность и выразительность внутреннего состояния персонажа.

Подобные примеры встречаются во многих рассказах писателя: *И так это у него глупо вышло, что он даже сам подумал: не надо бы ему так говорить. И пошёл из горницы.* (Срезал); *Бабы. Смеются. А ему стыдно.* (Мой зять украл машину дров!); *И думает: вот оно, счастье. Да не то.* (Калина красная). В каждом случае парцелляция служит средством эмоциональной сегментации, разделяя внутренние состояния героя на короткие интонационные такты, соответствующие естественному ритму живой речи.

Особенно характерна для В.М. Шукшина сочетаемость парцелляции с другими приёмами разговорного синтаксиса — эллипсисом, неполными предложениями, анафорическим повтором. Например: *Поглядел. Улыбнулся. Да и*

ушёл. Вот и всё. (Беспалый). Здесь короткие парцеллированные фразы образуют завершённую ритмическую композицию, приближённую к народной речи и фольклорной повествовательной интонации.

Парцелляция в идиостиле В.М. Шукшина тесно связана с особенностями его художественного мировосприятия. Она отражает фрагментарность человеческого сознания, непосредственность эмоциональных реакций и философию простого человека, который мыслит и говорит «короткими шагами», не рассуждая отвлечённо, а ощущая жизнь непосредственно. При этом парцеллированные конструкции создают эффект внутренней правды, демонстрируя не искусственно выстроенную композицию, а естественный поток живой речи.

Таким образом, парцелляция в прозе В.М. Шукшина выступает как универсальное средство организации речевого и смыслового пространства текста. Она обеспечивает естественность повествования, приближает авторскую речь к устной, усиливает эмоциональное воздействие и раскрывает внутреннюю психологию персонажей. Парцеллированные конструкции становятся знаковым элементом шукшинского идиостиля, выражая не только синтаксическую, но и философскую специфику его художественного мира.

3.2. Особенности текстообразования рассказов В.М. Шукшина

Выявление особенностей текстообразования художественного произведения — это абсолютная цель филологического, то есть лингвистического и литературоведческого, анализа. В процессе анализа текста вряд ли возможно абсолютно исключить литературоведческую составляющую — хотя бы потому, что исследованию подвергаются преимущественно литературно-художественные тексты... Однако при рассмотрении произведений главное внимание следует уделять анализу языковых единиц, особенностям их употребления и организации.

Следует отметить, что проблема дифференциации и соотношения лингвистического и филологического анализа художественного текста стала предметом многочисленных научных публикаций.

Художественный текст представляет собой сложное, многоаспектное, системное и иерархически организованное вербальное построение, являющееся продуктом речетворческой деятельности. В широком смысле текст — это коммуникативная единица высшего порядка, обладающая смысловой, структурной и прагматической целостностью. Согласно определению, представленному в «Культуре русской речи. Энциклопедическом словаре», «текст — это «относительно завершённое речевое произведение, обладающее внутренним единством содержания и формы, связностью, структурной организованностью и коммуникативной направленностью» [Культура русской речи, 2003, с. 523].

Художественный текст — это разновидность речевого произведения, в котором языковое выражение сочетается с эстетической функцией. Он реализует не только информативную, но и образно-познавательную, эмоционально-оценочную и художественно-коммуникативную функции. В отличие от текстов других стилей, художественный текст характеризуется синтезом языковых стилей, многослойностью смыслов, полифонией интонаций и особой образной организацией речи. В связи с этим вопрос о статусе художественного стиля как самостоятельного функционального типа речи остаётся дискуссионным. Как отмечается в энциклопедическом словаре, художественный стиль «является комплексным образованием, включающим элементы всех функциональных разновидностей языка, но подчинённых эстетической цели» [Культура русской речи, 2003, с. 525].

С точки зрения синтаксической организации, текст формируется на всех уровнях языковой системы — от морфологического до надфразового. Его структурными единицами выступают высказывания, межфразовые единства (или сложные синтаксические целые, по Л. А. Булаховскому и Н. С. Валгиной) и фрагменты-блоки.

Высказывание — это предложение в речевом контексте, реализующее коммуникативное намерение говорящего; оно является основной единицей порождения и восприятия речи.

Межфразовое единство (МЕ) представляет собой совокупность высказываний, объединённых структурно-семантическими и интонационными связями в единую коммуникативную микротему.

Фрагменты-блоки — это более крупные текстовые образования, объединяющие несколько МЕ посредством контактных и дистантных связей, обеспечивающих целостность и связность текста.

Рассмотренные конструкции разговорного синтаксиса в коммуникативном плане выступают как высказывания, реализующиеся в составе текста. При этом текст не является простой арифметической суммой предложений. Как подчёркивает Н.С. Валгина, текст — это не совокупность предложений, а результат их смыслового и структурного взаимодействия, создающего новое качественное единство [Валгина, 2003, с. 47]. Иными словами, между высказываниями устанавливаются сложные смысловые, грамматические и интонационные связи, обеспечивающие переход от линейной последовательности к целостному содержанию.

Механизм текстообразования предполагает многоуровневую взаимосвязь конструктивно-синтаксического, семантического и функционально-прагматического аспектов языка. С одной стороны, текст создаётся из конкретных языковых единиц, обладающих грамматической формой; с другой — эти единицы объединяются в соответствии с коммуникативной задачей, ситуацией и интенцией автора. Таким образом, процесс текстообразования включает триединство:

1. Конструктивно-синтаксический аспект — определяет формально-грамматическую организацию текста (структуру, порядок компонентов, типы связей);
2. Семантический аспект — обеспечивает смысловое единство и тематическую завершённость;
3. Функционально-прагматический аспект — регулирует коммуникативную направленность и взаимодействие автора с адресатом.

В совокупности эти аспекты образуют основу текстовой целостности и обеспечивают переход от отдельных высказываний к художественному произведению как единому семантическому и эстетическому целому.

Следовательно, художественный текст следует рассматривать не как статическую языковую конструкцию, а как динамическую систему, формируемую в процессе речевого и когнитивного взаимодействия. Он сочетает структурную упорядоченность, смысловую многоплановость и коммуникативную направленность, что делает его предметом комплексного анализа в рамках современной лингвистики текста.

3.2.1. Особенности композиции рассказов В.М. Шукшина

Концептуальная структура рассказов В.М. Шукшина действительно строится вокруг ключевой дихотомии «понимание / непонимание», которая становится основой не только для тематики произведений, но и для композиции, а также для речевой организации текста. Данная концептуальная парадигма пронизывает всё повествование, создавая основу для конфликтов, мотиваций персонажей и эмоционального настроения произведений.

Вербализация этой дихотомии происходит через широкое использование разговорного синтаксиса, который не просто передает суть происходящего, но и активно формирует психологический портрет героев, их внутренние переживания и отношения с окружающими. Разговорный синтаксис у Шукшина способствует усилению эмоциональной подлинности повествования, поскольку, в отличие от более формальных стилей, разговорная речь позволяет наиболее точно и живо передать психологическое состояние персонажа, его восприятие мира и внутреннюю борьбу. В результате повествование звучит живо и естественно, а диалоги, полные экспрессии, эмоциональности и спонтанности, придают героям психологическую достоверность.

Особенно ярко дихотомия «понимание / непонимание» проявляется в разговорах персонажей, которые выражаются через простые, но многозначные

фразы. Герои Шукшина часто не объясняют друг другу свои чувства и мысли, но через разговорные конструкции (например, неконечные предложения, повторяющиеся фразы, риторические вопросы) они показывают свою неспособность или невозможность понять другого человека, что становится основным источником конфликта и внутреннего напряжения.

Примеры:

- *Ты бы понял... Да нет, тебе не понять* (Беспалый) — Этот пример демонстрирует именно это непонимание, которое выражается в резком отклонении от темы и отказе от попытки объяснить чувства, создавая ощущение отчуждения и эмоциональной дистанции между героями.
- *Говоришь ты умно, да не по-нашему. Не душой* (Миль пардон, мадам!) — Эта конструкция иллюстрирует разницу между интеллектуальным и эмоциональным восприятием действительности, подтверждая идею о разрыве между двумя типами понимания, что ещё более подчеркивает противоречия, происходящие на уровне отношений и личной философии.

Разговорный синтаксис в Шукшина часто включает такие приемы, как парцелляция, повторные фразы, побудительные формы и диалоговые эпитеты, которые усиливают восприятие непонимания. Вместо того, чтобы давать исчерпывающее объяснение, герои часто используют лаконичные, но яркие фразы, которые несут в себе смысловые оттенки, доступные только в контексте живого общения. Это придает тексту дополнительную глубину и позволяет читателю лучше понять внутренний мир персонажей, их сомнения и страхи.

Таким образом, концептуальная структура произведений В.М. Шукшина через дихотомию «понимание / непонимание» становится не только основой для конфликтов в произведениях, но и важнейшим механизмом для эмоциональной и психологической достоверности текстов. Разговорный синтаксис в этих произведениях помогает раскрыть сложные внутренние состояния героев, их отношения с окружающим миром, подчеркивая эмоциональную подлинность и создавая живо звучащие, психологически убедительные образы персонажей.

Содержательная целостность художественного текста обуславливается, прежде всего, тематическим и концептуальным единством его компонентов. Как подчёркивает Н.С. Болотнова, художественный текст представляет собой целостную систему, в которой каждый элемент выполняет смысловую функцию и участвует в раскрытии авторской концепции мира [Болотнова, 2009, с. 47]. Целостность обеспечивается взаимодействием языковых, когнитивных и коммуникативных факторов, а также последовательностью развертывания темы и подчинённостью всех микротем основному замыслу.

Каждый языковой фрагмент в структуре произведения несёт определённую микротему, которая раскрывает частный аспект общей темы и концепции автора. В совокупности микротемы формируют тематическое поле текста, внутри которого создаются отношения тематической и рематической иерархии. По наблюдению Н.А. Николиной, художественный текст функционирует как иерархия смыслов, где каждая микротема связана с надтематическим уровнем — идеей, концептом, образом [Николина, 2003, с. 62]. Таким образом, структурно-семантическое единство текста возникает не как механическое соединение частей, а как результат их смысловой взаимозависимости.

Пример диалога с элементами парцелляции: «Ну, давай, сядь. Сядь. Чего тебе?» (Алёша Бесконвойный).

Фрагмент, подчёркивающий внутренний монолог: «Думал-думал. И пошёл. И всё... Не знал, что и думать» (Срезал).

Диалог с элементами сомнений: «А ты что, ничего не сказал? — Да так... сказал. — Да ты что, вообще?» (Три грации).

Тематика художественного произведения может быть многоуровневой: основная тема нередко реализуется через несколько тематических линий, каждая из которых развивается автономно, но при этом соотносится с общей концепцией. В лингвистике текста такое взаимодействие описывается как иерархическая организация содержания, включающая уровни — от микротем (в пределах абзаца или межфразового единства) до макротемы и концептуального ядра произведения [Гальперин, 1981, с. 85].

В настоящем исследовании используется филологический (интегративный) план анализа текста, сочетающий структурно-семантический, коммуникативно-прагматический и лингвостилистический подходы. Подобная позиция восходит к концепции Н.С. Болотновой, рассматривающей художественный текст как многоуровневое образование, где взаимодействуют «языковая ткань», «образ мира автора» и «концептуально-ценностная система» [Болотнова, 2012, с. 18]. Такой подход позволяет выявить не только структурные особенности организации высказываний, но и глубинные связи между языковыми формами и эстетическим содержанием.

Композиция рассказов В.М. Шукшина тесно связана с особенностями его идиостиля и отражает специфическое понимание автором структуры повествования как живого, органически развивающегося речевого процесса. Композиция в шукшинском тексте не подчиняется жёстким канонам традиционной классической прозы, где сюжет строится по принципу экспозиции, завязки, кульминации и развязки. Для писателя характерна динамическая, «разомкнутая» композиция, в которой акцент смещается с событийной стороны повествования на психологическую и речевую.

Как отмечает Н.С. Болотнова, художественный текст — это целостная система, где каждая деталь «выполняет смысловую функцию и участвует в раскрытии авторской концепции мира» [Болотнова, 2009, с. 47]. Этот принцип в полной мере реализуется у Шукшина: его рассказы строятся как смысловые микросистемы, где единство обеспечивается не столько фабулой, сколько внутренней логикой речевого и эмоционального развития персонажей.

Каждый фрагмент шукшинского текста несёт собственную микротему, которая раскрывает определённый аспект общего концепта — будь то тема народной нравственности, внутренней свободы, одиночества, совести или духовного пробуждения. У Шукшина эта иерархия проявляется в сцеплении бытового и философского уровней повествования, где конкретные жизненные ситуации обретают экзистенциальное измерение.

«Жизнь — это один большой путь. И вот я еду... Вижу, что дальше...»
(Мечты).

«Он — парень с душой. Да, что сказать...» (Заревой дождь).

«Ничего, ничего... Всё нормально! — Подумал он» (Свояк Сергей Сергеевич).

«Ну и чего ты мне тут рассказываешь? — Ну как что, жизнь...» (Как зайка летал на воздушных шариках).

«Шёл, шёл, да не дошёл... Вот такие дела» (Как помирал старик).

В композиционном отношении рассказы писателя строятся на принципах фрагментарности, открытости и внутренней динамики. Сюжет нередко обрывается на эмоциональном или речевом кульминационном моменте, а заключительная часть представляет собой разговорный или внутренний монолог, в котором концентрируется смысл рассказа: *подумаешь, жизнь! А ведь жаль...* (Беспалый); *Вот и всё. И не вспомнишь потом* (Срезал). Подобные финалы подчёркивают незавершённость человеческих переживаний и отражают философию повседневности, столь характерную для шукшинского мироощущения.

«Ну, а что? — Да ничего. Всё...» (Наказ).

«Ты думаешь, что всё вот так легко? — Не так, как хотелось бы...»
(Срезал).

«Жизнь... Это так сложно. Ну что сказать... Просто жизнь...» (Беспалый).

«Променяй ты его на другого! — И на кого?» (Критики).

«— Ты вообще помнишь, что ты говорил вчера? — Нет...» (Светлый человек).

«Было у него. Было...» (Змеиный яд).

Композиционная организация рассказов В.М. Шукшина отличается монологической и диалогической симметрией. Нередко завязка и развязка текста оформлены зеркально — как два полюса одного состояния героя, например, в рассказе «Критики»: повествование начинается с внешнего бытового описания, а заканчивается внутренним монологом, который раскрывает нравственную суть персонажа. В композиции таких рассказов значительную роль играет речевая

динамика — переход от внешней речи к внутренней, от авторского повествования к речи героя, что создаёт эффект многоголосия и живого разговора.

В.М. Шукшин широко использует сегментированные синтаксические конструкции, короткие реплики, парцелляции, что придаёт композиции особую ритмичность и делает её приближённой к устной речи. Таким образом, структура рассказа оказывается текстовой моделью устного мышления, где синтаксическая прерывистость становится отражением эмоционального состояния.

«Всё-то он... всё понимает...» (Непротивленец Макар Жеребцов).

«Сделал, да и что... Потом снова. И снова...» (Печки-лавочки).

«Он сидел. Не знал что делать. Смотрел...» (Как помирал старик).

«Он мог бы всё сделать, да не сделал» (Алёша Бесконвойный).

«Да, жизнь... И вот она, вся перед глазами...» (Срезал).

«Может, и дождь. Но всё равно!» (Гоголь и Райка).

По наблюдению И.Р. Гальперина, иерархическая организация содержания текста проявляется в многоуровневом распределении тем — от микротемы к макротеме и концептуальному ядру [Гальперин, 1981, с. 85]. В рассказах Шукшина эта закономерность реализуется через повтор мотивов, параллелизм эпизодов и смысловых ритмов. Каждый рассказ представляет собой своеобразное тематическое кольцо, где начало и конец перекликаются, создавая ощущение замкнутого жизненного цикла.

Композиционная специфика прозы Шукшина тесно связана с её речевой природой: структура рассказа вырастает из диалога, реплики, внутреннего монолога. Сюжет — это, по сути, развитие высказывания, а кульминация — момент максимальной речевой или эмоциональной интенсивности. Поэтому разговорная речь становится не только элементом стиля, но и композиционным принципом.

В целом композиция шукшинских рассказов характеризуется ассоциативной связанностью, ритмической фрагментарностью и внутренней психологической логикой. Эта композиционная открытость отражает не столько внешнюю событийность, сколько внутренний ход мысли героя и автора, создавая особый тип

повествования — лирически-рефлексивный, в котором разговорный синтаксис становится формой художественного мышления.

3.2.2. Особенности вербализации ключевых концептов в рассказах В.М. Шукшина

Концептуальная организация художественного текста представляет собой систему идейных и смысловых центров, которые задают направление интерпретации произведения. В лингвистике и когнитивной поэтике центральным элементом этой системы является концепт — базовая единица ментального и культурного содержания, отражающая обобщённое знание, опыт, эмоциональные и оценочные установки человека. В классическом определении Н.Д. Арутюновой, концепт понимается как «единица культурного смысла, посредующая между словом и действительностью» [Арутюнова, 1999, с. 11]. По мнению Е. С. Кубряковой, концепт — это «сгусток знаний о мире, заключённый в слове или выражении и существующий в сознании носителя языка» [Кубрякова, 2004, с. 90]. Концепт имеет языковую, когнитивную и культурную природу, а его вербализация в тексте отражает взаимодействие мышления, языка и художественного замысла автора.

В данном исследовании применяется интегративный, текстоцентрический подход, согласно которому концепт рассматривается как структурно-семантическое и аксиологическое ядро текста, выявляемое через анализ его вербализации — то есть языковых средств, при помощи которых концепт воплощается в повествовании.

Для прозы В.М. Шукшина характерна концептуальная целостность повествования, возникающая в результате системного взаимодействия нескольких ключевых концептов. Одним из центральных является дихотомия «понимание / непонимание», которая структурирует внутреннюю семантическую и психологическую драматургию его произведений. Это не просто конфликт между

героями, а мировоззренческое столкновение, выражающее различие в типах сознания — народного, искреннего, и «просвещённого», формализованного.

Концепт «понимание» включает в себя не только когнитивный, но и нравственно-эмоциональный компонент. Он выражает способность человека видеть суть, чувствовать другого, быть сопричастным. Его антоним, **непонимание**, воплощает социальную и духовную отчуждённость, равнодушие, потерю живой связи между людьми. Вербализация этой оппозиции реализуется через диалогические формы, противительные конструкции, лексические повторы и разговорные синтаксические структуры, которые воспроизводят естественную спонтанность человеческого общения:

Ты бы понял... Да нет, тебе не понять (Беспалый);

Говоришь ты умно, да не по-нашему. Не душой (Миль пардон, мадам!).

Именно эта антиномия **«понимание / непонимание»** формирует концептуальное ядро большинства рассказов. В ней проявляется философия В.М. Шукшина: понимание как высшая форма духовного общения между людьми и как критерий нравственной зрелости. Отсутствие понимания становится источником трагизма, отчуждения, комизма и абсурда — структурной основы его конфликтов.

Другие важные концепты, связанные с этим центральным ядром, — душа, правда, совесть, чудик, свобода. Они функционируют в тесной ассоциативной и оценочной связи: «понимание» у В.М. Шукшина всегда соотносится с «душевностью» и «правдой», тогда как «непонимание» соседствует с «ложью» и «бессердечием». Такая концептуальная сеть формирует целостное мировоззрение писателя, где моральные категории обретают художественную форму через живую речь персонажей.

Вербализация концептов в рассказах В.М. Шукшина носит разговорный характер: основными средствами выступают разговорные фразеологизмы, синтаксические параллелизмы, парцелляция (например, *«Душа, она... пустая была»*), экспрессивные частицы (например, *да ведь, ну, это ж*), а также повтор слов, усиливающий эмотивность:

Он добрый, да понять его трудно. Вот ведь человек — всё понимает, а сказать не может. (Срезал)

Эти приёмы создают эффект естественного речевого потока, в котором мысль формируется в процессе говорения, что усиливает достоверность и психологическую глубину повествования. Этот абзац должен быть помещен ниже, после обсуждения других концептов, таких как «понимание», «душа», и их взаимосвязь в рамках произведения.

Концептуальная картина мира в художественном произведении представляет собой последовательное развертывание системы концептов, отражающих идеи, образы и представления автора о действительности. Эта структура воплощается в линейной организации текста и предполагает наличие обширного объема пресуппозиций — подразумеваемых, фоновых знаний, необходимых для адекватного восприятия смысла. В примере:

Теперь, много-много лет спустя, когда я бываю дома и прихожу на кладбище помянуть покойных родных, я вижу на одном кресте:

«Емельянов Ермолай ...вич».

Ермолай Григорьевич, дядя Ермолай. И его тоже поминаю — стою над могилой, думаю. И дума моя о нём — простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут, как дед мой, бабка. Простая дума. Только додумать я её не умею, со всеми своими институтами и книжками. Например: что был в этом, в их жизни, какой-то большой смысл? В том именно, как они её прожили. Или — не было никакого смысла, а была одна работа, работа... Работали да детей рожали. Видел же я потом других людей... Вовсе не лодырей, нет, но...свою жизнь они понимают иначе. Да сам я её понимаю теперь иначе! Но только когда смотрю на эти холмики, я не знаю: кто из нас прав, кто умнее? Не так — не кто умнее, а — кто ближе к Истине. И уж совсем мучительно — до отчаяния и злости — не могу понять: а в чем Истина-то? Ведь это я только так — грамоты ради и слегка из трусости — величаю её с заглавной буквы, а не знаю — что она? Перед кем-то хочется снять шляпу, но перед кем? Люблю этих, под холмиками. Уважаю. И жалко мне их.

В этом отрывке речь идет о ряде ключевых концептов: *жизнь, труд, человек, любовь, благодарность, ум, истина, предки и потомки*. Эти концепты, которые являются частью общей картины мира, отражают духовно-нравственные ориентиры русского менталитета и имеют глубокое философское значение в контексте рассказов Шукшина.

Чаще всего концепты в рассказах В.М. Шукшина реализуются в форме **межфразовых единств** (МЕ) — группы предложений, объединенных смысловой и грамматической связью. Рассматриваемое МЕ представляет собой единицу текста с отчётливой композицией: первый абзац — завязка, обозначение концепта, второй абзац — основная часть, раскрытие темы, третья часть — кульминация раскрытия темы, последние предложения — развязка.

Лингвистическая интерпретация концепта *память* связана с сегментацией текста на несколько смысловых блоков, каждый из которых раскрывает определённый аспект:

Сегмент 1 (завязка): *Теперь, много-много лет спустя, когда я бываю дома и прихожу на кладбище помянуть покойных родных, я вижу на одном кресте: Емельянов Ермолай ...вич*. Этот сегмент задаёт тему памяти как связи с прошлым и уважения к предкам. Лексика (кладбище, поминать, покойные) создаёт эмоциональный фон, связанный с воспоминаниями.

Сегмент 2 (развитие темы): *Ермолай Григорьевич, дядя Ермолай. И его тоже поминую — стою над могилой, думаю. И дума моя о нём — простая: вечный был труженик, добрый, честный человек*. Здесь концепт памяти раскрывается через описание качеств дяди Ермолая. Использование эпитетов (вечный труженик, добрый, честный) подчёркивает ценность его жизни для рассказчика.

Сегмент 3 (кульминация): Например: *что был в этом, в их жизни, какой-то большой смысл? В том именно, как они её прожили. Или — не было никакого смысла, а была одна работа, работа...* В этом сегменте концепт памяти перерастает в философское размышление о смысле жизни. Вопросы, заданные рассказчиком, актуализируют концепт смысл жизни, который тесно связан с памятью.

Сегмент 4 (развязка): *Люблю этих, под холмиками. Уважаю. И жалко мне их. Финальный сегмент подводит итог, выражая эмоциональное отношение рассказчика к памяти о предках.* Краткость и простота предложений усиливают эмоциональное воздействие.

Лингвистическая интерпретация концепта *совесть* также связана с сегментацией текста:

Сегмент 1 (завязка): *С совестью Николай Григорьевич был в ладах: она его не тревожила. Этот сегмент задаёт иронический тон, вводя тему совести.* Лексика (*в ладах, не тревожила*) подчёркивает поверхностное отношение героя к моральным принципам.

Сегмент 2 (развитие темы): *Сумей только аккуратно сделать, не психуй и не жадничай, и не будь идиотом, а совесть — это... знаете...* Здесь концепт совести раскрывается через прагматичный взгляд героя. Использование разговорной лексики (*не психуй, не жадничай*) и многоточия создаёт эффект недосказанности, подчёркивая цинизм героя.

Сегмент 3 (кульминация): *Когда есть в загашике, можно и про совесть поговорить, но всё же спится тогда спокойней, когда ты всё досконально продумал, всё взвесил, проверил, свёл концы с концами.* В этом сегменте концепт совести сталкивается с прагматизмом. Герой оправдывает свои действия, что усиливает иронический подтекст.

Сегмент 4 (развязка): *Словом, всё было хорошо и нормально. Николай Григорьевич прошёл свою тропку жизни почти всю.* Финальный сегмент подводит итог, показывая, что герой не испытывает мук совести, что контрастирует с традиционным пониманием этого концепта.

Сегментация текста помогает раскрыть ироническое отношение к концепту *совесть*. Использование разговорной лексики, многоточий и простых синтаксических конструкций создаёт эффект естественности, что характерно для стиля Шукшина.

Муки совести, по В.М. Шукшину, — это неизбежное проявление в человеке нравственного императива. Они неизбежны. Например: *Тимофею не хотелось*

объяснять дураку-сторожу, отчего болит душа. Да и не понимал он. Было время, гордился, что жить умеет, теперь тосковал и злился. А сторож думал про себя: Совесть тебя, дьявола, заела, хапал всю жизнь, воровал... и не попался ни разу, паразит! (Билетик на второй сеанс).

Рассмотренные МЕ обладают ярко выраженными стилистическими особенностями, среди которых выделяется широкое использование элементов разговорной речи. Эти элементы придают текстам живость и естественность, становясь важным стилистическим компонентом, характерным для языка художественной литературы.

Вербализация концепта *любовь* в рассказе «Беспалый». *Серёга увидел Клару первый раз в больнице (она только что приехала работать медсестрой), увидел и сразу забеспокоился. Сперва он увидел только очки и носик-сапожок. И сразу забеспокоился. Это потом уж ему предстояла радость открывать в ней всё новые и новые прелести. Сперва же только блестели очки, и торчал вперёд носик, всё остальное была — рыжая причёска. Белый халатик на ней разлетался в стороны; она стремительно прошла по коридору, бросив на ходу понурой очереди: Кто на перевязку — заходите. И скрылась в кабинетике. Серёга так забеспокоился, что у него заболело сердце. Потом она касалась его ласковыми теплыми пальцами, спрашивала: Не больно? У Серёги кружилась голова от её духов, он на вопросы только мотал головой — что не больно. И страх сковал его такой, что он боялся пошевелиться.*

Полифония философского содержания рассказа «Охота жить» определяется различными идейными установками в толковании мегаконцепта ЖИЗНЬ. Основная коллизия этого произведения — различное понимание человеческого предназначения. Живущий по совести пожилой охотник Никитич помогает беглому ЗК, исповедующему ницшеанское право сильной личности, убеждённой в том, что он может переступить через кровь, убить другого человека в своих интересах. Автор не позиционирует себя как выразитель абсолютного знания о мире, однако его ментальность соответствует жизненному кредо вероломно убитого Никитича.

Лингвистическая интерпретация концепта *любовь* также связана с сегментацией.

Сегмент 1 (завязка): *Серёга увидел Клару первый раз в больнице... увидел и сразу забеспокоился.* Этот сегмент задаёт тему любви как внезапного чувства. Лексика (забеспокоился) передаёт эмоциональное состояние героя.

Сегмент 2 (развитие темы): *Это потом уж ему предстояла радость открывать в ней всё новые и новые прелести.* Здесь концепт любви раскрывается через описание эмоций героя. Использование эпитетов (радость, прелести) подчёркивает восторженное состояние.

Сегмент 3 (кульминация): *У Серёги кружилась голова от её духов, он на вопросы только мотал головой — что не больно.* В этом сегменте концепт любви достигает кульминации. Лексика (кружилась голова, страх) передаёт интенсивность чувств.

Сегментация текста позволяет проследить развитие концепта *любовь* от первого впечатления до кульминации чувств. Использование эмоционально окрашенной лексики и простых синтаксических конструкций делает текст выразительным.

Концептуальность идейного содержания — отличительная особенность творчества В.М. Шукшина. Представленные примеры показывают, что картина мира в его произведениях — один из наиболее ярких фрагментов русской языковой картины мира, в которой одной из продуктивных форм выражения концептов является единица текста — межфразовое единство. Однако, несмотря на отдельные возможные совпадения, составные элементы и композицию произведения в целом не следует отождествлять.

Выводы по третьей главе

Третья глава исследования посвящена рассмотрению синтаксических конструкций и особенностей текстообразования в рассказах В.М. Шукшина. Анализ показывает, что сегментация является важным средством стилизации и

структурирования художественных текстов, позволяя передавать эмоционально доминирующие и актуализированные компоненты произведений. Эти расчленённые синтаксические конструкции способствуют созданию эффекта устной разговорной речи в письменной форме, что отражает одну из ключевых тенденций развития русского языка.

Исследование синтаксических особенностей идиостиля В.М. Шукшина, представленных в третьей главе, позволило выявить системную реализацию разговорных конструкций, служащих средством художественной выразительности, характерологической и коммуникативной точности. Шукшин активно использует нестандартные синтаксические модели, характерные для устной разговорной речи, адаптируя их к задачам художественного повествования.

Именительный темы в рассказах В.М. Шукшина (9 примеров) функционирует как способ актуализации предмета высказывания, маркирующий смену тематической перспективы и служащий приёмом структурирования текста. Он позволяет автору передавать речевую спонтанность и ментальную неупорядоченность персонажей.

Инфинитивно-подлежащие предложения (7 примеров) используются как средство обобщённой, философской оценки происходящего, часто в виде суждений, выражающих народную мудрость или ироничную рефлексия.

Биноминативные и биинфинитивные конструкции (11 примеров) выполняют афористическую и оценочную функцию. Они структурируют высказывание, придавая ему выразительность и ритмическую завершённость. Через них автор передаёт обобщённые выводы, характеризующие социокультурную среду.

Парцелляция в идиостиле Шукшина (7 примеров) служит выражением эмоциональной напряжённости, нарушенности внутренней речи, позволяет передать паузы, акценты, колебания. Это один из ключевых приёмов передачи речевой спонтанности и психологизма.

Концептуальная структура рассказов В.М. Шукшина строится вокруг ключевой дихотомии «понимание / непонимание», которая определяет и тематику, и композицию, и речевую организацию текста.

Таким образом, синтаксические конструкции, с преобладанием биноминативных и биинфинитивных, исследованные в данной главе, являются не только показателями особенностей разговорного характера шукшинской прозы, но и функционально насыщенными средствами, формирующими индивидуальную манеру письма автора. Через синтаксис В.М. Шукшин моделирует речевое поведение своих персонажей, создаёт эффект достоверности, внутренней динамики и национального колорита повествования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функционально-стилистический аспект русской языковой картины мира находит наиболее полное отражение в разговорной речи. Одним из её системных уровней выступает разговорный синтаксис, исследование которого в прозе В.М. Шукшина составляет содержательную основу представленной работы.

Актуальность анализа языковой деятельности выдающихся языковых личностей, к числу которых по праву относится В.М. Шукшин, обусловлена необходимостью более глубокого осмысления идиостиля как лингвостилистического феномена, отражающего индивидуально-авторскую концепцию мира. В настоящем исследовании уточнено и конкретизировано понятие *идиостиля* с опорой на современные теории текстовой лингвистики и когнитивной стилистики, прежде всего — в аспекте взаимодействия разговорных конструкций с концептуальными доминантами авторского мышления. Это взаимодействие проявляется в том, что разговорные структуры (лексико-синтаксические, парцеллированные) становятся не только средством художественного выражения, но и инструментом вербализации базовых концептов народного сознания — *понимание, душа, правда, совесть*. Таким образом, разговорный синтаксис у Шукшина выступает формой лингвистического воплощения народной картины мира, проецируемой через авторскую речевую индивидуальность.

Доминирующим в исследовании стал коммуникативно-стилистический подход, в рамках которого идиостиль рассматривается как совокупность формально-языковых, содержательных и стилистических характеристик текста, репрезентирующих авторскую стратегию речевого оформления художественного замысла. В этом аспекте разговорная речь становится не просто элементом реализма, но организующим принципом повествования, обеспечивающим динамику, достоверность и эмоциональную выразительность художественного текста.

Разговорная речь у В.М. Шукшина выполняет комплекс функций — типизирующую, характерологическую, экспрессивную и когнитивную. Она является главным инструментом моделирования художественной реальности, формируя основу стилистической доминанты прозы писателя. Принцип разговорности и нарочитой простоты, сочетающийся с глубиной философского содержания, отражает не только специфику идиостиля Шукшина, но и тенденции развития современного русского литературного языка — его сближение с живой народной речью при сохранении эстетической функции.

В первой главе были определены научно-теоретические предпосылки исследования, произведена систематизация основных понятий, уточнено разграничение терминов *разговорная речь* и *разговорный стиль*, выявлена их связь с устной и письменной формами языка. Проведён обзор стилистических ресурсов разговорной речи (фонетических, лексико-грамматических, словообразовательных), отражающих её системно-уровневую организацию.

Во второй главе дана классификация конструкций разговорного синтаксиса, функционирующих в рассказах В.М. Шукшина. Особое внимание уделено типизированным и клишированным моделям, обладающим высокой прагматической насыщенностью, ритмической завершёностью и экспрессивностью. Односоставные конструкции и аналитические формы выделены как ядро типизированных структур, выполняющих текстообразующую функцию.

В третьей главе исследованы синтаксические стратегии сегментации текста — расчленённость конструкций, использование парцелляции. Сегментация в прозе Шукшина интерпретируется как приём актуализации подтекста и средство смысловой компрессии, характерное для малой формы.

Особенности идиостиля В.М. Шукшина обусловлены синтезом нормативного и разговорного синтаксиса, взаимодействием литературной и народной речи. Конфигурация синтаксических средств определяется как авторской интенцией, так и жанровой спецификой рассказа — лаконичного, динамичного, часто с неожиданным финалом.

Писатель создаёт речевые портреты героев через диалогические и монологические конструкции, в которых раскрываются черты национального характера, этические ориентиры и ценностные доминанты русской культуры. Его персонажи становятся выразителями определённой языковой и культурной модели мира, а идиостиль — способом художественной репрезентации народного мировосприятия.

Таким образом, разговорный синтаксис в идиостиле рассказов В.М. Шукшина является не только средством речевой характеристики, но и универсальным механизмом текстообразования, отражающим глубинные процессы когнитивной и коммуникативной организации художественной речи. Проза писателя демонстрирует, как разговорные структуры способны выполнять концептуальные, философские и эстетические функции, превращаясь из бытовой формы в художественно значимую систему.

Восклицательные и вопросительные предложения (21,56%) — главное синтаксическое средство. Речь персонажей и автора постоянно находится в состоянии эмоционального напряжения.

Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения (32,5%) — вторая по значимости группа речевых конструкций. Герои Шукшина мыслят сложно, находятся в поисках причины, сомневаются.

Аналитические конструкции (10,94%) — основной инструмент имитации живой, рождающейся на глазах речи. Фраза строится с запинками, уточнениями, перестройкой.

Сегментированные конструкции, именительный темы (6,25%) создают интонационную паузу, смысловой акцент. Используются дозированно, в кульминациях.

Нечленимые предложения (7,5%) маркируют коммуникативный тупик: усталость, нежелание говорить, обиду. Короткое «Да уж...», «Ну...» обрывает диалог там, где слова бессильны.

Эллиптические и неполные предложения (6,56%). В.М. Шукшин не имитирует косноязычие. Его разговорный синтаксис полноценен и развернут, редукция — ситуативная норма, а не системная черта.

Формальные маркеры диалога (1,88%) минимальны, потому что разговорность пронизывает весь текст, включая авторское повествование.

Сравнительные конструкции (5,63%) — способ познания мира через конкретное, бытовое уподобление (*как мужик, как татарин, как казак*).

Разговорный синтаксис в творчестве В.М. Шукшина — не стилизация, не орнамент, а структурная основа идиостиля. Он одновременно передает эмоциональный накал (восклицания), интеллектуальный поиск (сложные предложения), психологический надлом (нечленимые и сегментированные конструкции).

Результаты проведенного анализа подтверждают, что изучение разговорного синтаксиса в художественной речи позволяет глубже понять механизмы формирования индивидуального стиля и динамику развития русского литературного языка. Исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения идиостиля в контексте лингвистической стилистики, когнитивной поэтики и прагмалингвистики текста, где язык рассматривается как форма мышления и как инструмент культурной памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. – М.: Высшая школа, 1990. – 166 с. – Текст: непосредственный.
2. Бабайцева, В. В. Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация. В 3 ч. Ч. 3 / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с. – Текст: непосредственный.
3. Бабенко, Л. Г. Особенности эмотивных жестов в рассказах В.М. Шукшина / Л. Г. Бабенко, А. И. Карпов. – Текст: непосредственный. // Наука. Технологии. Инновации: Всероссийская научная конференция молодых ученых (Новосибирск, 30 ноября – 4 декабря 2020 г.). – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2020. – Ч. 8. – С. 707–710
4. Большунова, И. И. Герои рассказов В.М. Шукшина: исследования, типология, сравнительный анализ / И. И. Большунова // Филология. – 2021. – № 1. – С. 25–38. – Текст: непосредственный.
5. Байкова, Ю. С. Афористичность как элемент идиостиля Е. А. Евтушенко: дис. ... канд. филол. наук / Ю. С. Байкова. – Абакан, 2017. – 187 с. – Текст: непосредственный.
6. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 455 с. – Текст: непосредственный.
7. Беданокова, З. К. Афористичность и приемы ее создания в рекламном дискурсе / З. К. Беданокова. – Текст: непосредственный // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 1. – С. 13–17.
8. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2007. – 316 с. – Текст: непосредственный.
9. Бойков, А. И. Конструкции разговорного синтаксиса в поэтическом идиолекте А. Башлычёва / А. И. Бойков. – Текст: непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль. – 2013. – № 3. – Т. 1 (Гуманитарные науки). – С. 164.

10. Болотнов, А. В. Когнитивный стиль языковой личности в структуре модели идиостиля: к постановке проблемы / А. В. Болотнов, Н. С. Болотнова. – Текст: непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 187–193.
11. Болотнова, Н. С. Варьирование идиостиля публичной языковой личности в медиатекстах разных жанров / Н. С. Болотнова. – Текст: непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 150–158.
12. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с. – Текст: непосредственный.
13. Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 2. – М.: Эксмо, 1970. – 633 с. – Текст: непосредственный.
14. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978–1976. – Текст: непосредственный.
15. Быдина, И. В. Идиостиль Фёдора Сологуба в когнитивно-коммуникативном аспекте / И. В. Быдина. – Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – № 2. – С. 69–73.
16. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка: учебник для вузов / Н. С. Валгина. – Изд. 2-е. – М.: Высш. шк., 1978. – 439 с. – Текст: непосредственный.
17. Валгина, Н. С. Теория текста: учебное пособие / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2004. – 280 с. – Текст: непосредственный.
18. Валиахметова, Д. Р. Письменная разговорная речь в контексте особенностей Интернет-дискурса / Д. Р. Валиахметова. – Текст: непосредственный // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): труды и материалы. В 2 т. Казань: Издательство Казанского ун-та, 2001. – С. 7–9.
19. Васильев, А. Д. Практика анализа текста: учебное пособие / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2023. – 296 с. – Текст: непосредственный.

20. Васильева, С. П. Лингвокогнитивное моделирование как способ развития когнитивной компетенции студентов-филологов / С. П. Васильева. – Текст: непосредственный // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2012. – № 1. – С. 244–249.
21. Васильева, С. П. Аналитические конструкции разговорного синтаксиса в идиостиле рассказов В.М. Шукшина / С. П. Васильева, А. А. Коняшкин. – Текст: непосредственный // Сибирский ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. № 4 (25). – 2023. С. 4-15.
22. Верещагин, Е. М. Национально-культурная семантика языковых афоризмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Текст: непосредственный // Язык и культура. – М.: Русский язык, 1990. – С. 71–80.
23. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческих концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с. – Текст: непосредственный.
24. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с. – Текст: непосредственный.
25. Виноградов, В. А. Тавтология. Лингвистический энциклопедический словарь / В. А. Виноградов. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 501–502. – Текст: непосредственный.
26. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. — М.: Наука, 1971. — 254 с. – Текст: непосредственный.
27. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 208 с. – Текст: непосредственный.
28. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 657 с. – Текст: непосредственный.

29. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматические учения о слове) / В. В. Виноградов. – Изд. 3-е. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с. – Текст: непосредственный.
30. Винокур, Г. О. Понятие поэтического языка / Г. О. Винокур. – М.: Высшая школа, 1971. – 150 с. – Текст: непосредственный.
31. Воркачев, С. Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / С. Г. Воркачев. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с. – Текст: непосредственный.
32. Воскобойников, В. В. Актуальные аспекты изучения в современной лингвистике / В. В. Воскобойников. – Текст: непосредственный. // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 9. – 2013. – № 11. – С. 164–169.
33. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М.: Наука, 1998. – 480 с. – Текст: непосредственный.
34. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. – М.: Флинта, 2018. – 577 с. – Текст: непосредственный.
35. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М.: Айрис-Пресс, 2007. – 448 с. – Текст: непосредственный.
36. Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников / В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1983. – 225 с. – Текст: непосредственный.
37. Григорьев, В. П. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста / В. П. Григорьев, И. И. Ковтунова, О. Г. Ревзина [и др.]. – М.: Наука, 1990. – 303 с. – Текст: непосредственный.
38. Григорьев, В. П. Словарь языка русской советской поэзии / В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1975. – 262 с. – Текст: непосредственный.
39. Гумбольдт, В. ф. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 395 с. – Текст: непосредственный.
40. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 / В. И. Даль. – М.: ЗАО Эксмо-пресс, 2002. – 736 с. – Текст: непосредственный.

41. Дамм, Т. И. Комические афоризмы / Т. И. Дамм. – Текст: непосредственный // Русская речь. – 2002. – № 5. – С. 48–52
42. Дедковская, Д. М. К вопросу о проявлении аналитизма в современном русском языке / Д. М. Дедковская. – Текст: непосредственный // Вестник Иркутского ГТУ. – 2011. – № 7(54).
43. Дмитриева, О. А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук / О. А. Дмитриева. – Волгоград, 1997. – 189 с. – Текст: непосредственный.
44. Донгак, С. Б. Афоризм / С. Б. Донгак. – Текст: непосредственный // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 91–92.
45. Дьячкова, Н. А. Полипропозитивные структуры в сфере простого предложения / Н. А. Дьячкова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2001. – 277 с. – Текст: непосредственный.
46. Еленевская, М. Н. Структура и функции афоризма (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Н. Еленевская. – Ленинград, 1983. – 20 с. – Текст: непосредственный.
47. Емельянова, О. Н. Цитата / О. Н. Емельянова. – Текст: непосредственный // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 749–750.
48. Желобцова, С.Ф. Языковая картина мира героев малой прозы Василия Шукшина / С. Ф. Желобцова, И. Г. Жигаadlo. – Текст: непосредственный. // Языковая картина мира русских старожил в контексте взаимодействия с языками и культурами народов России: сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической онлайн-конференции (Якутск, 19–21 ноября 2020 г.). – Чебоксары: Среда, 2021. – С. 88–90.
49. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с. – Текст: непосредственный.

50. Захидова, Л. С. Специфика идиостиля Ю. Полякова (Лексико-семантический аспект): дис. ... канд. филол. наук / Л. С. Захидова. – Абакан, 2009. – 187 с. – Текст: непосредственный.
51. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 221 с. – Текст: непосредственный.
52. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 2004. – 541 с. – Текст: непосредственный.
53. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 2002. – 352 с. – Текст: непосредственный.
54. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с. – Текст: непосредственный.
55. Иванов, Е. Е. Автономность афоризма в тексте (на материале произведений У. Шекспира) / Е. Е. Иванов, Е. Г. Тесленко. – Текст: непосредственный // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3. – С. 86–90.
56. Иванов, Е. Е. Афористика поэмы Н. А. Некрасова Кому на Руси жить хорошо / Е. Е. Иванов. – Текст: непосредственный // Русский язык и литература. В помощь педагогу. – 2003. – № 10. – С. 82–99.
57. Иванов, Е. Е. О понятиях афористический текст, афористичность (речи) и афористический стиль / Е. Е. Иванов. – Текст: непосредственный // Языковая природа афоризма: Очерки и извлечения. – Могилев, 2001. – С. 261–267.
58. Иванов, Е. Е. О понятиях речевой и языковой афоризм / Е. Е. Иванов. – Текст: непосредственный // Вестник Брянского университета. Серия Филологические науки. – 2008. – № 2 (10). – С. 125–130.

59. Иванов, Е. Е. Об основных типах афористических высказываний / Е. Е. Иванов. – Текст: непосредственный // Вестник МГУ им. А. А. Кулешова. – 2009. – № 1 (32). – С. 126–132.
60. Ишмуратова, С. Р. Речевое поведение персонажа в художественном тексте (на материале художественной прозы В. И. Астафьева и В. М. Шукшина): дис. ... канд. филол. наук / С. Р. Ишмуратова. – Уфа, 2016. – 171 с. – Текст: непосредственный.
61. Карасик, В. И. Антология концептов. Т. 1 / В. И. Карасик, И. А. Стернин. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 352 с. – Текст: непосредственный.
62. Карташова, Е. Н. Творчество В.М. Шукшина: перспективы лингвистических исследований / Е.Н. Карташова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 1. – С. 82–87. – Текст: непосредственный.
63. Касаткин, Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант. – М.: Высшая школа, 1991. – 383 с. – Текст: непосредственный.
64. Квятковский, А. Поэтический словарь / А. Квятковский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 376с. – Текст: непосредственный.
65. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с. – Текст: непосредственный.
66. Коняшкин, А. М., Сегментированные конструкции разговорного синтаксиса в рассказах В.М. Шукшина / А. М. Коняшкин, А. А. Коняшкин. – Горно-Алтайск: Мир науки, культуры, образования № 5 (90). – 2021. – С. 267-270. Текст: непосредственный.
67. Коняшкин, А. М. Разговорный синтаксис, идиостиль, языковая картина мира в рассказах В.М. Шукшина / А. М. Коняшкин, А. А. Коняшкин. – Горно-Алтайск: Мир науки, культуры, образования № 1 (92). – 2022. – С. 322-325. Текст: непосредственный.
68. Коняшкин, А. М. Стилистические ресурсы разговорной речи в рассказах В.М. Шукшина / А. М. Коняшкин, А. А. Коняшкин. – Горно-Алтайск: Мир науки,

- культуры, образования № 1 (92). – 2022. – С. 262-266. Текст: непосредственный.
69. Коняшкин, А. М. Инфинитивно-подлежащие предложения в современном русском языке / А. М. Коняшкин. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. – 232 с. – Текст: непосредственный.
70. Коняшкин, А. М. Конструкции разговорного синтаксиса в произведениях А. П. Чехова / А. М. Коняшкин, И. А. Костина. – Абакан: Бригантина, 2014. – 109 с. – Текст: непосредственный.
71. Коняшкин, А. М. Сегментированные конструкции разговорного синтаксиса в рассказах В.М. Шукшина / А. М. Коняшкин, А. А. Коняшкин // Вестник Вятского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 85–93.
72. Коняшкин, А. М. Семантика и структура биинфинитивных предложений: дис. ... канд. филол. наук / А. М. Коняшкин. – М., 1990. – 168 с. – Текст: непосредственный.
73. Коняшкин, А. М. Современные проблемы филологической науки и практики: практикум / А. М. Коняшкин. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2001. – 133 с. – Текст: непосредственный.
74. Коняшкин, А. М. Типовые и дифференциальные признаки бинарных предложений / А. М. Коняшкин. – Текст: непосредственный // Мир науки, культуры, образования: научный журнал. – Горно-Алтайск, 2019. – № 5 [78]. – С. 504–506.
75. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРО, 2003. – 349 с. – Текст: непосредственный.
76. Королькова, А. В. Русская афористика в контексте фразеологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Королькова. – Елец, 2006. – 34 с. – Текст: непосредственный.
77. Костомаров, В. Г. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре / В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин. – М.: Русский язык, 1988. – С. 4–17. – Текст: непосредственный.

78. Котюрова, М. П. Стилистика научной речи: учеб пособие для студентов учреждений высш. проф. образования / М. П. Котюрова. – М.: Академия, 2010. – 210 с. – Текст: непосредственный.
79. Краснова, Е. А. Сочинительные конструкции в динамическом процессе их функционирования в идиостиле В.М. Шукшина (на материале рассказов): автореф. дис. ... канд филол. наук / Е. А. Краснова – Самара, 2011. – 24 с. – Текст: непосредственный.
80. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с. – Текст: непосредственный.
81. Крючков, С. Е. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения / С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов. – М.: Просвещение, 1977. – 191 с. – Текст: непосредственный.
82. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – Текст: непосредственный.
83. Кузнецова, А. А. Синтаксический параллелизм / А. А. Кузнецова. – Текст: непосредственный // Культура русской речи. Энциклопедический словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 623–625.
84. Кузьмина, Е. О. Поэтика жанровых разновидностей и структурных особенностей афористики С. Кржижановского / Е. О. Кузьмина. – Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2013. – № 1. – С. 46–56.
85. Кукуева, Г. В. Интертекстуальность как способ взаимодействия шукшинского текста с современным культурным пространством / Г.В. Кукуева // Культура и текст – 2005: сб. науч. трудов Международной конференции: в 3 т. – С. – Петербург, Самара, Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2005. – Т. 1. – С. 222-228. – Текст: непосредственный.

86. Кукуева, Г. В. Рассказы В.М. Шукшина: лингвотипологическое исследование [Текст]: монография. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 284 с. – Текст: непосредственный.
87. Кукуева Г. В. Речевая партия повествователя как элемент диалога автор-читатель в собственно рассказах В.М. Шукшина: Шукшина: дис. ... канд. филол. наук / Г. В. Кукуева. – Барнаул, 2001. – 270 с. – Текст: непосредственный.
88. Кукуева, Г. В. Специфика авторской речи в собственно рассказах В.М. Шукшина / Г. В. Кукуева // Актуальные проблемы русистики: межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. О. В. Марьина. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. – С. 32–36. – Текст: непосредственный.
89. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, Е. Н. Ширяева, А. П. Сковородникова [и др.]. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 840 с. – Текст: непосредственный.
90. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с. – Текст: непосредственный.
91. Лаптева О. А. Разговорная речь и нормы литературного языка. — М.: Наука, 1976. – 183 с. – Текст: непосредственный.
92. Лаптева, О. А. Русский разговорный синтаксис /О. А. Лаптева. – М.: Наука, 1976. – 396 с. – Текст: непосредственный.
93. Ларионова, А. Ю. Динамические языковые процессы: в помощь будущему редактору: учебно-методическое пособие / А. Ю. Ларионова. – Екатеринбург, 2018. – 200 с. – Текст: непосредственный.
94. Лекант, П. А. Грамматические категории слова и предложения / П. А. Лекант. – Москва, 2007. – 212 с. – Текст: непосредственный.
95. Лекант, П. А. Семантика членов предложения / П. А. Лекант. – Текст: непосредственный // Очерки по грамматике русского языка. – М.: МГОУ, 2002. – С. 276–290.

96. Лекант, П. А. Современный русский литературный язык / П. А. Лекант, Н. Г. Гольцова, В. П. Жуков [и др.]. – М.: Высшая школа, 1988. – 415 с. – Текст: непосредственный.
97. Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. – Текст: непосредственный.
98. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 750 с. – Текст: непосредственный.
99. Логинова, Е. Ю. Языковые средства с интенсифицирующей функцией в повести В.М. Шукшина «Калина красная» / Е. Ю. Логинова. – Самара: Филологические науки. Вопросы теории и практики. Том 17. Выпуск 6, 2024. – 1992 с. – Текст: непосредственный.
100. Ломтева, Т. Н. К вопросу о функционально-прагматических аспектах афоризмов / Т. Н. Ломтева, Е. В. Патрушева. – Текст: непосредственный // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2010. – № 2. – С. 80–86.
101. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2001. – 846 с. – Текст: непосредственный.
102. Максимов, Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений: (на материале современного русского литературного языка) / Л. Ю. Максимов. – Ставрополь; Пятигорск: Издательство СГУ, 2011. – 675 с. – Текст: непосредственный.
103. Малыгина, Э. В. Кризисная межперсонажная коммуникация в текстах рассказов В.М. Шукшина: лингвоэвакуационное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. В. Малыгина. – Екатеринбург, 2013. – 23 с. – Текст: непосредственный.
104. Малышева, Е. Г. Идиостиль Владимира Ходасевича (опыт когнитивного анализа): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Малышева. – Омск, 1997. – 17 с. – Текст: непосредственный.

105. Манякина, Т. И. Об определении афоризма / Т. И. Манякина. – Текст: непосредственный // Проблемы взаимодействия литературных направлений. – 1975. – Вып. 7. – С. 112–118.
106. Мартемьянов, Ю. С. Афоризм: проблемы построения имплицитного текста / Ю. С. Мартемьянов. – Текст: непосредственный // Имплицитность в языке и речи. – 1999. – Вып. 2. – С. 115–124.
107. Мартянова, И. А. Функционирование местоименно-соотносительных отождествительных предложений: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Мартянова. – Ленинград, 1983. – 18 с. – Текст: непосредственный.
108. Мартянова, И. А. Функционирование пословиц и афоризмов типа Кто весел, тот смеётся / И. А. Мартянова. – Текст: непосредственный // Русский язык в школе. – 1987. – № 4. – С. 16–21. – Текст: непосредственный.
109. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с. – Текст: непосредственный.
110. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 576 с. – Текст: непосредственный.
111. Минакова, А. А. Типы повторов и их функции в поэтических текстах Евгения Евтушенко: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Минакова. – Майкоп, 2012. – 22 с. – Текст: непосредственный.
112. Миргородская, В. В. Предложения тождества с метафорическим значением предиката в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Миргородская. – Ростов-на-Дону, 1984. – 25 с. – Текст: непосредственный.
113. Михайлова, О. С. Идиостиль Е. Евтушенко в аспекте теории мотивации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. С. Михайлова. – Томск, 2005. – 21 с. – Текст: непосредственный.
114. Никитина, Л. Б. Образ пожилого человека в русской языковой картине мира / Л. Б. Никитина, И. В. Салимьянова. – Омск: ЛИТЕРА, 2013. – 148 с. – Текст: непосредственный.

115. Падучева, Е. В. Биноминативные предложения: проблема согласования связки (1977) / Е. В. Падучева, В. А. Успенский // Статьи разных лет. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 134–145. – Текст: непосредственный.
116. Падучева, Е. В. Пресуппозиция / Е. В. Падучева. – Текст: непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с. – Текст: непосредственный.
117. Пекарская, И. В. Контаминация в контексте проблемы системности описания стилистических ресурсов русского языка / И. В. Пекарская. – Ч. 1. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2000. – 248 с. – Текст: непосредственный.
118. Пекарская, И. В. Контаминация в контексте проблемы системности описания стилистических ресурсов русского языка / И. В. Пекарская. – Ч. 2. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2000. – 344 с. – Текст: непосредственный.
119. Перебатова, Ю. А. Блудный сын (на основе рассказа В.М. Шукшина Два письма) / Ю. А. Перебатова // СП Международные научные чтения (памяти А.Н. Туполева): сборник статей Международной научно-практической конференции (Москва, 18 февраля 2021 г.). – Москва: Научная артель, 2021. – С. 42–44. – Текст: непосредственный.
120. Перебатова, Ю.А. Церковь как духовный ориентир прошлого и будущего (по рассказам В.М. Шукшина Крепкий мужик, Мастер / Ю. А. Перебатова // Межотраслевые исследования как основа развития научной мысли: сборник статей Международной научно-практической конференции (Казань, 12 февраля 2021 г.). – Казань: Омега Сайнс, 2021. – С. 105–110. – Текст: непосредственный.
121. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – Москва: Языки славянской культуры (ЯСК), 2001. – 544 с. – Текст: непосредственный.

122. Пищальникова, В. А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект: учебное пособие для вузов / В. А. Пищальникова. – Барнаул: Издательство Алтайского гос. ун-та, 1992. – 73 с. – Текст: непосредственный.
123. Поздеева, Н. С. Место концепта Одиночество в русской языковой картине мира / Н. С. Поздеева. – Текст: непосредственный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 2. – С. 95–98.
124. Попова, З. Д. Общее языкознание: учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 408 с. – Текст: непосредственный.
125. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Текст: непосредственный // Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С. 35–220.
126. Предложение и высказывание / П. А. Лекант. – Текст: непосредственный // Очерки по грамматике русского языка. – МГОУ. – 2002. – С. 295–300.
127. Признаковое пространство культуры / отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2002. – 432 с. – Текст: непосредственный.
128. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 176 с. – Текст: непосредственный.
129. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета / Т. Б. Радбиль. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 328 с. – Текст: непосредственный.
130. Рапопорт, Н. В. Лингвокультурологический концепт французская национальная личность (на материале афористики): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Рапопорт. – Уфа, 1999. – 57 с. – Текст: непосредственный.
131. Рехлова, О. А. Афористика в газете / О. А. Рехлова. – Текст: непосредственный // Русская речь. – 2007. – №3. – С. 62–68.
132. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 400 с. – Текст: непосредственный.
133. Русская грамматика. – М.: Наука, 1982. – Т. 1. – 783 с; Т. 2. – 709 с. – Текст: непосредственный.

134. Русский язык. Энциклопедия / гл. редактор Ю. Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. – 722 с. – Текст: непосредственный.
135. Сковородников, А. П. Парономазия / А. П. Сковородников // Культура речи. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 453. – Текст: непосредственный.
136. Сковородников, А. П. Сегментированная синтаксическая конструкция / А. П. Сковородников. // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 612. – Текст: непосредственный
137. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 141 с. – Текст: непосредственный.
138. Современный русский литературный язык / под ред. П. А. Леканта. – М.: Высшая школа, 1988. – С. 415. – Текст: непосредственный.
139. Солганик, Г. Я. Стилистические ресурсы языка / Г. Я. Солганик. – Текст: непосредственный // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 689–690.
140. Стилистика и литературное редактирование / под ред. В. И. Максимова. – М.: Гардарики, 2004. – 651 с. – Текст: непосредственный.
141. Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь: коммуникативные и стилистические аспекты. – Саратов: СГУ, 2004. — 176 с. – Текст: непосредственный.
142. Тарасова, И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте / И. А. Тарасова. – М.: Флинта, 2012. – 196 с. – Текст: непосредственный.
143. Тарланов, З. К. Между золотым и серебряным веком / З. К. Тарланов. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. ГУ, 2001. – 393 с. – Текст: непосредственный.
144. Тарланов, З. К. Очерки по синтаксису русских пословиц / З. К. Тарланов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 136 с. – Текст: непосредственный.
145. Тарланов, З. К. Русские пословицы. Синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. гос. ун-та, 1999. – 448 с. – Текст: непосредственный.

146. Тарланов, З. К. Язык. Этнос. Время / З. К. Тарланов. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. ун-та, 1993. – 222 с. – Текст: непосредственный.
147. Тимофеев, К. А. Греческий язык / К. А. Тимофеев. – Новосибирск, 1979. – 95 с. – Текст: непосредственный.
148. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – СПб.: Азбука, 2000. – 347 с. – Текст: непосредственный.
149. Фадеева, О. Афоризмы Э. М. Ремарка (Опыт сопоставительного словаря немецко-русских вариантов) / О. Фадеева. – URL: <http://www.em-remarque.ru> – С. 57–63 (дата обращения: 24.11.2021). – Текст: электронный.
150. Фадеева, О. Ключевые слова в афоризмах Э. М. Ремарка в аспекте перевода / О. Фадеева. – URL: <http://www.em-remarque.ru/library/semantiko-sintaksicheskiy-aspekt-aforizmov> (дата обращения: 24.11.2021). – Текст: электронный.
151. Хачикян, Е. И. Типология героев в малой прозе В.М. Шукшина / Е. И. Хачикян, М. А. Конькова // Сибирский филологический форум. – 2019. – № 3. – С. 25–35. – Текст: непосредственный.
152. Хустенко, А. А. Неофициальные формы профессиональной коммуникации в аспекте лингвокогнитивного моделирования (на материале Интернет-мемов профессиональных сообщество юристов): автореф. дис. ... канд филол. наук / А. А. Хустенко. – Кемерово, 2023. – Текст: непосредственный.
153. Цумарев, А. Э. Парцелляция / А. Э. Цумарев. – Текст: непосредственный // Культура речи. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 612.
154. Черницына, Т. В. Коммуникативные стратегии похвалы и порицания в идиостиле В.М. Шукшина: автореф дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Черницына. – Волгоград, 2013. – 25 с. – Текст: непосредственный.
155. Черномаз, Д. А. Смысловое развертывание номинации студент в рассказе В.М. Шукшина Экзамен / Д. А. Черномаз. – Текст: непосредственный. // Слово и текст: теория и практика коммуникации. – Армавир: АГПУ, 2020. – Вып. 11. – С. 125–127

156. Чувакин, А. А. Лингвоэвокационная структура прозы В.М. Шукшина: к постановке проблемы (на материале рассказов) / А. А. Чувакин. – Текст: непосредственный // Творчество В.М. Шукшина. Язык. Стиль. Контекст: материалы VII Международной научной конференции / под ред. А. И. Куляпина. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. – С. 112–124.
157. Чувакин, А. А. Творчество В.М. Шукшина в исследованиях филологов Алтайского государственного университета / А. А. Чувакин. – Текст: непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – Барнаул; Иркутск; Кемерово; Новосибирск; Томск. – С. 11–26.
158. Чувакин, А. А. Творчество В.М. Шукшина в пространстве коммуникации: монография – Текст: непосредственный / А. А. Чувакин, Е. В. Демидова, Э. В. Малыгина; под общ. ред. А. А. Чувакина; АлтГУ. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – 132 с.
159. Чувакин, А. А. Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник – Текст: непосредственный / Алт. гос. ун-т [и др.]; науч. ред. А.А. Чувакин. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2004. – 332 с.
160. Шагова, В. А. Синтаксические средства описания портрета персонажа в рассказах В.М. Шукшина / В. А. Шагова // Лексикология и грамматика русского языка и стилистика художественного текста: материалы Всероссийской конференции студентов, посвященной 140-летию со дня рождения Л.В. Щербы (Москва, 18 декабря 2020 г.). – Москва: ИИУ МГОУ, 2021. – С. 158–163 – Текст: непосредственный.
161. Шаталова, С. А. Лингвистические основы афористики и афоризмы в художественных текстах Ф. М. Достоевского: на материале романов Бесы и Подросток: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Шаталова. – Москва, 2000. – 21 с. – Текст: непосредственный.
162. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во АК наук СССР, 1960. – 377 с. – Текст: непосредственный.

163. Шведова, Н. Ю. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова. В 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1980. – 717 с. – Текст: непосредственный.
164. Ширяев, Е. Н. Основные синтаксические характеристики функциональных разновидностей современного русского языка / Е. Н. Ширяев. – Текст: непосредственный // Русский язык и его функционирование: уровни языка. – М.: Наука, 1996. – С. 181–203.
165. Шмелев, Д. Н. Избранные труды по русскому языку / Д. Н. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 888 с. – Текст: непосредственный.
166. Шмелев, Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1976. – 150 с. – Текст: непосредственный.
167. Шмелёва, Е. А. Сквернословие / Е. А. Шмелёва. – Текст: непосредственный // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 627–628.
168. Шмелёва, Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса Современный русский язык / Т. В. Шмелёва. – Красноярск, 1988. – 54 с. – Текст: непосредственный.
169. Шукшин, В. М. Беседы при ясной луне: рассказы / В. М. Шукшин. – М.: Сов. Россия, 1974. – 319 с. – Текст: непосредственный.
170. Шукшин, В. М. Земляки: рассказы / В. М. Шукшин. – М.: Сов. Россия, 1970. – 208 с. – Текст: непосредственный.
171. Шукшин, В. М. Нравственность есть Правда: сборник статей / В. М. Шукшин; [сост. – Л. Н. Федосеевой-Шукшиной; вступ. ст. и коммент. – Л. А. Аннинского, Л. Н. Федосеевой-Шукшиной]. – М.: Сов. Россия, 1979. – 607 с. – Текст: непосредственный.
172. Шукшин, В. М. Сельские жители: рассказы / В. М. Шукшин. – М.: Мол. гвардия, 1963. – 191 с. – Текст: непосредственный.
173. Шукшин, В. М. Собр. соч. В 3 т. / В. М. Шукшин; [сост. – Л. Н. Федосеевой-Шукшиной; предисл. С. Залыгина]. – М.: Мол. гвардия, 1992. – Текст: непосредственный.

174. Шукшин, В. М. Собр. соч. В 5 т. / В. М. Шукшин [сост. – Л. Н. Федосеевой-Шукшиной, при участии Вадима Панюты]. – Екатеринбург, 1992. – Текст: непосредственный.
175. Шукшин, В. М. Собр. соч. В 6 т. / В. М. Шукшин. – М.: Мол. гвардия, 1993. Т. 3. – Текст: непосредственный.
176. Шукшин, В. М. Собр. соч. В 8 т. / В. М. Шукшин; [ред. коллегия: О. Г. Левашова (гл. ред.), А. И. Куляпин (зам. гл. ред.), В. В. Десятов, С. М. Козлова, Д. В. Марьин [и др.]; под общ. ред. О. Г. Левашовой]. – Барнаул: ООО Изд. Дом Барнаул, 2009. – Текст: непосредственный.
177. Шукшин, В. М. Тесно жить / В. М. Шукшин. – М.: Зебра Е, 2006. – 522 с. – Текст: непосредственный.
178. Юрочкина О.Н. Функции сравнений в художественном тексте. (на материале романа С. Мозма Театр и его перевода на русский язык) // Электронный архив РГППУ: Oxford: Oxford. University Press, 1999. С.226 – 232. URL:https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/13102/1/lingvo_2006_41.pdf (дата обращения 01.11.2024).
179. Якобсон, А. А. Работы по поэтике / А. А. Якобсон. – М.: Прогресс, 1987. – С. 324–335. – Текст: непосредственный.
180. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира / Е. С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с. – Текст: непосредственный.
181. Ярыгина, Е. С. Конструкция вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. С. Ярыгина. – М., 2003. – 38 с. – Текст: непосредственный.
182. Яценко, Т. А. Методология исследования фразем в художественном тексте (на материале прозы В.М. Шукшина) / Т. А. Яценко, Э. Д. Айдинова // Совершенствование методологии и организации научных исследований в целях развития общества: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 29 декабря 2020). – Стерлитамак: АМИ, 2020. – Ч. 2. – С. 103–105. – Текст: непосредственный.

183. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. – Текст: непосредственный.
184. Словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с. – Текст: непосредственный.
185. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Издательство АН СССР, 1985. – 696 с. – Текст: непосредственный.
186. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 1 / под ред. В. И. Чернышева. – М.: Издательство АН СССР, 1950. – 444 с. – Текст: непосредственный.
187. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики философии искусства) / Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 330 с. – Текст: непосредственный.
188. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа Языки русской культуры, 1997. – 824 с. – Текст: непосредственный.
189. Степанов, Ю. С. Концепты: Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с. – Текст: непосредственный.